

Еврейская Старина

ТРЕХМѢСЯЧНИКЪ

Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

Годъ IV. Выпускъ III. (Июль—Сентябрь). 1912

1. М. Балабанъ. Яковъ Полякъ, отецъ польскаго раввинизма и его время 225
2. М. Тривусъ. Ритуальные процессы дореформеннаго русскаго суда. 246
3. Б. Донхинъ. (Донъ-Яхія). Изъ прошлаго еврейскихъ общинъ въ городѣ Люцинѣ и его уѣздѣ 263
4. С. Дубновъ. Евреи въ Россіи въ эпоху европейской реакціи (1815-1848). 274
5. Меримзонъ. Разсказъ стараго солдата. Гл. I. 290
6. Л. Штернбергъ. Новѣйшія работы по антропологіи евреевъ . 302

Замѣтки и сообщенія.

7. И. Галантъ. Официальная переписка о прекращеніи колонизаціи евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ. 330
8. С. Іерусалимскій. Гоненія на еврейскую одежду. 334
9. Б. Топоровскій. Еврейскій „отдѣлъ“ въ Екатеринославскомъ областномъ музеѣ 338
10. С. Бейлинъ. Изъ историческихъ журналовъ. 340

Критика и библіографія.

11. Книжная лѣтопись 342
12. Извѣщенія Комитета Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. 348
13. Объявленія.

ЗВѢРЕНО 1961 г.

Государственная историческая
библиотека УРСР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Открыта подписка
съ 1-го Октября

На еженедѣльный органъ, посвященный интересамъ еврейства

„Новый ВОСХОДЪ“

Годъ изданія—ТРЕТІЙ Ред.-Изд. М. Г. СЫРКИНЪ.

Подписная плата на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

АДРЕСЪ: С.-Петербургъ, Захарьевская, 25.

„הַזְמַן“ לַשָּׁנָה 1913

עתון יומי מדיני, ספרותי ואינפורמציוני.

חברי-חמערבת: ב"צ כ"ק, ש"ל ציטרון, י"א מריווש וד"ר מ. ראבינזון.
מחיר „הזמן“ עם המשלוח:

במדינת רוסיה: לשנה 8 רובל; לחצי שנה—4 רובל; לרבע שנה—2 רובל.

„הזמן“ נותן לחתומיו בשנת 1912 את שלשת הפרס

הראשון—הליקסיון התלמודי הגדול וד"ר

חנוך יהודה קאהוט, ב

השביעי, השמיני, התשיעי

המשלוח: בריסיה: לחר

הפרס השני—כפר „ג

תלמוד בבלי וירושלמי

רובל. הפרס השלישי—

קרוב לחמשת אלפי

לחתומי „הזמן“ קבענו א

האדרס: Hasman,

АФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

И

и КУЛЬТУРЪ

(томатія)

Томъ I. Библия и періодъ.

Подъ редакціей М. К. Кулишера и Л. А. Сева

составленъ М. Я. Соловейчикомъ.

Стр. 236+12, съ 24 рисунками и тремя картами.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія: въ книжномъ магазинѣ „ЭПРО“,

С.-Петербургъ, Садовая, 52.

Еврейское старинно
1912 г. В. III.
(июль - сентябрь)

Яковъ Полякъ, отецъ польскаго раввинизма, и его время.

Творецъ „пилпула“, Яковъ Полякъ, занималъ подъ конецъ XV вѣка постъ раввина въ Прагѣ. Вслѣдствіе одного недостаточно обоснованнаго бракоразводнаго акта, совершеннаго Полякомъ, между нимъ и авторитетными раввинами того временъ возгорѣлся споръ, въ результатъ котораго онъ былъ преданъ „херему“ и вынужденъ, повидимому, покинуть Прагу. Онъ нашелъ поддержку въ одномъ только раввинѣ—Мейерѣ Пффефкорнѣ, жена и дѣти котораго были освобождены изъ томительнаго заключенія благодаря вліянію тещи Поляка. Эта женщина была лицомъ очень вліятельнымъ при чешскомъ дворѣ и согласилась употребить свое вліяніе въ защиту семьи Пффефкорна при томъ лишь условіи, что самъ онъ одобритъ совершенный Полякомъ разводный актъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе эпизода изъ жизни Поляка, который передаетъ намъ Грець. Въ то же время это и единственный эпизодъ о Полякѣ, который мы находимъ у Греца. Источникомъ послужила историку полученная отъ Рафаила Кирхгейма¹⁾ замѣтка, въ которой сообщается, что свояченица Поляка (сестра его жены) была еще до совершеннолѣтія выдана замужъ за нѣкоего Давида Сендерса; достигши совершеннолѣтія, жена не захотѣла жить съ мужемъ и попросила своего шурина Поляка расторгнуть ея бракъ. На основаніи простого заявленія жены: „не люблю я этого человѣка!“—Полякъ призналъ бракъ расторгнутымъ, несмотря на то, что приблизительно за 50 лѣтъ до того авторитетный раввинъ Менахемъ изъ Мерзебурга запретилъ разводъ на основаніи „*ינא*“, отказа жены отъ сожителства. Противъ Поляка поднялась цѣлая буря, и самые выдающіеся раввины того времени, какъ напр. учитель Поляка—Яковъ Маргуліесъ, Пинхасъ изъ Праги и Іуда Минць изъ Падуи, наложили на него херемъ.

¹⁾ Примѣчанія помѣщены въ концѣ статьи.

Вслѣдъ за Грецомъ ²⁾, этотъ разсказъ воспроизводить безъ провѣрки Вейссъ въ своемъ трудѣ ³⁾ דור דור ודורשי и Рабиновичъ въ древнееврейскомъ переводѣ исторіи Грецъ דברי ימי ישראל ⁴⁾.

Въ справочныхъ книгахъ мы о Полякѣ не находимъ почти ничего. Въ біографическомъ лексиконѣ Азулаи—שם הגדולים не-правильно указано имя его отца (Исаакъ); вообще же мы находимъ тамъ лишь нѣсколько второстепенныхъ замѣчаній, въ томъ числѣ и о годѣ смерти Поляка (1530 г.) ⁵⁾. Въ хроникѣ Давида Ганса צמח דוד (ч. I, sub anno 1530) имѣется слѣдующая замѣтка: ר' יעקב פולק הוא הרב הגדול, אשר שמעו יצא מסוף העולם ועד סופו, כבר היה ראש הישיבה ואב ב"ד עם ר' אייזק מרגלית פה ק"ק פראג ונתבקש בישיבה של מעלה גם הוא סביב לשנת ר"ץ. ⁶⁾

Раньше другихъ ошибку Азулаи обнаружилъ Ветштейнъ въ המצפא ⁷⁾. Онъ доказалъ, что было два Якова Поляка: старшій, котораго мы и имѣемъ въ виду,—Яковъ сынъ Іосифа, и младшій—сынъ Исаака, жившій спустя полвѣка. Ветштейнъ воспользовался нѣсколькими замѣтками изъ „Хроники краковскихъ врачей“ XVI вѣка, составленной Яномъ Лаксомъ ⁸⁾, чтобы установить время жительства Поляка въ Краковѣ. Данные Лакса отрывочны и запутаны, ибо онъ принимаетъ Якова Поляка за врача. Но Ветштейну были, повидимому, недоступны латинскіе архивные источники, и поэтому онъ не пошелъ дальше замѣтокъ Лакса. Одну сторону вопроса Ветштейнъ все же разработалъ основательно, а именно—раввинско-пилпулистическую дѣятельность Поляка и его учениковъ ⁹⁾.

Мы хотимъ освѣтить эпоху Поляка и его жизнь въ Краковѣ на основаніи архивныхъ изслѣдованій. Акты краковскихъ городского и замковаго архивовъ, а равно и копіи изъ короннаго архива въ Варшавѣ даютъ намъ точный образъ людей и эпохи.

I.

Около половины XV в. краковскіе евреи жили, какъ на вулканѣ. Краковское купечество хотѣло во что бы то ни стало избавиться отъ еврейской конкуренціи и пускало въ ходъ всѣ средства для достиженія желанной цѣли ¹⁰⁾.

Евреи жили внутри города, на „Еврейской улицѣ“, одинъ конецъ которой выходилъ на большую рыночную площадь, а другой упирался въ городскую стѣну. Здѣсь находились „Еврейскія ворота“, а за ними—еврейское кладбище, называвшееся „Кафіоры“.

Около 1400 г. король Владиславъ Ягелло учредилъ на Еврейской улицѣ Ягеллонскую Академію, и въ двухъ купленныхъ для этого еврейскихъ домахъ помѣстилъ Коллегію Св. Анны. Съ того времени Еврейская улица носила названіе „Platea s-tae Annae“—улица Св. Анны, каковое названіе осталось за ней и понынѣ.

Академія развивалась изъ года въ годъ, число ея преподавателей и учениковъ непрерывно возрастало, чему въ значительной мѣрѣ способствовало выступленіе Яна Гуса въ пражскомъ университетѣ и послѣдовавшій затѣмъ усиленный притокъ чешскихъ студентовъ. Для расширенія университета скупались все новые еврейскіе дома, и вскорѣ на Еврейской улицѣ стало тѣсно какъ Академіи, такъ и евреямъ.

Студенты и мѣщане, желая вытѣснить евреевъ за черту города, инсценировали погромы. Ободряющимъ примѣромъ служила для краковскихъ христіанъ политика многихъ нѣмецкихъ городовъ, а также изгнаніе евреевъ изъ ряда городовъ Чехіи и Моравіи. Съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія городской писарь отмѣчаетъ всѣ эти событія въ магистратскихъ протоколахъ и съ тоской дожидается ихъ повторенія въ Краковѣ ¹¹⁾.

Польскіе и въ особенности краковскіе евреи имѣли непримиримаго врага въ лицѣ величайшаго польскаго теократа, кардинала Збигнева Олесьницкаго. Онъ являлся въ Польшѣ носителемъ того западнаго духа нетерпимости, который возвелъ на костеръ Яна Гуса и былъ причиной изгнанія евреевъ изъ многихъ мѣстъ Германіи. Ревностнымъ послѣдователемъ всесильнаго кардинала былъ краковскій капитульный каноникъ и знаменитый историкъ своего времени, Янъ Лонгинусъ или Длугошъ, который въ своей „Исторіи Польши“ силился находить корень всякаго зла въ евреяхъ и дѣлать ихъ отвѣтственными за каждое проигранное сраженіе, за каждое бѣдствіе, постигшее государство.

Въ 1453 г. король Казиміръ IV намѣревался подтвердить генеральныя еврейскія привилегіи. Это сдѣлалъ въ свое время Казиміръ Великій, но этого не пожелалъ сдѣлать перешедшій въ христіанство наслѣдникъ его, Владиславъ Ягелло. Евреи надѣялись добиться подтвержденія привилегій при Казимірѣ IV. Олесьницкій и Длугошъ дѣлали все возможное, чтобы этому воспрепятствовать. Они пригласили въ Краковъ странствующаго монаха-фанатика Яна Капистрано, прозваннаго „Бичъ Божій“. Длугошъ выѣхалъ ему навстрѣчу въ Бреславль; евреи же воспользовались отсутствіемъ Длугоша, чтобы заручиться подписью короля на генеральныхъ привилегіяхъ. Капистрано, прибывъ въ Краковъ и узнавъ

о состоявшемся подтвержденіи еврейскихъ привилегій, пришелъ въ неописуемый гнѣвъ и яростно выступилъ противъ короля, угрожая ему небесной карой. Въ то же время онъ на рыночной площади произносилъ зажигательныя рѣчи, которыхъ послѣдствія не заставили себя ждать. Чернь стала держать себя угрожающе по отношенію къ евреямъ и во время пожара, вспыхнувшего въ 1454 г., разграбила почти всѣ еврейскія лавки.

Олесьницкій также потребовалъ отъ короля, чтобы онъ взялъ обратно дарованное евреямъ подтвержденіе привилегій. Когда же король мужественно воспротивился притязаніямъ духовенства, кардиналъ возбудилъ противъ него шляхту. Во время войны съ нѣмецкимъ рыцарскимъ орденомъ шляхта взбунтовалась и отказала королю въ повиновеніи. Казиміръ IV вынужденъ былъ даровать шляхтѣ нѣкоторыя привилегіи, и кардиналъ Олесьницкій вставилъ въ эти привилегіи оговорку объ отмѣнѣ правъ евреевъ ¹²⁾.

Дальнѣйшая исторія евреевъ въ Краковѣ представляетъ собою сплошную цѣпь погромовъ и грабежей, исключительныхъ законовъ и запрещеній. Не здѣсь мѣсто для подробнаго изложенія этихъ событій; мы считаемъ необходимымъ однако остановиться на двухъ документахъ, которые обозначаютъ поворотные пункты въ исторіи краковской общины.

29 января 1469 г. къ „еврейскому судѣ“ Яну Хамецу де Добрановице явились старшины еврейской общины и заявили, что они добровольно и безъ всякаго принужденія уступаютъ канонику Яну Лонгинусу (Длугошу) обѣ синагоги, кладбище, еврейскую ратушу и госпиталь—за вознагражденіе въ 200 копъ грошей, но вмѣсто денегъ они получаютъ отъ каноника площадь и домъ на Шпиглярной улицѣ, гдѣ они имѣютъ право выстроить новую синагогу. Этотъ лаконическій договоръ обмѣна является яркой иллюстраціей тогдашняго положенія евреевъ въ Краковѣ; горькой ироніей звучатъ слова документа: „sponte, benevole et animo deliberato“, ибо кто знакомъ съ евреями знаетъ, съ какой болью и послѣ сколькихъ слезъ они рѣшились уступить иновѣрцамъ синагогу и кладбище ¹³⁾. Евреи вынуждены были покинуть свой храмъ и могилы предковъ, чтобы спасти свою жизнь; старая синагога вскорѣ превращена была въ аудиторію, а еврейская община выстроила на Шпиглярной улицѣ, неподалеку отъ костела св. Стефана, новую молельню. Ученые академики были удовлетворены; они согнали съ улицы св. Анны нарушителей покоя—евреевъ. Менѣе довольны были мѣщане: для нихъ было безразлично, на какой улицѣ конкуррентъ ихъ велъ торговлю; необхо-

димо было окончательно удалить его изъ города. Нужно было пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться изгнанія евреевъ, а средства эти были на лицо: погромы, конфискаціи, контрибуціи.

Но евреямъ некуда было уйти; они должны были остаться въ городѣ, и для того чтобы сохранить это право, они подписали документъ, который означалъ для нихъ полную экономическую гибель. Въ 1485 г. въ краковскій магистратъ явились старшины еврейской общины, которые обязались—опять таки „добровольно и безъ всякаго принужденія“—прекратить всякую торговлю и не содержать магазиновъ и лавокъ: „Отъ таковыхъ занятій—гласило обязательство—мы обязуемся воздерживаться, а равно не принимать отъ купцовъ никакихъ товаровъ для продажи въ лавкахъ или магазинахъ“. Евреи отстранились такимъ образомъ отъ торговли и сохранили только право продавать у себя на дому оставшіяся въ ихъ владѣніи заложенные по займамъ вещи. На улицу они могли выносить эти вещи только по вторникамъ, пятницамъ и въ ярмарочные дни, причемъ всякій разъ обязаны были подтверждать подъ присягой, что продаваемая вещь является дѣйствительно невыкупленнымъ залогомъ. Всякій другой товаръ подлежалъ конфискаціи, а продавецъ содержался въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока не уплачивалъ воеводѣ штрафа въ размѣрѣ трехъ марокъ. Только бѣднымъ евреямъ и еврейкамъ дозволялось продавать на рынкѣ чепцы и воротники собственнаго издѣлія ¹⁴). Этотъ документъ подписанъ былъ еврейскими старшинами и переведенъ съ латинскаго языка на древне-еврейскій и нѣмецкій; новые источники пропитанія для многочисленной еврейской общины не были найдены, и бѣдняковъ ждала голодная смерть.

Жизнь однако оказалась сильнѣе писаннаго закона: евреи продолжали вести торговлю вопреки строгому запрету. Тогда мѣщане потребовали отъ короля изгнанія евреевъ. Изгнаніе евреевъ было въ XV в. исполнѣ обычнымъ явленіемъ. За выселеніемъ ихъ изъ многихъ нѣмецкихъ городовъ послѣдовало страшное и жестокое изгнаніе изъ Испаніи. Примѣръ дѣйствовалъ заразительно: оба сына Казимира IV, воссѣдавшіе на польскомъ престолѣ, были учениками историка Яна Длугоша и проводили въ жизнь указанія учителя. Въ 1495 г. великій князь Александръ изгналъ всѣхъ евреевъ изъ Литвы, и въ томъ же году братъ его король Янъ Альбрехтъ поступилъ такъ же съ ихъ краковскими соплеменниками ¹⁵). Въ Литву евреи вернулись уже въ 1503 г., а въ Краковъ-городъ—лишь спустя четыреста лѣтъ, въ

1868 г. Изгнанію евреевъ изъ Кракова предшествовалъ длинный судебный процессъ, по поводу анти-еврейскаго погрома, который возникъ вслѣдствіе пожара и привелъ многихъ евреевъ къ раззоренію. Общинные старшины были заключены въ тюрьму и, по-видимому, обвинены въ поджогъ. Имена ихъ указаны въ актахъ магистрата (№ 430, folio 440)¹⁶): „Jakob Doktor, Moyses Fischel, Israel, Marek, Samuel, Jakob Unger, Josue Israel, Marek, captivi de castro missi, demum alii Judaei Josue, Hassil, Jostman, Lewko, Lazer de Brega, Markus Wolf Dawtor, Simon, Isaak Główna, Simon Contor, Alexander, Dawid Jonaszon, Moyses Mewrer (Maurer), Jonas Schwarcz, Jakob edem (Jakobs Eidam), Liberman, Jakob de Bewtom (Beuthen), Colman, Salomon Scholnik (Szkolnik), Latossek Scholnik—omnes illi Judaei caverunt unus pro alio et omnes pro unoquoque, quod nemo debeat recedere et se ac unumquunque statuere ad mandatum serenissimi Domini regis“. Всѣ эти заключенные являлись заложниками за еврейку Мойжешову. Мы узнаемъ далѣе изъ протокола, что евреевъ допрашивали о причинѣ ихъ заключенія, но никто не могъ таковой указать: „Demum interrogavimus supradictos Judaeos, si quis eos in aliquo inculparet ut causam caucionarentur, juxta tenorem litterarum regalium, dixerunt, quod neminem scirent, sed quadam vi essent detenti“.

Въ числѣ поименованныхъ евреевъ мы видѣли Якова Доктора, Мойзеса Фишеля и Мойжешову.

Первый изъ нихъ и есть рабби Яковъ Полякъ, רבי יעקב פולאק; второй—Моисей Фишель, одинъ изъ общинныхъ старшинъ и въ то же время одинъ изъ богатѣйшихъ откупщиковъ податей въ Польшѣ; а Мойжешова (жена Моисея), по имени Раска (Рахиль) — его жена, пресловутая теща Якова Поляка.

Заключенные были въ скоромъ времени освобождены изъ подѣ стражи; тѣмъ не менѣе процессъ имѣлъ для евреевъ печальныя послѣдствія. Ихъ защитникъ, совѣтникъ короля и гуманистъ Буонакорси не могъ противодѣйствовать вліянію брата короля, кардинала Фридриха. „Заступничество невѣдомаго пришлеца — писалъ кардиналъ Яну Альбрехту — имѣетъ для Вашего Величества больше значенія, нежели голосъ всего мѣщанства“. И побѣда осталась за кардиналомъ; побѣдилъ „голосъ мѣщанства“, побѣдили традиціи Олесьницкаго и Длугоша и западно-европейская нетерпимость: евреи были изгнаны изъ Кракова. Это было въ то время

событіемъ до того зауряднымъ, что хроникеры (Мѣховита, Вѣльскій, Кромеръ) ограничились краткими замѣтками о немъ, какъ о незначительномъ эпизодѣ.

II.

Изгнанные изъ своего стариннаго гнѣзда, оторванные отъ земли, хранившей прахъ ихъ предковъ, краковскіе евреи ушли въ близлежащій Казиміръ или Казимежъ, чтобы здѣсь заново обосноваться. Казимежъ — нынѣ предмѣстье Кракова — представлялъ собой въ то время самостоятельный городъ, расположенный на островѣ, образуемомъ Вислой, и отдѣленный этой рѣкой отъ сосѣдней съ Краковомъ общины — Страдома. Въ Казимежѣ жили евреи отъ самаго его основанія, т. е. отъ 1335 г.; старая готическая синагога его была построена, безъ сомнѣнія, еще въ концѣ XIV в.; она напоминаетъ своей архитектурой старинную Пражскую синагогу и, быть можетъ, еще болѣе древнюю — Вормскую, разрушенную въ 1519 г. На кружкѣ для сбора пожертвованій, прикрѣпленной у входа въ синагогу, мы находимъ дату: $\text{ספ"ו ז'} = 86 + 81 = 167 = 1407$ г. Самое отдаленное извѣстіе о евреяхъ въ Казимежѣ мы находимъ подъ 1386 г.; но лишь въ 1485 г. въ городскихъ актахъ встрѣчается запись о еврейской банѣ (*balneum judaeorum*), а спустя три года — объ еврейской рыночной площади (*circulus judaeorum*). Въ 1494 г. (29 февраля) евреи Казимежа заключаютъ съ тамошними мясниками договоръ, въ силу котораго четверемъ еврейскимъ мясникамъ дозволяется продавать свой товаръ на рынкѣ. Этотъ договоръ былъ однимъ изъ звеньевъ въ длинномъ рядѣ тяжёбъ еврейскихъ мясниковъ, отстаивавшихъ свои права.

Въ эту старую, но маленькую общину Казимежа было втиснуто богатое и многолюдное еврейское населеніе Кракова. Понятно, что при этомъ не могло обойтись безъ треній и раздоровъ. Борьба между пришлыми и туземцами вылилась въ форму борьбы двухъ самостоятельныхъ общинъ: польской и чешской. Повидимому, или краковская или казмежская еврейскія общины были чешскаго происхожденія; возможно также, что обѣимъ имъ приходилось защищаться передъ усиленной иммиграціей изъ Чехіи. Но на первыхъ порахъ многолюдной новой общинѣ пришлось сильно пострадать отъ крестоваго похода. Въ 1499 г. въ Малой Польшѣ готовился крестовый походъ противъ турокъ; какъ обыкновенно, дѣло началось съ избіенія евреевъ. Въ Кази-

межѣ еврейское имущество подверглось грабежу, были даже убиты нѣкоторые евреи. Послѣ ухода крестоносцевъ еврейская община привлекла къ суду магистратъ Казимежа. Два члена магистрата—Янъ Цюнтагъ и Бартоломей Оночекъ—были взяты подѣ стражу и выпущены лишь по представленіи залога въ 74 флор. Были допрошены многіе мѣщане, причемъ всѣ сваливали вину на заключеннаго портного Станислава Облунга. Процессъ не привелъ ни къ какому результату, и дѣло заглохло ¹⁷⁾.

Притокъ евреевъ изъ Чехіи между тѣмъ все усиливался. 5 августа 1499 г. были изгнаны евреи изъ Карлсбада; 29 августа 1502 г. магистратъ Новой Праги (Nove Mesto Prazske) постановилъ выселить евреевъ; въ 1504 г. ихъ изгоняютъ изъ Пильзена; въ томъ же году два еврея были сожжены въ Страковицѣ; 16 декабря 1506 г. евреевъ изгнали изъ Иглау, причемъ синагога была превращена въ костелъ. Въ 1507 г. магистратъ Старой Праги постановилъ оставить евреевъ въ городѣ еще на годъ; 20 мая 1508 г. король Владиславъ даровалъ мѣщанамъ г. Будвейса дома убитыхъ тамъ евреевъ; 11 іюня 1508 г. король позволяетъ евреямъ оставаться въ Чехіи еще въ теченіи года, а 18 февраля 1514 г. онъ изгоняетъ ихъ изъ послѣдняго Моравскаго города—Унгаришъ-Градиша. Въ Прагѣ евреямъ во всякое время могли отказать въ правѣ жительства, такъ что они никогда не знали, какъ долго смогутъ тамъ еще пробыть. Отъ 1508 до 1517 г. магистратъ готовился къ выдворенію евреевъ, въ 1518 г. начинаются переговоры съ ними и, наконецъ, въ 1524 г. принимается постановленіе объ окончательномъ изгнаніи ихъ изъ Праги (*aby Židuv vic w Prazskem meste nebylo, ani nevestek, ani rovalecuv*). Въ 1541 г. на чешскихъ (какъ и на польскихъ) евреевъ было взведено обвиненіе въ тайныхъ сношеніяхъ съ турками, и король Фердинандъ I издаетъ декретъ объ окончательномъ изгнаніи евреевъ изъ Чехіи ¹⁸⁾. Всѣ изгнанники устремились въ Польшу, а большинство направило свой путь непосредственно въ Казимежъ, гдѣ существовала значительная община чешскихъ евреевъ. Польскій король Сигизмундъ заступается за изгнанниковъ, принявъ ихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ подѣ свое покровительство, и объявляетъ чешскаго государственнаго канцлера Штернберга отвѣтственнымъ за цѣлость имущества евреевъ (1517) ¹⁹⁾. Особую грамоту король даетъ еврею Самуилу, сыну Гесселя изъ Лейтмерица ²⁰⁾. Въ 1518 г. король разрѣшаетъ чешскимъ евреямъ переселиться въ Польшу, причемъ жалуются осо-

быя грамоты Іосифу изъ Комотау и „Якову и Лазарю изъ Чехіи“ ²¹⁾).

Во главѣ чешской общины въ Казимежѣ стоялъ Аврамъ Чехъ (Abraham Judaeus Bohaemus). Онъ поддерживалъ торговыя сношенія съ королемъ Чехіи и Венгріи—Владиславомъ, а также съ германскимъ императоромъ Максимилианомъ, и состоялъ придворнымъ банкиромъ польскихъ королей Александра и Сигизмунда I. Наряду съ нимъ мы встрѣчаемъ другого вліятельнаго еврея—Франциска или Франчека изъ Казимежа. Уже одно имя „Франчекъ“ свидѣтельствуеетъ о его чешскомъ происхожденіи; въ синагогальномъ обиходѣ онъ называется Эфраимомъ. Это сынъ Раски, вдовы по Моисеѣ; она же—Мойжешова, знакомая намъ изъ перечня заключенныхъ въ 1495 г. ²²⁾ Раска или Рахиль (Rachle), одна изъ богатѣйшихъ женщинъ въ общинѣ, была женой знаменитаго откупщика королевскихъ налоговъ, Моисея Фишеля.

Фишели прибыли изъ Германіи или изъ Чехіи, около половины XV в. *). У родоначальника семьи, Эфраима Фишеля, были слѣдующіе сыновья: Іошуа, Яковъ, Моисей и Стефанъ. Послѣдній изъ нихъ крестился и получилъ свое имя при крещеніи ²³⁾. Эфраимъ Фишель велъ большія дѣла, которыя послѣ него продолжали вести его сыновья. Уже въ 1472 г. они имѣютъ тяжбу съ старшинами общины; однако въ 1485 г. они входятъ въ составъ общаго представительства и въ числѣ другихъ подписываютъ вышеупомянутое обязательство объ отказѣ отъ права торговли. Въ этомъ году Эфраима нѣтъ больше въ живыхъ, и во главѣ рода стоитъ Моисей Фишель. Въ 1495 г. онъ обязывается передъ краковскимъ магистратомъ уплатить за еврейку „Мойжешову“ сумму въ 32½ фл. Кромѣ денежныхъ оборотовъ, Моисей Фишель занимался еще откупомъ налоговъ. Въ 1490 г. онъ держитъ въ откупѣ всѣ еврейскіе налоги въ Великой Польшѣ и строгостью своего обращенія возбуждаетъ сильное недовольство среди великопольскихъ евреевъ. Они приносятъ даже на него жалобу кардиналу Фридриху въ томъ, что онъ перебралъ сверхъ нормы 40 талеровъ ²⁴⁾. Въ 1504 г. Моисей вмѣстѣ со своимъ братомъ Яковомъ беретъ въ откупъ налоги въ Ленчицкомъ воеводствѣ и таможенные сборы въ Сохачевѣ ²⁵⁾. Крещеный братъ Моисея, Стефанъ, имѣлъ денежные дѣла съ королемъ Яномъ Альбрехтомъ

*) Авторъ коснулся уже судьбы семьи Фишелей въ статьѣ „Еврей-врачи въ Краковѣ“ (Евр. Стар. 1912 г., стр. 40 сл.), и здѣсь повторяются съ дополненіями лишь тѣ данныя, которыя нужны для его исторической аргументаціи.—Ред.

и кардиналомъ Фридрихомъ²⁶). Стефанъ Фишель не былъ лучше другихъ выкрестовъ того времени. Когда ренегатъ Пффеферкорнъ бросилъ вызовъ еврейству и сообщая съ майнцскими доминиканцами предпринялъ походъ противъ Талмуда, Стефанъ сталъ на его сторону и, какъ передаютъ, доставлялъ ему доказательства зловредности Талмуда. Въ произведеніи, озаглавленномъ „Zum Lob Kaiser Max“ Пффеферкорнъ грозилъ опубликовать апокрифическую рукопись о рожденіи Христа, написанную на древне-еврейскомъ языкѣ, и при содѣйствіи крещеныхъ евреевъ—Виктора Карбена, „Фишеля изъ Кракова“ и другихъ—обнаружить злокозненность евреевъ²⁷). Несмотря на ненависть къ бывшимъ единовѣрцамъ, Стефанъ Фишель продолжалъ жить въ еврейскомъ кварталѣ Казимежа; во всякомъ случаѣ тамъ находился унаслѣдованный имъ домъ. Въ актахъ магистрата Казимежа мы подъ 1505 г. находимъ запись²⁸), согласно которой Рахиль (Раска) Мойжешова вмѣстѣ со своимъ законнымъ сыномъ Франчекомъ передали въ собственность домъ зятю Рахили, Якову доктору, —discreto Jacob Hebreo doctori genere suo,—и дочери (женѣ Якова) Эсеири. Этотъ домъ находится между домомъ Стефана Фишеля и другимъ домомъ той же Мойжешовой.

Мойжешова пользуется большимъ вѣяніемъ при дворѣ польскихъ королей. Когда евреи еще проживали въ Краковѣ, Казиміръ IV разрѣшилъ ей жить въ одномъ изъ своихъ домовъ, неподалеку отъ костела св. Стефана²⁹), а послѣ изгнанія евреевъ она была единственной еврейкой, которой король Александръ въ 1504 г. (1 Ноября) предоставилъ право жительства въ Краковѣ³⁰). Въ актахъ краковскихъ шеффеновъ ея имя упоминается уже подъ 1483 г. Она поддерживаетъ торговые сношенія съ краковскимъ епископомъ Яномъ Жешковскимъ и ссужаетъ его суммой въ 850 гульденовъ золотомъ³¹). Короли Казиміръ IV и Янъ Альбрехтъ также принадлежатъ къ ея должникамъ. Ихъ долги покрылъ лишь въ 1504 г. король Александръ, который за неимѣніемъ наличныхъ денегъ разрѣшилъ ей чеканить при королевскомъ дворѣ изъ собственнаго серебра опредѣленное количество денегъ³²). Въ теченіе своего долготѣяго вдовства Мейжешова прекрасно пристроила своихъ дѣтей. Одну дочь, Эсеирь, она выдала замужъ за раввина Якова Поляка³³); другую, Гендель—за раввина польской общины въ Краковѣ, каббалиста Ашера Лемеля³⁴); сынъ ея Франчекъ, женатый на Хвалькѣ (Фалькѣ), былъ крупнымъ торговцемъ, откупщикомъ податей и придворнымъ маклеромъ швейдницкой герцогини, сестры короля Сигизмунда I—Елизаветы.

Когда Сигизмундъ I рѣшилъ въ 1512 г. централизовать сборъ еврейскихъ налоговъ, то назначилъ для всего государства трехъ сборщиковъ: для Литвы—Михаила Езофовича, для Малой Польши—нашего Франчека, а для Великой Польши—банкира Абрама Чеха. Еще раньше, чѣмъ были официально объявлены имена генеральныхъ сборщиковъ, отъ самыхъ крупныхъ общинъ поступили протесты противъ назначенія этихъ должностныхъ лицъ. Широкія полномочія сборщиковъ угрожали автономіи общинъ, которыя рѣшили поэтому пустить въ ходъ всѣ возможные средства, лишь бы разстроить централистическіе планы короля. Въ Польшѣ XVI в. повторилось то же, что и въ Германіи начала XV в., когда императоръ Рупрехтъ Пфальдскій назначилъ Израиля изъ Крэмса „главою всѣхъ евреевъ и евреекъ германской имперіи“. Въ Польшѣ, какъ и въ Германіи, „должность еврейскаго префекта исчезла сейчасъ же послѣ своего появленія, а судъ современниковъ о ея носителѣ выразился въ упорномъ молчаніи о немъ и объ его избраніи“ ³⁵).

Уже въ самомъ декретѣ о назначеніи Франчека (6 августа 1512 г.) ³⁶) король изъемяетъ изъ его вѣдѣнія краковскую общину (*Judaeis... cracoviensibus, alias casimiriensibus duntaxat exceptis*). Такого же изъятія безуспѣшно добивалась отъ короля для себя и львовская община (*vero Judaeis leopoliensibus... abrogando et ipsis eiusmodi auctoritaten adimendo...*). Такимъ образомъ между общинами и сборщикомъ возгорѣлась борьба, приведшая къ тому, что Франчекъ оказался не въ состояніи выполнить по отношенію къ государству свои обязательства. Сигизмундъ I поручилъ поэтому казначею расчитаться съ Франчкомъ, „такъ какъ онъ не платитъ и скоро прогоритъ“, и расчетъ произвести возможно скорѣе ³⁷). Франчекъ потерялъ довѣріе короля и лишился своего высокаго званія, хотя и остался придворнымъ маклеромъ герцогини Елизаветы. Когда герцогиня вышла замужъ и отправлялась къ своему мужу въ Силезію, она попросила короля разрѣшить Франчеку сопровождать ее на новую родину. Король выдалъ Франчеку желѣзную грамоту (1515) и разрѣшилъ ему покинуть страну ³⁸)... Вскорѣ Франчекъ, благодаря поддержкѣ своей богатой матери, былъ восстановленъ въ своихъ правахъ. Мойжешова добилась для себя и своихъ дѣтей покровительства королевы Боны Сфорцы, второй жены Сигизмунда I. Въ 1524 г. король даруетъ Франчеку и его женѣ Хвалькѣ званіе придворныхъ и освобождаетъ обоихъ отъ обыч-

ной юрисдикціи: по дѣламъ уголовнымъ ихъ судить король, по дѣламъ гражданскимъ—королева Бона ³⁹⁾.

Но вернемся къ другимъ генеральнымъ сборщикамъ. Лишивъ Франчека его званія, король поручилъ Аврааму Чеху соби-
 бирать налоги и въ Малой Польшѣ, такъ что на обязанности
 этого сборщика лежало взиманіе налоговъ съ евреевъ всей
 Польши подобно тому, какъ его коллега Михаилъ Езофовичъ
 исполнялъ эту обязанность по отношенію къ Литвѣ ⁴⁰⁾. Но дѣла
 шли у Авраама не лучше, чѣмъ у Франчека; краковская община
 воспретила ему проживаніе въ еврейскомъ кварталѣ, а всѣ осталь-
 ныя общины отказывали ему въ платежѣ. Уже 24 октября 1515 г.
 король снабдилъ его *salvum conductum*—железной грамотой—и
 приказалъ всѣмъ раввинамъ при помощи херема принуждать общины
 къ платежу ⁴¹⁾. Но и это не помогло. Когда же Авраамъ сталъ прибѣ-
 гать къ мѣрамъ принужденія, то на него наложила херемъ его родная
 община, а вслѣдъ за ней и многія другія крупныя общины.
 Тогда Авраамъ обратился за помощью къ императору Максу, кото-
 рый замолвилъ за него слово у короля Сигизмунда. 16 августа
 1518 г. Сигизмундъ далъ Аврааму защитительную грамоту, осво-
 бодилъ его отъ юрисдикціи королевскихъ чиновниковъ и запре-
 тилъ всѣмъ раввинамъ въ будущемъ налагать на него отлуче-
 ніе ⁴²⁾. Король хотѣлъ во что бы то ни стало спасти „своего
 еврея“; однако въ этомъ актѣ не упоминается о должности
 Авраама, какъ сборщика налоговъ. Позже Авраамъ нашелъ защиту
 у королевы Боны, которая поручила ему веденіе всѣхъ своихъ
 дѣлъ ⁴³⁾.

III.

Къ концу XV вѣка творецъ талмудической науки въ Польшѣ
 Яковъ Полякъ сдѣлался членомъ вышеописанной семьи Фише-
 лей, женившись на Эсеири, дочери Рахили Мойжешовой и
 сестрѣ Франчека—двухъ вліятельныхъ придворѣ особъ. На вопросъ
 о томъ, былъ ли Яковъ раввиномъ въ Прагѣ, мы не беремся
 отвѣтить ни поло жительно ни отрицательно; акты краковскихъ
 архивовъ неопровержимо доказываютъ только, что уже въ 1495 г.
 онъ проживалъ въ Краковѣ. Какъ мы видѣли выше, имя „Якова
 Доктора“, наряду съ именами его тестя и тещи, значится въ
 спискѣ арестованныхъ въ 1495 г. представителей общины.

Въ 1503 г. Яковъ назначается раввиномъ. Декретъ о назна-
 ченіи не содержитъ въ себѣ указанія на мѣсто, къ которому оно

относится; слѣдуетъ думать, что имѣлась въ виду не одна какая-нибудь община (Казимежъ), а цѣлый округъ или, быть можетъ, даже генеральный раввинатъ. Соотвѣтствующее заглавіе въ реестрахъ коронной метрики гласитъ: „Creatio Jakób Polak in doctorem Judaeorum“. Король сумѣлъ опѣнить по заслугамъ выдающіяся познанія Поляка (*quomodo attempta pericie in litteris hebraïcis legisque Mosaicae*) и назначилъ его поэтому ученымъ надъ евреями (*ipsum in doctorem Judaeorum promovimus*), надѣляя его властью разбирать тяжбы, постановлять рѣшенія по спорнымъ дѣламъ, укрощать правонарушителей (*ut... dissensiones... persuffragium decideret, altricationes dirimat, excessus corrigat, moresque reformet*). Наконецъ, король повѣлѣваетъ всѣмъ евреямъ повиноваться Якову и считать его своимъ законоучителемъ (*quatinus eundem Judaeum Jacob pro doctore legis vestrae habeatis sibi que (!) oboediatis, ac quilibet vestrum... oboediat ac intendat*)⁴⁴⁾. Раввинскій дипломъ Якова—старѣйшій изъ извѣстныхъ намъ въ Польшѣ дипломовъ. Въ 1505 г. овдовѣвшая Рахиль, какъ уже указано выше, подарила Якову домъ, находившійся между домомъ Стефана Фишеля и другимъ ея собственнымъ домомъ. Она передала домъ Якову и его женѣ Эсѣири подъ условіемъ, что они не продадутъ его ни шляхтичу, ни лицу духовнаго званія.

Къ этому именно времени относится вышеупомянутое бракоразводное дѣло невѣстки Поляка, Гендели, о которомъ Кирхгеймъ сообщилъ Грецу. Полякъ призналъ бракъ своей невѣстки расторгнутымъ, между тѣмъ какъ самые выдающіеся раввины того времени объявили его дѣйствительнымъ. Но такъ какъ Полякъ продолжалъ упорно стоять на своемъ (по сообщенію Кирхгейма—этого требовала его теща), то самые авторитетные раввины наложили на него херемъ, такъ что ему пришлось покинуть Краковъ. Тутъ ему на помощь явился король Сигизмундъ I. Въ посланіи отъ 2 августа 1509 г. король далъ Якову, „вынужденному за совершеніе какого-то преступленія бѣжать изъ Кракова“, желѣзную грамоту на одинъ годъ: „Quia Judaeo Jakob doktori Judaeorum, genero Mojceszowa subdito nostro de Cracovia, qui ob cuiusdam obsceni criminis inculpationem ab regno nostro se absentavit et absentat, salvum conductum nostrum regium dandum decrevimus“ etc. Въ теченіе этого времени никто не смѣетъ причинить ему никакого

зла, никто не имѣетъ права ни судить его, ни облагать карой, и только король одинъ можетъ творить надъ нимъ судъ“ ⁴⁵).

Охранная грамота возымѣла свое дѣйствіе, и Яковъ Полякъ вернулся въ Краковъ, гдѣ основалъ свою широко прославившуюся школу, въ которой воспитывалось много учениковъ. Однако, вслѣдствіе описаннаго происшествія, онъ лишился раввинской должности, ибо вскорѣ мы узнаемъ о двухъ другихъ раввинахъ, исполнявшихъ совмѣстно свои обязанности въ Краковѣ.

Въ Краковѣ были два раввина, такъ какъ борьба между чешскими и польскими членами общины привела къ расколу, который сталъ проявляться во всѣхъ областяхъ общинной жизни. Уже въ 1509 г. Сигизмунду I пришлось выступить въ роли посредника между сторонами, ибо взаимная вражда членовъ общины приносила значительный ущербъ краковской торговлѣ ⁴⁶). Но примирить воюющихъ было не такъ-то легко; территорія еврейскаго квартала была тѣсна, имѣлась одна лишь синагога; неудивительно поэтому, что „чехи“ и „поляки“ вели ожесточенную борьбу изъ-за гегемоніи въ общинѣ. Двумя декретами (отъ 25 мая и 5 окт. 1519 г.) король положилъ конецъ этой распрѣ, раздѣливъ общину на двѣ части и предоставивъ каждой изъ нихъ право имѣть своего раввина. Для чешскихъ евреевъ назначенъ былъ раввиномъ Перець, а для польской общины—каббалистъ Ашеръ Леммель. Раввины получили раздѣльную юрисдикцію; но синагога осталась все же за польскими евреями, и отъ ихъ доброй воли зависѣло—впускать туда чеховъ или нѣтъ. Въ мотивировкѣ присужденія синагоги мы читаемъ, что польскіе евреи построили синагогу, владѣли ею и содержали ее съ давнихъ временъ, еще ранѣе переселенія въ Польшу евреевъ изъ Чехіи: „quod praedictam synagogam (communitas Polonorum) aedificiis suis erexit et restauravit, proutet usque ad adventum Bohemorum restaurabat“ ⁴⁷).

Борьба временно прекратилась, но лишь съ тѣмъ, чтобы впоследствии возгорѣться съ большей силой и вплоть до второй половины XVI в. отравлять существованіе обѣимъ враждующимъ сторонамъ.

Мы не располагаемъ никакими свѣдѣніями о раввинѣ чешскихъ евреевъ, Перець; зато у насъ имѣются нѣкоторыя біографическія данныя объ Ашерѣ Леммелѣ. Онъ былъ вдовцомъ и женился на дочери Раски Мойжешовой—Гендели, той самой, которая была разведена съ Давидомъ Сендерсомъ. Такимъ образомъ

Ашеръ Леммель приходился шуриномъ Якову Поляку и Франчеку. Въ 1522 г. Мойжешова передаетъ Ашеру Леммелю домъ, который долженъ въ послѣдствіи перейти къ дѣтямъ, прижитымъ съ Генделью, причемъ дѣти Ашера отъ перваго брака не могутъ имѣть на домъ никакихъ притязаній ⁴⁸). Ашеръ Леммель оставался на своемъ посту до самой смерти, т. е. до 1531 г. Его преемникомъ былъ докторъ Моисей Фишель, сынъ Франчека и внукъ Моисея Фишеля I и Рахили Мойжешовой.

Не такъ спокойно текла жизнь Якова Поляка. Онъ не могъ простить своимъ нѣмецкимъ и итальянскимъ коллегамъ ихъ выступленій въ бракоразводномъ процессѣ и искалъ случая отплатить имъ тѣмъ же. Вскорѣ ему представилась возможность выступить противъ сына своего падуанскаго противника, Авраама Минца. Въ Болонѣ какой-то еврей передалъ другому на храненіе 12000 флор.; когда же вкладчикъ потребовалъ денегъ обратно, принявшій ихъ на храненіе отказался вернуть ихъ. Дѣло это разбиралось передъ падуанскимъ раввиномъ Авраамомъ Минцомъ; сторона, проигравшая тяжбу, апеллировала къ другимъ раввинскимъ авторитетамъ; дѣло дошло и до Якова Поляка. Отъ юридическихъ доводовъ скоро перешли къ личнымъ оскорбленіямъ и, наконецъ, Яковъ Полякъ наложилъ на Минца отлученіе. Въ составленіи этого херема, кромѣ Поляка, участвовали ученые: Самуиль бенъ-Пинхасъ Галеви и д-ръ Моисей Фишель, ставшій въ послѣдствіи раввиномъ ⁴⁹).

Не прошло и года, какъ Яковъ Полякъ впутался въ новую исторію. Въ Краковѣ жилъ лейбъ-хирургъ королевы Боны, по имени Самуиль, поддерживавшій близкія отношенія съ нѣкимъ купцомъ Моисеемъ и его женой Кларой. Такъ напр. мы узнаемъ изъ актовъ краковского замка, что „Iudaei Samuel Chirurgus reginalis Majestatis, Moyses, Clarae maritus de Kazimiria“ сообща ручаются за нѣкоего Моисея изъ Мисьлевицъ въ томъ, что тотъ явится въ судъ. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ объ общемъ дѣлѣ, предпринятомъ Моисеемъ, сыномъ Франчека, Самуиломъ-хирургомъ, Моисеемъ, мужемъ Клары, и Левкой младшимъ ⁵⁰). Эта близость лейбъ-хирурга съ Моисеемъ и Кларой создала вокругъ ихъ именъ дурную молву: въ еврейскомъ кварталѣ шла молва, будто Самуиль находится въ преступной связи съ Кларой. Когда дѣло получило слишкомъ большую огласку, въ него вмѣшался еврейскій судъ, привлечшій Клару къ отвѣтственности за нарушеніе супружеской вѣрности. Въ тѣ времена подобный процессъ могъ кончиться весьма печально, а потому обвиняемые

употребили всѣ усилія, чтобы обнаружить автора сплетни. Наконецъ, имъ это удалось. Авторомъ сплетни оказался не кто иной, какъ рабби Яковъ Полякъ.

Въ среду послѣ Пасхи (23 апрѣля) 1522 г. къ помощнику старосты и „еврейскому судѣ“ Станиславу Гурскому явились Самуиль, Моисей и Клара и предъявили жалобу на Jakob Rabbi doctorem, quomodo idem Jakobus Rabbi, nescitur qua intentione ductus, praedicto Moysi, marito ejusdem Clarae Judaeae dixisset, ut cum eadem uxore sua Clara nullam conversationem matrimonialem haberet, propter eandem causam quia eadem Clara est inculcata coram communitate judaica de adulterio cum praefato Samuele commisso. Согласно этой жалобѣ, рабби Яковъ будто бы прямо заявилъ Моисею, что онъ не долженъ имѣть сношеній со своей женой, такъ какъ она привлечена къ еврейскому суду за нарушеніе супружеской вѣрности. Самуиль почувствовалъ себя обиженнымъ и оцѣнилъ свою обиду въ 100 марокъ. Яковъ Полякъ возражалъ, что дѣло извѣстно всей общинѣ, самъ же онъ ничего не говорилъ и ничего предосудительнаго о Самуилѣ не знаетъ. Жалобщики настаивали однако на своихъ показаніяхъ и добились разрѣшенія привести семь именитыхъ свидѣтелей, которые будто бы слышали, какъ Яковъ говорилъ въ синагогѣ указанныя жалобщиками слова. Свидѣтели эти были: Левъ и Левко младшій и ученые рабби Мордухай, р. Герай, р. Барухъ, р. Симхе и р. Ассеръ. Это были, слѣдовательно, еврейскіе ученые, а среди нихъ—можетъ быть—и мѣстный раввинъ Ашеръ Леммель ⁵¹).

Дѣло проходило черезъ разныя инстанціи, пока наконецъ не поступило къ воеводѣ. Во время всего процесса на сторонѣ Якова стоялъ извѣстный откупщикъ налоговъ Авраамъ Чехъ, который прибѣгалъ ко всевозможнымъ юридическимъ уверткамъ, чтобы обѣлить своего кліента. Воеводскій судъ призналъ за Яковомъ Полякомъ право на очистительную присягу въ томъ, что онъ не говорилъ инкриминированныхъ ему словъ (*Quod Jakob Rabbi Doctor reus, jurabit corporaliter super decem praecepta in lege Moisis descripta... quomodo praedictos conjuges Moysem, Claram et Samuel Chirurghum super infamia adulterii non infamabat, nec aliquid sinistri, quod tangeret honorem ipsorum loquebatur, ita eum Deus adjuvet*). Въ то же время воевода призналъ Самуила и Клару невиновными и чистыми и установилъ штрафъ въ размѣрѣ 60 марокъ для каждого, кто бы сталъ говорить про нихъ что-либо дурное. Срокомъ для

принесенія присяги былъ назначенъ слѣдующій день (7 мая), а мѣстомъ—синагога ⁵²).

Присягнулъ ли Яковъ Полякъ? Хватило ли у него на то мужества, въ виду наличности столькихъ свидѣтелей, которые будто бы слышали его слова? Яковъ сталъ отодвигать срокъ присяги со дня на день, а подъ датой 9 мая мы читаемъ, что дѣло было снова отложено „до ближайшихъ сроковъ въ надеждѣ на соглашеніе“ (*ad futuros proximos terminos Judaicos Kasimiriae... celebraturos... ob spem concordiæ*) ⁵³). Однако, о какомъ либо соглашеніи или примиреніи сторонъ мы въ актахъ не находимъ никакихъ слѣдовъ. Официально споръ заканчивается замѣткой отъ 9 мая. Частные документы отъ того времени до насъ не дошли.

Въ ближайшіе послѣ того годы мы встрѣчаемъ Якова Поляка въ Палестинѣ, гдѣ онъ и кончилъ свою жизнь ⁵⁴). Его преподавательскую дѣятельность и разработку его системы продолжали въ Польшѣ д-ръ Моисей Фишель и такіе выдающіеся ученые, какъ Шаломъ Шахна и ученикъ послѣдняго—Моисей Иссерлесь. Заставилъ ли великаго ученаго покинуть Краковъ описанный скандальный процессъ, или же онъ по собственному побужденію переселился въ Святую Землю—это для насъ остается неразгаданной тайной.

IV.

Намъ неизвѣстны имена преемниковъ Переца на посту раввина чешской общины; мы знаемъ однако, что до половины XVI в. постъ этотъ былъ занятъ, ибо всѣ извѣстные намъ раввины того времени назначались раввинами польской общины. Такъ, декретомъ короля отъ 30 іюля 1532 г. на мѣсто умершаго Ашера Леммеля былъ назначенъ д-ръ Моисей Фишель ⁵⁵). Мы уже знаемъ родословную этого раввина: его дѣда — Моисея, отца — Франчека бабушку—извѣстную Раску и мать—Хвальку (Фальку). Весь его родъ поддерживалъ дѣловыя сношенія съ королевскимъ дворомъ. Раска, Франчекъ и Хвалька были освобождены отъ обычной юрисдикціи и возведены въ званіе придворныхъ ⁵⁶). Двое дядей д-ра Моисея Фисшеля были раввинами; неудивительно поэтому, что и ему досталось званіе раввина.

Моисей Фишель изучилъ въ Падуѣ медицинскія науки и имѣлъ въ еврейскомъ кварталѣ практику въ самыхъ знатныхъ кругахъ. Онъ былъ, между прочимъ, домашнимъ врачомъ познанскаго архіепископа Петра, и благодаря протекціи своего паціента былъ освобожденъ королемъ отъ всѣхъ королевскихъ налоговъ. Въ 1523 г. король распространилъ эту льготу на всѣ вообще налоги,

за исключеніемъ 3 фл., которые д-ръ Моисей Фишель долженъ былъ уплачивать въ пользу еврейской общины. Король мотивировалъ льготу тѣмъ, что Моисей Фишель не ведетъ никакихъ дѣлъ и живетъ исключительно своей врачебной практикой—*ex solo artis suae exercitio victum sibi quaerit*. Въ 1528 г. король повысилъ налогъ до 8 фл., но освободилъ д-ра Фиселя отъ всякихъ податей, принимая во вниманіе заслуги жены его Эсеири передъ дворомъ королевы Боны ⁵⁷⁾. Назначенный въ 1532 г. на постъ раввина польской общины въ Казимежѣ, Моисей Фишель получаетъ право управлять синагогой (*Synagogam administrandi*) и карать своихъ единовѣрцевъ за преступленія противъ вѣры (*Judaeos pro ipsorum excessibus et delictis in eorum ritu et fide commissis puniendi, corrigendi et castigandi...*); при этомъ онъ освобождается съ женою Эсеирью и матерью Хвалой отъ всякихъ налоговъ ⁵⁸⁾. Когда въ 1537 предпринято было упорядоченіе разверстки налоговой суммы въ еврейскомъ кварталѣ, для каковой цѣли польская и чешская общины должны были избрать по 3 таксатора, король напомнилъ общинамъ о томъ, что Моисей Фишель освобожденъ отъ налоговъ ⁵⁹⁾.

Д-ру Фишелю суждено было занять вскорѣ самый высокій изъ доступныхъ тогдашнимъ евреямъ постовъ. Въ 1541 г. король назначилъ его и люблинскаго раввина Шаломъ Шахну областными раввинами Малой Польши. Областные раввины должны были посвящать въ санъ и назначить всѣхъ городскихъ раввиновъ; они имѣли право останавливаться въ любомъ городѣ своей епархіи, творить повсюду судъ и издавать постановленія по религіознымъ вопросамъ. Областные раввины подлежали юрисдикціи короля и получали свое содержаніе отъ общинъ своей епархіи ⁶⁰⁾.

Противъ назначенія областныхъ раввиновъ общины заявили такой же протестъ, какъ и противъ установленія должностей генеральныхъ сборщиковъ податей. Краковская община воспретила Шахнѣ пребываніе въ еврейскомъ кварталѣ и не отмѣнила своего запрета, несмотря на угрозы короля.

Областной раввинатъ просуществовалъ недолго, и вскорѣ раввины по назначенію короля уступили мѣсто раввинамъ по выбору.

Моисей Фишель не дожилъ однако до окончанія этой борьбы: онъ погибъ на кострѣ въ 1542 г. Намъ не удалось найти актовъ процесса, предшествовавшего этой казни; не обнаруженъ также надгробный памятникъ мученика: но на надгробныхъ памятникахъ его дѣтей мы находимъ его имя въ сопровожденіи эпитета *штр* ⁶¹⁾. Въ лицѣ Моисея Фиселя сошелъ въ могилу послѣдній краковскій раввинъ по назначенію.

Примѣчанія.

¹⁾ О Кирхгеймъ см. Zeitlin, Bibliot. hebr. post-Mendelsohniana, стр. 171—173.

²⁾ Graetz, Geschichte, т. IX, стр. 56—59 и прим. II на стр. 501.

³⁾ Вейсъ, דור דור ודורש, т. V, 246 и 202.

⁴⁾ Грецъ-Рабиновичъ, т. VII, стр. 54.

⁵⁾ Азулаи, שם הגדולים, I № 250 (варшавское изд. 1876 г.), стр. 66.

⁶⁾ צמח דור, стр. 55, изд. תרל"ח (1878 г.).

⁷⁾ Отдѣльный оттискъ 1907 г. (не окончено).

⁸⁾ Kronika lekarzy krakowskich de końca XVI w. Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce. T. XII. Краковъ 1910 г.

⁹⁾ המצפה 1907 г.; לתולדות ישראל והכמני בפולין — отдѣльный оттискъ изъ המשכל 1909 г., № 2.

¹⁰⁾ Всѣ относящіяся сюда источники указаны въ моей имѣющей вскорѣ выйти книгѣ: „Żydzi w Krakowie i na Kazimierzu 1304—1868“, t. I 1304—1655. Въ настоящей статьѣ упомянуты важнѣйшіе источники.

¹¹⁾ Акты краковского магистрата (consularia crac.) отъ 1403 г. стр. 183—5. Замѣтка относится къ еврейскому погрому въ Бреславлѣ 1389 г.; ср. Bondy-Dworsky: Zur Geschichte d. Juden in Boehmen, Mähren u. Schlesien.

¹²⁾ Источники см. Graetz VIII, 434; Annales Minorum XII, стр. 164. Письмо Олесницкаго къ королю см. Monumenta maedii aevi: Codex epistularis saeculi XV, tom II, pars posterior pg. 147 (Editio Schujski); на польскомъ языкѣ безъ указанія источника — у Гумпловича (Ustawodawstwo polskie względem żydów, 153). Блохъ (Generalprivilegien der polnischen Judenschaft, 41—43) цитируетъ письмо съ крупной ошибкой: Johanne Capitano вмѣсто Capistrano. Письмо Олесницкаго гласитъ: „Pridem S. V. in fidei dedecus et offensa privilegia quaedam et libertates Judaeis concessit, et falsissima quaedam, sub nomine et titulo domini regis Casimiri, privilegia, quae pater vester divinae memoriae, pro omni tempore vitae, me praesente et teste et ipsa privilegia legente, licet sollicitatus multis Judaeorum largitionibus aspernabatur confirmare, me qui tunc Cracoviae agebam et multis baronibus inconsultis; et quosdam articulos et fidei et religioni christianae contrarios admisit. Quae res, quantum Deum offendat, quantum famam vestram turpit et fuscet, quantum sit hominibus invisa et odibilis V. S. ex venerabili patre, domino Johanne Capistrano intellexit... Et pro tanto rogo et obsecro, dignetur S. V. confirmationes et libertates revocare praefatas et se catholicum regem ostendere, tollereque materiam, ex qua non solum infamia nominis Vestri, sed etiam plurima sunt scandala verisimiliter secutura“. Письма и обращения Капистрано къ королю см. у Ваддингга (l. c.); объ отмѣнѣ привилегій—у Wandtkie, Jus polonicum; Нѣшавскіе статуты (стр. 289 сл.); § 51; также Bobrzyński: „O ustawodawstwie Nieszawskim Kazimierza Jagiellończyka, стр. 96—9: „Litteras etiam quascunque judaeis super libertatem in regno Nostro degentibus, per nos post diem coronationis Nostrae usque in diem hunc concessas, juriq. divino ac constitutionibus restrictibus contrarias penitus revocamus, abolemus“ etc. Въ литература вопроса собрана въ моей статьѣ: „Czy zatwierdził Jagiełło przywileje Żydów lwowskich? (Kwartalnik histor, XXV, p. 234—240).

¹³⁾ Codex diplomaticus Universitatis Cracov., II, № 223 (неоднократно оттуда перепечатывалось).

¹⁴⁾ Piękosinski, Prawa i przywileje miasta Krakowa I. 17, 24; также Рус.-Евр. Арх. III. 185.

¹⁵⁾ Объ изгнаніи изъ Литвы см. Бершадскій: „Литовскіе Евреи“, стр. 250 сл., Балабанъ: „Skizzen und Studien, стр. 79.

¹⁶⁾ Городской краковскій архивъ. Consularia.

¹⁷⁾ Источники см. у Шиппера: Studya nad stos. gosp. żydów w Polsce, стр. 286 и 334.

¹⁸⁾ Bondy-Dworsky: Zur Geschichte der Juden in Boehmen etc.

I, №№ 298, 313, 322, 323, 326, 330—331, 333, 334, 345 etc.; Stein, Geschichte der Juden in Boehmen, стр. 49.

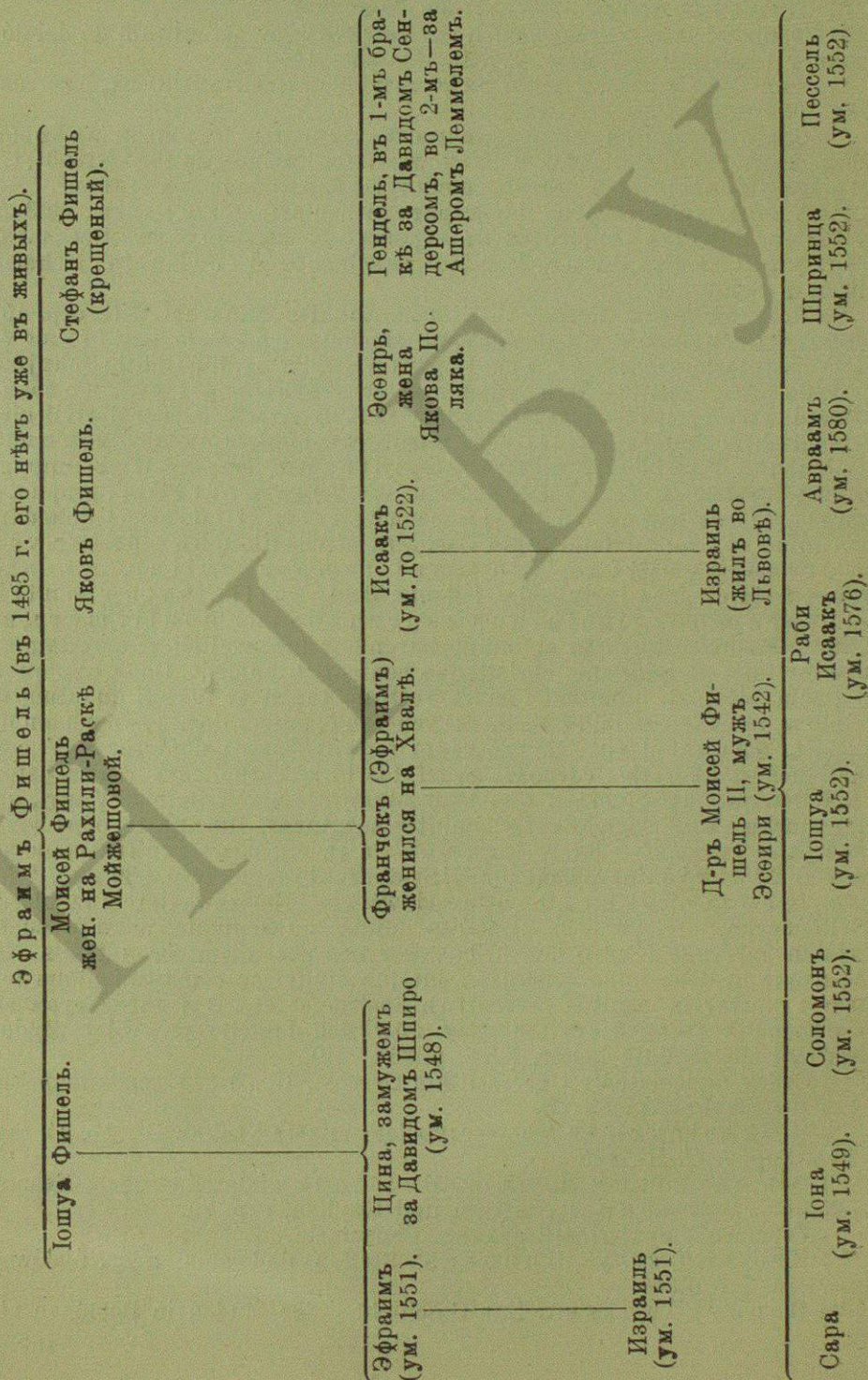
¹⁹⁾ Bersohn, Dyplomatoryusz, № 451.

²⁰⁾ Ibidem, № 455.

²¹⁾ Рус.-Евр. Арх. III, 109.

²²⁾ Краковский городской архивъ. Consularia Casimiriensia, отъ 1481—1508 гг.; 1505 г. стр. 501 502: „venimus honesta Rachel Raszka Mojżeszowa Hebreia cum Franciszko filio suo legitimo etc“...

²³⁾ Вотъ родословная Фишелей.

- ²⁴⁾ Warschauer: Diestädtischen Archive der Provinz Posen, 1901, стр. 64.
- ²⁵⁾ Рус.-Евр. Арх. III, 26.
- ²⁶⁾ Тамъ же, 44.
- ²⁷⁾ Graetz: Geschichte, IX, стр. 93.
- ²⁸⁾ См. прим. 22.
- ²⁹⁾ Wierzbowski: Matricularum II, № 523.
- ³⁰⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 27.
- ³¹⁾ Helcel, II, № 4351—4353 (Шипперъ: Studya, стр. 276).
- ³²⁾ Шипперъ, I. с. 276.
- ³³⁾ „Rachel... discreto Jakob Hebreo doctori genero suo et Hester conjugii“ (Consul. casimir 1481—1508. pg. 501—502); также Рус.-Евр. Арх. III, 63: Salvus conductus Judaeo Jakob doctori Judaeorum genero Mojżeszowae.
- ³⁴⁾ Inscriptiones castri cracoviensis, tom 36. pg. 425: „Rachel... pro parte Handel filia sua, uxore Ossar doctoris...“.
- ³⁵⁾ Güdemann: Geschichte der Kultur und des Erziehungswesens, III, стр. 36. О Михаилѣ Езофовичѣ, единственномъ еврей въ Польшѣ, возведенномъ въ дворянство, см. мои: „Studien und Skizzen. Die Brüder Abraham und Michal Esophowicz, Ritter von Leliwa“.
- ³⁶⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 88.
- ³⁷⁾ Acta Tomiciana, III, № 264.
- ³⁸⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 88.
- ³⁹⁾ Kutrzeba. Собрание актовъ, № 11 (Краковъ 1910).
- ⁴⁰⁾ Acta Tomiciana III, № 251—252.
- ⁴¹⁾ Ibidem № 313 и 315.
- ⁴²⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 104.
- ⁴³⁾ Bersohn: Diplomatyusz, № 492.
- ⁴⁴⁾ Центральный архивъ въ Варшавѣ. Metrices Regni. Vol. 19, folio 109.
- ⁴⁵⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 63. Подъ „crimen“ имѣется очевидно въ виду дѣло о разводѣ.
- ⁴⁶⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 64 (19 декабря 1509).
- ⁴⁷⁾ Рус.-Евр. Арх. III, №№ 121 и 122. (Iudaeorum cracoviensium pro doctoribus и Iudaeorum cracoviensium pro synagoga).
- ⁴⁸⁾ Архивъ краковского замка: Inscriptiones castri crac. Vol. 424—6.
- ⁴⁹⁾ Херемъ, наложенный Полякомъ на Авраама Минца, напечатанъ у Айзенштадта תרע"ב קרית יואל, tertia paginatio 1—17. Тамъ же и о причинахъ наложенія херема: стр. 47 и 69.
- ⁵⁰⁾ Арх. Краков. замка, т. 36, лл. 502, 525.
- ⁵¹⁾ Архивъ краковского замка, Inscr. castri crac. Vol. 36 pg. 443—4, 451—2.
- ⁵²⁾ Ibidem, стр. 498.
- ⁵³⁾ Ibidem, стр. 503.
- ⁵⁴⁾ Уже въ 1522 г., въ апробаціи книги מכתב מברוך, онъ подписался א"ש ירושלם; см. Ветштейнъ: להולדות ישראל והכמי בפולין стр. 11—12.
- ⁵⁵⁾ Рус.-Евр. Арх. III, № 147. Praefectio Moysi Fischel doctoris in seniore Iudaeorum cracoviensium.
- ⁵⁶⁾ Что Моисей Фишель былъ сыномъ Франчека (Эфранма), это видно изъ Inscr. castri crac. стр. 525: „Datum est vadium personale inter Abraham Bohemum ab una et Moysen doctorem filium Franczek“; ibidem: „Moyses doctor, Francisci Iudaei filius“. Его мать называлась Хвалька (Bersohn: Diplomatyusz, № 466) и была прислужницей королевы Боны. См. родословную таблицу Фишелей выше, прим. 23.
- ⁵⁷⁾ Bersohn. Diplomatyusz, № 480.
- ⁵⁸⁾ Рус.-Евр. Арх. № 147.
- ⁵⁹⁾ Ibid. № 148.
- ⁶⁰⁾ Архивъ князей Сангушковъ. Т. V, стр. 334—7.
- ⁶¹⁾ Ветштейнъ, I. с. ut supra. Весьма правдоподобно, что д-ръ Моисей Фишель былъ замѣшанъ въ процессъ о совращеніи Екатерины Вейгель, вслѣдствіе чего и лишился жизни. Соображенія, подтверждающія это предположеніе, см. въ моей статьѣ въ „Евр. Старинѣ“: „Еврей-врачи въ Краковѣ и трагедія гетто“, 1912 г. кн. 1, стр. 42, примѣчаніе.

М. Балабанъ.

Ритуальные процессы дореформенного русского суда.

Изучая средневековые ритуальные процессы, нельзя, казалось бы, не прийти къ заключенію, что процессы этого рода мыслимы только при условіяхъ средневековаго порядка судопроизводства, при наличіи инквизиціоннаго допроса и пытокъ, дававшихъ возможность добиться обвинительнаго вердикта. Однако, опытъ новѣйшей исторіи свидѣтельствуетъ, что ритуальныя обвиненія пережили судебную пытку. Предразсудокъ, освѣжаемый ненавистью, обладаетъ достаточной эластичностью, чтобы приспособиться и къ болѣе совершеннымъ формамъ судопроизводства. Мы имѣли несчастье убѣдиться въ томъ, что ритуальныя обвиненія могутъ возникать даже въ обстановкѣ современнаго судопроизводства — устнаго и гласнаго. Не всѣ процессы этой новѣйшей формаціи стали достояніемъ исторіи. Въ настоящей статьѣ мы намѣрены ограничиться процессами дореформеннаго русского суда, обходя, по возможности, въ изложеніи своемъ все, что могло стать въ этой области извѣстнымъ широкимъ кругамъ читателей по вышедшимъ въ послѣднее время брошюрамъ и журнальнымъ статьямъ.

Для послѣдняго сѣзда „Объединеннаго Дворянства“ канцеляріей Совѣта его составлена была спеціальная „справка“, подъ заголовкомъ—„Ритуальныя дѣла“. Справка эта ¹⁾ содержитъ матеріалы, извлеченные изъ архива Государственнаго Совѣта по дѣламъ—гродненскому, велижскому, борисовскому и саратовскому. Само собою разумѣется, канцелярія „Объединеннаго Дворянства“, составляя справку, менѣе всего имѣла въ виду интересы еврейской исторіи. Однако нѣкоторые документы, приведенные въ этой справкѣ, имѣютъ для насъ несомнѣнный интересъ.

О первыхъ трехъ дѣлахъ я собираюсь говорить въ самыхъ общихъ чертахъ: гродненское и борисовское дѣла сами по себѣ несложны и особеннаго интереса не представляютъ, а велижское

¹⁾ Справка хотя и напечатана, но въ продажу не была пущена.

достаточно извѣстно. Подробнѣе останавлиюсь на Саратовскомъ дѣлѣ, которое я имѣлъ возможность изучить по даннымъ дѣлопроизводства.

I.

31 марта 1816 г. у гродненскаго мѣщанина Адамовича пропала 4-лѣтняя дочь Маріанна; 23 апрѣля она найдена была за городомъ во рву мертвою, безъ правой руки, отрѣзанной по локоть, „съ шестью малыми знаками на поверхности тѣла, съ правой стороны отъ лопатки внизъ, сдѣланными тупымъ орудіемъ чрезъ кожу къ мягкимъ частямъ тѣла“. Рука, по удостовѣренію лекаря, отрѣзана уже по смерти, ибо „кровопролитія по мягкимъ частямъ не оказалось“. При вторичномъ освидѣтельствovanіи врачебной управой удостовѣрено, что „у онаго (ребенка) кровь не истощена“ и что ребенокъ умеръ „отъ апоплексическаго удара или прострѣла“. Естественнo, что „вскорѣ разнесся слухъ“, будто дѣвочка Адамовичъ „кончила жизнь отъ рукъ жидовскихъ“, и также естественнo, что тамошній полиціймейстеръ сдѣлалъ обыскъ, первымъ дѣломъ, у ближайшаго къ Адамовичу еврея Шалима Ляпина. При обыскѣ вниманіе полиціи обращено было на два предмета: молоточекъ съ надломаннымъ концомъ и „копійце“. Относительно „копійца“ Ляпинъ объяснилъ, что онъ употребляетъ его для чищенія бумагъ (Ляпинъ завѣдывалъ кагальной канцеляріей). Кромѣ того квартальный Байчевскій показалъ, что будучи въ домѣ Еліашевичъ, онъ слышалъ разговоръ между супругами Еліашевичъ, будто дочь еврея Ляпина рассказала какой-то женщинѣ, что отецъ ея (Ляпинъ) взялъ дѣвочку Адамовичъ въ день ея исчезновенія къ себѣ въ домъ. Однако ни супруги Еліашевичъ, ни дочь Ляпина этого показанія ни въ чемъ не подтвердили. Вотъ въ сущности весь матеріалъ, который собранъ былъ слѣдствіемъ противъ Ляпина.

За отсутствіемъ данныхъ противъ какого-нибудь опредѣленнаго еврея, слѣдственная комиссія занялась „секретнымъ разслѣдованіемъ“ вопроса, употребляютъ ли вообще евреи христіанскую кровь? Экспертомъ явился „выкрещенный въ благочестивую вѣру унтеръ-офицеръ“ Павелъ Савицкій. Ему предъявленъ былъ комиссіей рядъ вопросовъ, на которые онъ далъ вполнѣ категорическіе отвѣты. Вопросъ первый: „вѣрно ли находится въ еврейскомъ обрядѣ или законѣ, что они во время праздника ихъ, Пейсахъ называемаго, нуждаются въ христіанской крови отъ малолѣтнихъ дѣтей?“ Отвѣтъ: „что кровь христіанская есть точно нужна

по еврейскому завѣту, о томъ суть доказательства славнѣйшаго ихъ философа Росіе(?)“ и т. д. Вопросъ шестой: „для лучшаго объясненія пункта 1-го употребляемой евреями христіанской крови нужно знать: подлинно ли есть отъ давнихъ столѣтій уставъ, изданный раввинами, чтобы для жертвоприношенія имѣть кровь христіанскую въ вѣчную память страданій Христовыхъ, и что потому нужно убивать и мучить христіанъ?“ Отвѣтъ: „нѣтъ въ томъ никакого сомнѣнія, что евреи, производя мученія христіанскому отроку, читаютъ изъ книги Мингочима (?) слѣдующую молитву: радуйтесь и веселитесь, да изліется кровь сія въ вѣрную память не аки кровь отрока сего, но яко кровь самаго Кидра падшаго“. Далѣе обращенный въ благочестивую вѣру унтеръ-офицеръ разсказалъ комиссіи, что „въ разсужденіи бочки, въ которой былъ умерщвляемъ ребенокъ, таковая непременно должна храниться въ каждомъ кагалѣ, но теперь она не употребляется, по запрещенію бывшаго въ Вильнѣ раввина Ильи Хасида, назадь тому нѣсколько лѣтъ умершаго и оставившаго собственное сочиненіе подъ названіемъ „Цивцы“ (?), въ которомъ между прочаго значить и о воспрещеніи употребляемой евреями бочки для источенія изъ христіанина крови“.

Матеріалы „секретнаго разслѣдованія“ (кромѣ показанія Савицкаго, собраны были также данныя о средневѣковыхъ ритуальныхъ процессахъ) доведены были губернаторомъ Нѣмцевичемъ до высочайшаго свѣдѣнія, но изъ Петербурга въ февралѣ 1817 г. неожиданно получено было повелѣніе: „дальнѣйшее секретное розысканіе уничтожить, а открыть смертоубійцу“. вмѣстѣ съ тѣмъ высочайше повелѣно было: „сдѣлать Гродненскому губернскому начальству замѣчаніе, что оно, не видя по сему дѣлу никакихъ слѣдовъ къ обвиненію евреевъ, допустило производство слѣдствія по одному неосновательному подозрѣнію, вообще на еврейскій народъ возводимому“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что незадолго до возникновенія гродненскаго дѣла на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ находилось еще два однородныхъ дѣла по Витебской губерніи (Велижскаго повѣта и Невельскаго), гдѣ евреи привлекались также безъ всякихъ основаній.

Накопленіе „ритуальныхъ дѣлъ“ изъ разныхъ мѣстъ „черты осѣдлости“ и побудило высшее правительство, вѣрнѣе—императора Александра Павловича, не ограничиваясь замѣчаніемъ, сдѣланнымъ гродненскому губернскому начальству, издать общее распоряженіе всѣмъ губернаторамъ о воспрещеніи обвинять

евреевъ въ употребленіи христіанской крови (высочайшее повелѣніе, объявленное министромъ духовныхъ дѣлъ княземъ Голицынымъ 6 марта 1817 г.).

Любопытнѣе всего въ этомъ гродненскомъ дѣлѣ, пожалуй, то, что оно десять лѣтъ спустя, въ царствованіе уже Николая I, снова возродилось. Опять потянули Шалима Ляпина, его дочь, квартальнаго Байчевскаго, вспомнили о молоточкѣ и „копійцѣ“ и пр. Вторичное разслѣдованіе дѣла длилось около 4 лѣтъ, пока Государственнымъ Совѣтомъ принято было наконецъ рѣшеніе (въ 1830 г.) „предать дѣло забвенію“; причемъ однако показаніе Савицкаго постановлено было препроводить въ Сенатъ, дабы „принять оное во вниманіе при разсмотрѣніи дѣла о велижскихъ евреяхъ“.

II.

Велижское дѣло началось въ 1823 г., а закончилось только въ 1835 г. Въ теченіе 12 лѣтъ все мѣстное еврейское населеніе находилось подъ гнетомъ страшнаго кошмара; сорокъ два еврея и еврейки содержались по этому дѣлу въ тюрьмѣ, по 8—9 лѣтъ, подвергаясь безпрестаннымъ нравственнымъ истязаніямъ, а нерѣдко и физическимъ мѣрамъ воздѣйствія. Всѣ молитвенные дома въ Велижѣ, по высочайшему повелѣнію, были закрыты и это еще болѣе увеличивало ужасъ несчастныхъ велижскихъ евреевъ.

Самымъ поразительнымъ въ этомъ дѣлѣ было то, что о предстоящемъ возникновеніи его заранѣе „предсказывала“ 12-лѣтняя „дѣвка-отгадчица“ Еремѣева, — не вообще „предсказывала“, а съ приведеніемъ конкретныхъ данныхъ, не оставляющихъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что ей дѣйствительно было извѣстно, если не все, то многое относительно предстоящаго умерщвленія младенца. Еремѣева въ послѣдствіи фигурируетъ въ числѣ подсудимыхъ, какъ обвиняемая „въ знаніи о имѣвшемъ быть происшествіи съ солдатскимъ сыномъ (Емельяновымъ), необъявленіи о томъ какъ слѣдовало и въ несправедливыхъ возвѣщеніяхъ, якобы ей были явленія свыше, по которымъ предсказывала о похищеніи его“. Но это было позже. Въ теченіе же первыхъ лѣтъ слѣдствія она играетъ роль святой, которой архистратигъ Михаилъ въ видѣніяхъ открываетъ „іудейскія звѣрства“. Въ этомъ сходство велижскаго дѣла съ знаменитѣйшимъ изъ средневѣковыхъ процессовъ—тридентскимъ.

Излагать здѣсь подробности дѣла нѣтъ необходимости; они приведены въ брошюрѣ Ю. И. Гессена ¹⁾. Приведемъ лишь документъ, недавно только появившійся въ малодоступномъ изданіи и представляющій исключительный интересъ. Это резолюція по велижскому дѣлу (на меморіи Государственнаго Совѣта) императора Николая I. Резолюція эта гласитъ: „Раздѣляя мнѣніе Гос. Совѣта, что въ дѣлѣ семъ, по неясности законныхъ доводовъ, другаго рѣшенія послѣдовать не можетъ, какъ то, которое въ утвержденномъ мной мнѣніи изложено,—считаю однако нужнымъ прибавить, что внутренняго убѣжденія, чтобы убійство евреями произведено [не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемыхъ доказательствъ, и даже нынѣ производимое весьма странное дѣло въ Житомирѣ, доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреевъ существуютъ вѣроятно изувѣры или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужною для своихъ обрядовъ, — сіе тѣмъ болѣе возможнымъ казаться можетъ, что къ несчастію и среди насъ христіанъ существуютъ иногда такія секты, которыя не менѣе ужасны и непонятны; н. п. сожигальщики и самоубійцы, которыхъ неслыханный примѣръ былъ уже при мнѣ, въ Саратовской губерніи.—Словомъ, не думая отнюдь, чтобы обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю однако, чтобы среди ихъ не могли быть столь же ужасные изувѣры, какъ и между насъ христіанъ“. (Справка канц. Объед. Дворян., ч. V., стр. 173—174).

Существовало мнѣніе, что императоромъ Николаемъ I подтверждено было высочайшее повелѣніе Александра I о невозбужденіи противъ евреевъ „слѣдствій по одному предубѣжденію въ употребленіи ими христіанской крови“. Въ дѣйствительности однако предположеніе Государственнаго Совѣта объ изданіи такого указа монаршаго одобренія не получило; на проектъ соотвѣтствующаго отношенія государственнаго секретаря барона Корфа министру внутреннихъ дѣлъ, имѣется помѣтка: „Разсматривано Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургѣ 22 января 1835 г., но Высочайшаго соизволенія не послѣдовало“.

III.

Сущность третьяго дѣла, борисовскаго, заключается въ слѣдующемъ. 10 ноября 1833 г. крестьянка Борисовскаго уѣзда Оекла

¹⁾ Велижская драма. Спб. 1905.

Селезнева скрылась изъ дома своего мужа, сманивъ съ собою 12-ти-лѣтнюю дѣвочку Ефросинью Дроздову. Оекла была отыскана только черезъ мѣсяць (17 декабря) въ Минскѣ. На вопросъ, гдѣ Ефросинья?—Оекла раньше показала, что оставила ее „на вѣрномъ мѣстѣ“, но когда дѣвочки въ указанномъ мѣстѣ не оказало, то объяснила, что дѣвочка умерщвлена евреемъ Оркою Сабунемъ, а тѣло ее спрятано въ деревнѣ, въ сарай крестьянина Власа. Въ этомъ мѣстѣ дѣйствительно найденъ былъ трупъ дѣвочки. Врачъ, осматривавшій трупъ, пришелъ къ заключенію, что „покойница получила сильный ударъ въ правый високъ отъ какого нибудь тупого орудія, или головою объ стѣну, и для скорѣйшаго совершеннаго лишенія ея жизни была еще придавлена за шею веревкою, отъ чего и смерть оной послѣдовала“. Селезнева пояснила затѣмъ, что съ Оркою у нея были „блудныя сношенія“, что это онъ подговорилъ ее учинить побѣгъ. Когда она явилась къ нему съ Ефросиньей, онъ укрывалъ ихъ въ своемъ домѣ два дня. Затѣмъ онъ перевелъ ихъ въ сосѣдній сарай крестьянина Власа, куда и самъ пришелъ ночью. Дѣвочка, испугавшись его, хотѣла было бѣжать, но Сабунъ схватилъ ее, закрутилъ веревку около горла ея, удушилъ и зарылъ въ солому, а съ нею, Селезневой, блудничалъ всю ночь.

Орка Сабунъ отрицалъ какую-либо прикосновенность свою къ убійству дѣвочки. При обыскѣ у него найдены были принадлежавшія дѣвочкѣ вещи: рубаха, исподница, двѣ шнуровки и два платка. Орка заявилъ, что не знаетъ, откуда эти вещи къ нему попали. А жена его объяснила, что вещи эти продала ей Оекла Селезнева.

Въ первыхъ показаніяхъ Селезневой никакого намека на „ритуальный“ характеръ убійства дѣвочки не имѣется, но послѣ допроса ея засѣдателемъ Веренкою она вдругъ, „трону-тая совѣстью и раскаиваясь въ погрѣшностяхъ своихъ“, показала, что „когда она привела Ефросинью къ Оркѣ Сабуню, онъ, поивши ее, Селезневу, водкою, безпрестанно говорилъ, что ему безпремѣнно нужна христіанская кровь для родственницы его, которая находится въ Холопеничахъ при родахъ, для помазанія бровей и глазъ ребенку и, обѣщая много денегъ, просилъ достать кровь отъ дѣвочки Ефросиньи, на что она, Селезнева, согласилась. „Ночью, пришедши въ сарай, онъ схватилъ дѣвочку и ударилъ ее головою объ стѣнку, „засимъ, держа бутылочку съ отшибленною шейкою, до половины нацѣженную кровь, сказалъ, что около уха укололъ и нацѣдилъ“.

Нѣсколько времени спустя Селезнева созналась однако сторожившимъ ее караульнымъ, что „она одна умертвила дѣвочку Ефросинью“ и что о „нацѣженной крови“ подговорилъ ее показать самъ засѣдатель Веренко, производившій слѣдствіе. Впослѣдствіи она, снова „тронутая совѣстью“, показала, что Сабунь дѣйствительно „нацѣдилъ кровь“. Но и тогдашняя медицинская экспертиза признала, что выпѣдить полбутылки крови уколомъ въ височную кость (да еще въ темнотѣ—какъ показала Селезнева) — вещь совершенно немислимая. Никакой „родственницы при родахъ“ не оказалось.

Дѣло восходило до Государственнаго Совѣта, который не нашелъ достаточныхъ основаній для признанія Орки Сабуня виновнымъ въ убійствѣ Ефросиньи.

IV.

Саратовское дѣло есть единственное ритуальное дѣло, по которому состоялся обвинительный вердиктъ противъ евреевъ (правда, въ одной только высшей инстанціи—Государственномъ Совѣтѣ). Оно тянулось восемь лѣтъ, захвативъ конецъ царствованія Нилы I и начало слѣдующаго царствованія. Это мало освѣщенное въ исторической-литературѣ дѣло заслуживаетъ подробнаго разбора ¹⁾.

¹⁾ Приводимъ хронологическія даты саратовскаго дѣла:

8-го декабря 1852 г. цеховой Ефимъ Шерстобитовъ подалъ въ полицію заявленіе, что сынъ его, Феофанъ, 10 лѣтъ отъ роду, отправившись утромъ 3 декабря въ школу, домой больше не возвращался.

27 января 1853 г. крестьянинъ Михаилъ Масловъ объявилъ въ полицію, что сынъ его, Михаилъ 11 лѣтъ, уйдя изъ дома 26 того же января, исчезъ неизвѣстно куда.

Трупъ Маслова найденъ былъ 4 марта, а Шерстобитова 12 апрѣля 1853 г.

8 марта—назначеніе надворнаго-совѣтника Дурново слѣдователемъ по саратовскому дѣлу.

10 марта 1853—арестъ Михеля Шлифермана (въ виду „опознанія“ его якобы мальчикомъ Канинымъ).

13 мая—первый допросъ Янкеля Юшкевича и сына его, Феодора Юрлова (вслѣдствіе оговора Богданова). Послѣ допроса оба подвергнуты были аресту—раньше въ полицейской части, а затѣмъ въ тюремномъ замкѣ.

За арестомъ Юшкевича послѣдовали аресты другихъ евреевъ, а затѣмъ и неевреевъ. Къ концу слѣдствія Дурново арестованныхъ по дѣлу оказалась такая масса, что для нихъ не хватило мѣста въ тюрьмахъ и полицейскихъ частяхъ и пришлось нанимать помѣщенія въ частныхъ домахъ.

Когда въ Саратовѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, были найдены трупы пропавшихъ русскихъ мальчиковъ--Шерстобитова и Маслова, всѣ обратили вниманіе на то, что на обоихъ этихъ трупахъ оказались слѣды обрѣзанія. Это именно обстоятельство и направило слѣдствіе противъ евреевъ.

Впервые подозрѣніе на евреевъ заявляется отцомъ одного изъ убитыхъ мальчиковъ, Масловымъ. Въ показаніи его, данномъ слѣдователю Волохову, говорится: „Въ кражѣ сына Михаила и убійствѣ его подозрѣнія ни на кого прямо объявить не можетъ, а судя по обрѣзанію его полагаетъ, не евреи ли для обращенія въ свою вѣру или для чего другого; ибо хотя татары имѣютъ обрѣзаніе, но они, какъ простые мужики и постоянные жители города Саратова, едва ли рѣшились бы на это. Развѣ нѣтъ ли какихъ подобныхъ еще сектъ, дѣлающихъ обрѣзаніе; впрочемъ онъ ничего рѣшительно утвердить не можетъ“ (слѣдствіе Волохова, листы 124—125). Преподложеніе, высказанное крестьяниномъ Масловымъ въ столь нерѣшительныхъ выраженіяхъ, въ сознаніи

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 20 іюля 1854 г. „разсмотрѣніе и законное обсужденіе“ дѣла возложено на Судебную Коммисію, которой поручено было: обсудить „самый фактъ убійства евреями въ Саратовѣ мальчиковъ съ правомъ производить до слѣдованія“, обратить особое вниманіе на то, по какому поводу или случаю губ. секретарь Крюгеръ и рядовой Богдановъ могли быть, свидѣтелями убійства..., изслѣдовать въ возможной степени тайные догматы религіознаго изуверства евреевъ“ (послѣдняя задача позже возложена была на „спеціальную коммисію“ въ С.-Петербургѣ изъ ученыхъ богослововъ.)

Приговоръ этой Судебной Коммисіи состоялся 15 іюля 1856 г.: привлеченные по дѣлу евреи „оставлены въ подозрѣніи“. Необходимо добавить, что еще до назначенія Судебной Коммисіи дѣло находилось на разсмотрѣніи „Военно-Судной Коммисіи“, которая занималась выясненіемъ виновности однихъ только солдатъ, привлеченныхъ къ дѣлу. Коммисія эта Шлиффермана совершенно оправдала, а Богданова „за ложныя показанія“ приговорила къ шпицрутенамъ (три раза черезъ пятьсотъ человѣкъ).

Заключеніе Судебной Коммисіи перешло въ Сенатъ, откуда вслѣдствіе разногласія—въ Государственный Совѣтъ, гдѣ оно слушалось 26 марта и 16 мая 1860 г. Министромъ Юстиціи Замятнинымъ подано было особое мнѣніе (въ пользу евреевъ). О поразительныхъ передержкахъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по настоящему дѣлу предсѣдателя Государственного Совѣта князя Орлова см. вышедшую на дняхъ книгу г. Львовича „Послѣдняя позиція“ Приговоромъ Госуд. Совѣта Юшкевичеръ и Шлифферманъ осуждены на 20 лѣтъ, а Юрловъ—18 лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ.

образованныхъ слѣдователей превращается въ непререкаемую истину, и розыски свои они поэтому производятъ исключительно въ еврейской средѣ.

Какіе въ Саратовѣ въ то время (въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго вѣка) могли быть евреи? Чѣмъ они занимались? Каково было ихъ социальное положеніе? Въ какой мѣрѣ они счумѣли сохранить свое еврейство, свои связи съ еврействомъ вообще? Попытаемся отвѣтить на эти вопросы, собирая по крохамъ разбросанныя по всему дѣлопроизводству краткія указанія. Это тѣмъ болѣе представляется интереснымъ, что саратовское еврейство того времени несомнѣнно являлось типовымъ для всѣхъ еврейскихъ группъ, осѣвшихъ въ далекихъ отъ черты осѣдлости русскихъ центрахъ.

Ядро еврейскаго населенія составляли солдаты. Въ Саратовѣ ихъ было 44. У нихъ была своя молельня, устроенная во всемъ согласно традиціи (оренъ-койдешъ, сифре—тойре и пр.). На запросъ слѣдователя: „съ чьего разрѣшенія имѣется въ Саратовѣ моленный [домъ для нижнихъ чиновъ и кто со времени учрежденія моленной исправлялъ въ ней должность раввина“, батальонный командиръ далъ отвѣтъ, что для евреевъ, состоящихъ на службѣ, домъ для молитвъ по ихъ обряду отведенъ на основаніи Свода Военныхъ Постан. (т. VII, кн. I, ст. 388), но такъ какъ евреевъ этихъ менѣе 300 человекъ, то они и не имѣли правительствомъ назначеннаго раввина, а обязанность его исправлялъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ, ими избранный“.—На пасху пекли мацу; пекла русская баба Емельянова подъ присмотромъ еврея. Между солдатами были и женатые, съ дѣтьми, жившіе на частныхъ квартирахъ. Условія службы не были, повидимому, особенно тягостны. Солдаты имѣли возможность заниматься подсобными промыслами, ремеслами; одинъ изъ нихъ умудрился даже производить комиссіонныя операціи: выписывалъ для мѣстныхъ купцовъ товары изъ „черты осѣдлости“. Повидимому, и начальство было ими вполне довольное: въ дѣлопроизводствѣ имѣются формулярные списки о службѣ евреевъ-солдатъ, привлеченныхъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ и свидѣтелей, причемъ во всѣхъ этихъ формулярахъ есть отмѣтки: „штрафамъ не подвергался“, „въ предосудительныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ“, нѣкоторые солдаты (въ томъ числѣ и Шлиферманъ) имѣютъ нашивки „за безпорочную службу“. Довѣріе начальства къ евреямъ-солдатамъ выразилось и въ поддержкѣ, которую оно имъ оказывало въ теченіи всего процесса.

Изъ „вольныхъ“ постоянное жительство въ Саратовѣ имѣли красильщикъ Янкель Юшкевичеръ (главный обвиняемый по дѣлу) и еще одинъ еврей—„водочный мастеръ“. Юшкевичеръ жилъ въ Саратовѣ съ 1827 г. Когда Судебная Коммиссія потребовала отъ мѣстной полиціи объясненій, на какомъ основаніи Юшкевичеру разрѣшалось жительство въ Саратовѣ, то приставъ Вандышевъ въ доказательство „своей невинности“ предъявилъ копію рапорта, представленнаго имъ старшему полиціймейстеру (еще за три года до возникновенія дѣла) о выселеніи Юшкевичера; полиціймейстеръ же объявилъ, что рапортъ Вандышева не былъ ему доложенъ вольнонаемнымъ писцомъ... У Янкеля Юшкевичера была семья: жена Ита-Нехама, дочь Мина-Рейза, корсетница, три сына—старшій Федоръ Юрловъ, выкрестъ, выгнанный отцомъ изъ дому за пьянство и воровство, шарманщикъ, впоследствии нанявшійся въ рекруты (въ русскую семью); другой сынъ, Файвель, на должности въ станицѣ Алексѣевской Земли Войска Донского, и малолѣтній Айзикъ.

Наѣзжали въ Саратовъ еврей-торговцы галантерейными товарами, для закупки пшеницы и льняного сѣмени, винокуры изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣній. Наибольше виднымъ изъ этой послѣдней категоріи былъ Хацкель или Александръ Григорьевичъ Конниковъ, проживавшій постоянно на Лядинскомъ заводѣ кн. Гagarина (въ Тамбовской губ.). Ко времени разбора дѣла въ Саратовѣ оказались еще два еврея фокусника-волтижера: австрійскій подданный Блейшмидъ и Мордковичъ. Блейшмидъ останавливался, когда бывалъ въ Саратовѣ, у выкреста Фогеля, также австрійскаго подданнаго.

Культурный уровень саратовскихъ евреевъ былъ весьма невысокій. Господствовало полнѣйшее невѣжество, не только въ европейскомъ, но и въ чисто-еврейскомъ смыслѣ этого слова. При обыскѣ на квартирѣ у Янкеля Юшкевичера найдены были всего двѣ книги, повидимому—молитвенники. А Янкель въ нѣкоторомъ родѣ являлся центромъ общины. Жаргонъ Янкеля полонъ русскими словами и руссизмами. Одно изъ его писемъ къ свату своему Гуглину начинается словами: „инъ городъ Саратовъ“, далѣе—„ди чернъ зогтъ“ и т. п. Другіе саратовскіе евреи были еще болѣе отчуждены отъ всего еврейскаго. Поражаетъ обиліе перекрестовъ, на которыхъ то и дѣло наталкиваешься при чтеніи слѣдственнаго матеріала—60 лѣтъ тому назадъ, когда въ городахъ черты осѣдлости перекрестъ являлся чрезвычайной рѣдкостью. Всѣ эти перекресты носили чисто русскія фамиліи (Пет-

ровы, Соколовы, Юрловы и т. д.) и держались совершенно въ сторонѣ отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Въ самой семьѣ Юшкевича, человѣка крѣпко преданнаго еврейству, множество „мешумодимъ“: родной братъ Янкеля, Михаилъ Соколовъ, гласный камышинской думы, сынъ Янкеля—Федоръ Юрловъ; зять также въ послѣдствіи принялъ православіе.

Нѣтъ намека на существованіе хедера и другихъ какихъ либо просвѣтительныхъ или благотворительныхъ учреждений. Существовала только хеврэ-кадыше — „тайный орденъ“, который, по убѣжденію саратовскихъ слѣдователей, и занимался „ритуальными убійствами“.

Важнѣйшимъ моментомъ въ первой стадіи слѣдственнаго производства было показаніе мальчика Канина, товарища убитаго Маслова. Канинъ показалъ, что его и Маслова какой-то человѣкъ въ дубленомъ желтаго цвѣта тулупѣ, съ воротникомъ изъ черныхъ мерлушекъ, въ суконномъ картузѣ чернаго цвѣта съ козырькомъ, позвалъ на Волгу помогать въ переноскѣ аспидныхъ досокъ. Они отправились, но по дорогѣ Канинъ одумался, не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой, а Масловъ пошелъ къ берегу и больше не возвращался. Слѣдователь Волоховъ, убѣжденный, что „дѣло это — еврейское“, предъявилъ Канину всѣхъ проживавшихъ тогда въ Саратовѣ евреевъ. Мальчикъ на одномъ изъ нихъ остановился: „ровно тотъ, кто сманилъ“. Это былъ солдатъ Шлифферманъ, совершавшій обрѣзанія у саратовскихъ евреевъ. Само собою разумѣется, послѣднее обстоятельство послужило страшной уликой противъ евреевъ вообще и противъ Шлиффермана въ особенности. Мальчикъ Канинъ, вначалѣ очень неувѣренно указывавшій на Шлиффермана („словно тотъ“... „у сманителя выговоръ чисто русскій, этотъ же картавитъ и носъ у него не широкъ“), въ послѣдствіи (нѣсколько мѣсяцевъ спустя), подъ вліяніемъ созрѣвшей въ окружающей его средѣ увѣренности въ виновности евреевъ, категорически утверждаетъ уже, что именно Шлифферманъ сманилъ Маслова („это ты сманилъ Мишу“).

Слѣдствіе Волохова „надлежащихъ“ результатовъ въ общемъ не дало. Изъ Петербурга прислали поэтому новаго слѣдователя—Дурново, служившаго раньше въ Западномъ краѣ. „Съ самаго прибытія“, сообщается въ одномъ изъ актовъ дѣлопроизводства, Дурново объяснилъ мѣстнымъ чиновникамъ „о подобныхъ обрядахъ евреевъ въ западныхъ губерніяхъ съ христіанскими мальчиками“ (л. 1461—1471). Дурново проявилъ кипучую дѣятельность, подчасъ носившую поистинѣ комическій характеръ, но, само со-

бою разумѣется, саратовскимъ евреямъ, которыхъ онъ затравилъ безпрестанными допросами, обысками и арестами, было не до смѣха. Вотъ образчикъ этой дѣятельности. Мелкій полицейскій Казанскій сообщилъ Дурново, будто купецъ Егоръ Бѣляевъ рассказывалъ ему, что у отца Янкеля нашли много лѣтъ тому назадъ въ часахъ убитого мальчика. Бѣляевъ этой басни не подтвердилъ, тѣмъ не менѣе Дурново затратилъ массу энергіи, чтобы „выяснить дѣло“. Кто-то ему сказалъ, что отцомъ Янкеля Юшкевича былъ перекрестъ Василій Петровъ. Всѣ архивы города Саратова были перерыты. Чиновникъ Жемчуговъ пересмотрѣлъ всѣ 60.000 дѣлъ изъ полицейскаго архива, другіе чиновники штудировали дѣла въ судебныхъ архивахъ, пересмотрѣны были даже всѣ метрическія книги за время съ 1819 г. Но никакого слѣда ни „объ убитомъ мальчикѣ, найденномъ въ часахъ“, ни даже о перекрестѣ Васи́ліи Петровѣ не отыскалось. Изъ Могилевской губерніи получено было офиціальное донесеніе, вполне подтвердившее показаніе Янкеля, что отецъ его, Файвишъ Юшкевичеръ, умеръ на родинѣ въ 1819 г. правовѣрнымъ евреемъ.

Дурново учредилъ „строжайшій надзоръ“ за всѣми евреями. Предписано было всѣмъ полицейскимъ учрежденіямъ губерніи: „остановить на всѣхъ мѣстахъ находящихся въ уѣздахъ и городахъ евреевъ съ ихъ семействами, даже проѣзжихъ, а равно и выкрестовъ собственно въ Саратовѣ, съ учрежденіемъ надъ ними лицами особаго полицейскаго надзора. Проѣзжавшіе черезъ Саратовъ евреи и задержанные уже тамъ отлучались бы изъ города не иначе, какъ по сношеніи съ слѣдователями“.

Создалась, благодаря такимъ мѣропріятіямъ, атмосфера, при которой появленіе типичныхъ для ритуальныхъ дѣлъ свидѣтелей становилось неизбѣжнымъ. И они явились.

Излишне разяснять, что это были люди „со дна“—бродяги изъ самыхъ подозрительныхъ притоновъ, завѣдомые преступники, гарнизонныя проститутки и т. п. Единственнымъ свидѣтелемъ не изъ міра бродягъ и преступниковъ былъ губернскій секретарь Крюгеръ, но относительно него имѣются въ дѣлѣ вполне опредѣленные данныя, что онъ былъ пьяницей, буяномъ и картежникомъ и помимо того страдалъ „разслабленіемъ и раздраженіемъ нервъ и помѣшательствомъ“ (слѣдствіе Дурново, л. 872, а также листы 2884, 3206, 3064 и 3436). Главный свидѣтель по дѣлу, солдатъ Богдановъ (сданъ въ рекруты своимъ помѣщикомъ за пьянство и бродяжество), показавшій при первомъ допросѣ, что былъ очевидцемъ и даже участникомъ убійства одного изъ маль-

чиковъ на квартирѣ Янкеля Юшкевичера, безпрестанно мѣнялъ впослѣдствіи свои показанія, а иногда и совершенно отказывался отъ нихъ. Другой „очевидецъ“, названный выше Крюгеръ, утверждалъ, что, зайдя случайно въ еврейскую молельню (это было въ два часа дня!), онъ видѣлъ, какъ евреи (Юшкевичеръ, Шлиферманъ и др.) обрѣзываютъ христіанскаго мальчика и вытачиваютъ изъ него кровь, причемъ двери въ синагогу были открыты... Свидѣтельница Горохова (гарнизонная проститутка), рассказала слѣдователю, будто Ита-Нехама, жена Янкеля Юшкевичера, говорила ей, что изъ Житомира отъ дѣвки Родсель, у которой казна деньги занимаетъ, прислали ея мужу, Янкелю, за христіанскую кровь два милліона рублей, а Шлиферману четыре милліона. Явились три свидѣтеля, которые показали подъ присягой, что собственными глазами видѣли, какъ въ пятницу на Страстной недѣлѣ (1851 г.) Янкель Юшкевичеръ вмѣстѣ съ другими евреями, въ солдатской формѣ, справляли какой-то „бѣсовскій шабашъ“ на квартирѣ у Янкеля. На столѣ лежала кукла, сдѣланная какъ-будто изъ тѣста, которую каждый изъ присутствовавшихъ евреевъ поочередно сѣкъ пучками розогъ. Въ рукахъ у Янкеля была оловянная или жестяная чашка съ красной жидкостью. По окончаніи сѣченія несчастной куклы, имѣвшей, по словамъ одного изъ свидѣтелей, видъ распятія, всѣ бывшіе тамъ солдаты подходили одинъ за другимъ къ Янкелю, а онъ каждому изъ нихъ давалъ по ложкѣ жидкости изъ чаши. Явились затѣмъ свидѣтели, которые взводили на себя обвиненія въ томъ, что они сами сманивали христіанскихъ дѣтей для евреевъ, по просьбѣ послѣднихъ; въ дѣлопроизводствѣ имѣется цѣлый отдѣлъ—„о лицахъ, показавшихъ на себя преступленія умышленно ложно“.

На почвѣ саратовскаго дѣла въ томъ же районѣ возникло еще пятнадцать дѣлъ; изъ нихъ самое знаменитое лядинское, оффиціальныи заголовокъ котораго—„дѣло по обвиненію нѣкоторыхъ евреевъ, проживающихъ въ Тамбовской губерніи, въ Лядинскомъ винокуренномъ заводѣ князя Гагарина, въ посылкѣ въ городъ Саратовъ за кровью и въ полученіи оной“. Лядинское дѣло всецѣло создано было фантазіей арестантки „Машки-Шараманки“, приговоренной къ 18 годамъ заключенія въ работномъ домѣ и плетямъ черезъ палача. „Старый раввинъ“ и Александръ Григорьевичъ (Конниковъ, о которомъ упомянуто выше) заставили будто ее поклясться, что она исполнитъ все, что они отъ нея потребуютъ, и никому не будетъ говорить о томъ, что она у нихъ увидитъ. Когда клятва была дана, на нее, Машку-Шараманку,

возложена была довольно отвѣтственная миссія по поставкѣ христіанской крови изъ Саратова лядинскимъ евреямъ.

Излагать свидѣтельскія показанія по саратовскому дѣлу на страницахъ „Еврейской Старины“—нѣтъ возможности: слишкомъ много потребовалось бы мѣста. Важнѣйшія изъ этихъ показаній читатель найдетъ къ тому же въ книжкѣ г. Львовича—„Послѣдняя позиція“; тамъ же приведены и постановленія по дѣлу различныхъ судебныхъ инстанцій.

На чемъ необходимо остановиться—это на внутреннихъ переживаніяхъ несчастныхъ жертвъ предразсудка. Они были ужасны. „Дѣло“ свалилось на саратовскихъ евреевъ, какъ снѣгъ на голову. Они были совершенно незамѣтной величиной въ городѣ. „Еврейскаго вопроса“ въ тѣ времена въ Саратовѣ абсолютно не существовало, и менѣе всего евреи могли ожидать „кроваваго навѣта“. Еще наканунѣ возникновенія процесса Янкель Юшкевичеръ весело отпраздновалъ свадьбу своей дочери Мины Рейзы, которую онъ выдалъ за нѣкоего Мордуха Гуглина, большого негодая, какъ обнаружилось вскорѣ. Но пока ничто не угрожало спокойствію и благополучію саратовскихъ евреевъ. „Опознаніе“ мальчикомъ Канинымъ солдата Шлифермана и въ особенности оговоръ Янкеля Юшкевичера и сына его Федора Юрлова солдатомъ Богдановымъ сразу превратили это бренное благополучіе въ юдоль невыразимой скорби: безобидные „жиды“ въ глазахъ мѣстнаго населенія превратились въ изверговъ, алчущихъ крови христіанской. Начались аресты, отъ которыхъ не спасся, повидимому, ни одинъ еврей, а Янкелю Юшкевичеру, его сыну—выкресту Юрлову и солдату Шлиферману пришлось высидѣть въ тюрьмѣ около 8 лѣтъ, въ ожиданіи окончательнаго вердикта Государственнаго Совѣта, осудившаго ихъ на каторжныя работы. Одинъ изъ арестованныхъ солдатъ-евреевъ, не выдержавъ тюремнаго режима и мучительныхъ допросовъ и передопросовъ усерднаго слѣдователя Дурново, удавился въ своей камерѣ.

Какъ велъ свои допросы Дурново, можно судить по слѣдующему сообщенію слѣдователей (Дурново и жандармскаго офицера Языкова). „По дошедшимъ до надворнаго совѣтника Дурново секретнымъ свѣдѣніямъ о разговорѣ рядового еврея Хаима Зидора, на дворѣ мѣщанина Москвичева, о падшемъ будто бы невинно на евреевъ подозрѣніи въ убійствѣ двухъ мальчиковъ, онъ, Дурново, съ 8 на 9 число мая 1853 г., въ 11 часовъ ночи, требовалъ къ себѣ Зидора для увѣщанія и секретнаго допроса, обѣщая ему за открытіе преступленія денежное

вознагражденіе и ходатайство о его службѣ“. Зидоръ, слушая внимательно увѣщанія и „чрезвычайно смутившись“, первоначально колебался, видимо внутренне боролся, и когда ему было сказано, что цирюльникъ Шлиферманъ принимаетъ все на себя и сознался въ преступленіи, Хаимъ Зидоръ, поблѣднѣвъ, сказалъ: „не можетъ быть, чтобы Шлиферманъ сознался, а вѣрно говорилъ это какой-нибудь не-совершенный еврей!“ Тутъ и попытка подкупить, и попытка воздѣйствовать на свидѣтеля сообщеніемъ ему ложныхъ свѣдѣній,—лишь бы вырвать у него оговоръ, полупризнаніе, которое можно было бы использовать для подкрѣпленія слишкомъ уже недовѣрныхъ показаній бродягъ и проституттокъ. За все время слѣдствія Дурново не удалось однако никакими средствами добиться ни у одного изъ евреевъ какой-либо лжи противъ единовѣрцевъ. „Обличителемъ“ изъ евреевъ противъ подсудимыхъ удалось сдѣлать лишь перекреста Николая Петрова, зятя Юшкевича (въ еврействѣ—Мордухъ Гуглинъ), который, послѣ бесѣды со священникомъ Скинотворцевымъ и принятія крещенія, далъ слѣдующее показаніе: Янкель, когда находился уже подъ арестомъ, поручилъ ему, Гуглину, взять какое-то письмо у Иты-Нехамы (жены Янкеля) и уничтожить его; Гуглинъ прочиталъ это письмо; тамъ говорилось о посылаемыхъ двухъ бутылкахъ съ кровью, запечатанных—одна краснымъ сургучемъ съ кровью, добытой въ мѣсяцъ Кишовъ(?), а другая чернымъ съ кровью, добытой въ мѣсяцъ Адаръ; на адресъ было написано: „Любавичскому ходаку Таупкину“, а внизу—„для передачи Любавичскому раввину“. Впослѣдствіи онъ, Гуглинъ, узналъ отъ самого Янкеля, что бутылки были посланы въ Любавичъ съ евреями-персіянами. Таково было показаніе ренегата, сообщившее саратовскому дѣлу все-еврейскій, такъ сказать, характеръ. Когда Гуглинъ, онъ же Николай Петровъ, на очной ставкѣ съ Янкелемъ, сталъ повторять свои показанія, несчастный старикъ пришелъ, по словамъ протокола, „въ крайнее возбужденіе“... „Я зналъ, сказалъ Янкель, что есть людоеды на свѣтѣ, но ихъ до сихъ поръ не видалъ; вотъ одинъ изъ нихъ, я не могу стоять предъ нимъ!“ Когда Петровъ кончилъ свои „показанія“, Янкель упалъ на колѣни и, поднявъ руки и глаза вверхъ, проговорилъ: „Боже мой, гдѣ же Ты? Что Ты тамъ дѣлаешь? Какъ это допускаешь?!“...

Такъ же, какъ мужъ ея, реагировала на показанія Николая Петрова и Ита-Нехама. „Явился еще новый свидѣтель, сказала она. Во время царя Давида противъ евреевъ было столько сви-

дѣтелей, сколько нѣтъ волосъ на головѣ. А все таки они были всѣ ложные свидѣтели. Пускай пятьдесятъ человѣкъ показываютъ что мы рѣзали мальчиковъ, а все будетъ ложь и клевета“. Затѣмъ, обращаясь къ членамъ комиссіи, она говорила: „Неужели вы грѣха не боитесь, что принимаете такія напраслины? мы такъ же рѣзали мальчиковъ, какъ вы ихъ рѣзали“.

Батюшка Скинотворцевъ, по предложенію Дурново, пробовалъ заговаривать и съ самимъ Янкелемъ. Онъ пришелъ къ нему въ острогъ, и хотя заключенный встрѣтилъ его словами— „не время теперь; я сильно встревоженъ, огорченъ, я весь боленъ; у меня кружится голова, я безъ памяти, я точно безумный“,—тѣмъ не менѣе батюшка остался въ камерѣ и заговорилъ съ отмѣннымъ велерѣчіемъ. Говорилъ длинно и елейно. „Батюшка, прервалъ Янкель, я несчастенъ“...—Э, братецъ, возразилъ Скинотворцевъ, да это можно слышать вездѣ и всюду... Всѣ жалуются на разные недостатки, и такія жалобы слышатся даже отъ людей высшаго званія... Ахавъ и Іезавель были лица державныя, слѣдовательно счастливы, а чѣмъ для нихъ показался и до чего ихъ довелъ виноградникъ бѣднаго Навуея!“... Постепенно рѣчь перешла на истины православной вѣры, причемъ батюшка тонко разъяснилъ Янкелю, что его преосвященство многое для него могъ бы сдѣлать. „Святители наши издревле усвоили себѣ какъ бы нѣкое право ходатайствовать о помилованіи кающихся преступниковъ не только предъ мѣстнымъ начальствомъ, но даже и предъ лицомъ самихъ Государей“. Уговоры Скинотворцева ни къ чему однако не привели. „Ну, братъ Яковъ Яковлевичъ, закончилъ батюшка, отъ души мнѣ жаль тебя: ты отказываешься отъ благъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка и притомъ въ самое лучшее для тебя время“. Янкель, отвернувшись на подушку, съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: „ну, что дѣлать, я обреченная Богу жертва!“

Трудно и сейчасъ, 60 лѣтъ спустя, читать эти протоколы безъ глубокаго волненія...

Другимъ привлеченнымъ по дѣлу евреямъ приходилось не легче, конечно, чѣмъ Юшкевичеру. Обвиняемые въ страшныхъ злодѣяніяхъ, безсильные при этомъ по малограмотности своей разбираться въ многочисленныхъ актахъ и протоколахъ, о нихъ составляемыхъ, лишеныя всякой защиты, — они впадали въ отчаяніе. Одинъ изъ нихъ, какъ упомянуто уже было выше, удавился въ тюрьмѣ. Другого—Михеля Шлиффермана извели до такой степени, что онъ началъ говорить дерзости начальству.

Въ обвинительномъ актѣ указывается по этому поводу, что „онъ, Шлифферманъ, противъ слѣдователей—надворнаго совѣтника Дурново и маіора Языкова выразился, что они по дѣлу только бумагу мараютъ и пишутъ все вздоръ“, а въ присутствіи судебной комиссіи, на замѣчаніе предсѣдателя—„не говоритъ дерзостей“, отвѣтилъ: „когда наступятъ на кочергу, она бьетъ въ лобъ“. Судебная комиссія, оставившая Шлиффермана по главному обвиненію (убійство и истязаніе мальчиковъ) лишь въ подозрѣніи, приговорила его „къ шпицрутенамъ черезъ пятьсотъ человѣкъ одинъ разъ“ за явное неуваженіе къ присутствію...

Русскій дореформенный судъ не зналъ уже пытокъ, но спросъ „съ пристрастіемъ“, со „священническими увѣщеваніями“, хитрые капканы и западни для подслѣдственныхъ — были обычнымъ въ то время явленіемъ. Съ другой стороны, благодаря безконечной медлительности тогдашняго слѣдственного производства, ритуальные процессы достигаютъ при немъ сказочныхъ, фантастическихъ размѣровъ. Велижскій процессъ тянулся 12 лѣтъ, саратовскій—8. Какой просторъ для доказчиковъ, доносчиковъ, любителей поудить рыбу въ мутной водѣ, психопатовъ и истеричекъ, увлекаемыхъ мрачнымъ трагизмомъ „кроваваго навѣта“! Въ результатѣ, право, трудно сказать, что было бы лучше для Юшкевича и Шлиффермана—быть ли замученными въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ средневѣковомъ застѣнкѣ, или же отсиживать восемь лѣтъ въ смрадной тюрьмѣ, подвергаясь допросамъ такого слѣдователя, какъ Дурново, и очнымъ ставкамъ съ Богдановыми и Петровыми—съ тѣмъ, чтобы закончить дни свои на каторгѣ! Во всякомъ случаѣ русскій дореформенный судъ свою долю мучительства внесъ въ еврейскій мартирологъ: Велижъ и Саратовъ останутся навсегда въ памяти еврейскаго народа.

М. Тривусъ.

Изъ прошлаго еврейскихъ общинъ въ городъ Люцинъ и его уѣздъ.

I. Возникновеніе Люцинской общины.—Время поселенія евреевъ въ Люцинъ ¹⁾ не поддается точному опредѣленію. Они, повидимому, поселились тамъ въ періодъ польскаго владычества, такъ какъ русское владычество уже застало евреевъ въ Люцинъ и въ уѣздъ. По переписи 1772 г. ²⁾ ихъ оказалось всего 661 человекъ; изъ этого числа очень мало жило въ самомъ городѣ (32 чел.), остальные—въ селахъ и деревняхъ: казенныхъ (126), помѣщичьихъ (498) и монастырскихъ (5). Въ архивѣ Люцинскаго городского управленія сохранился „геометрическій планъ“ мѣстности отъ 1784 г., въ которомъ число евреевъ показано въ городѣ Люцинъ—80, а въ уѣздѣ 981 ³⁾. После нѣкоторыхъ колебаній, ростъ еврейскаго населенія въ городѣ окончательно установился. Въ 1847 г. въ Люцинъ числилось 2299 душъ, а по переписи 1897 г.—2803 въ городѣ и 3452 въ уѣздѣ. ⁴⁾

II. Мученикъ Моисей бенъ-Давидъ.—Первый памятникъ еврейской старины въ Люцинъ есть надгробная надпись на старомъ кладбищѣ, увѣковѣчившая память „святого“ (שׂוֹקֵד). На холмикѣ донынѣ стоитъ простой и небольшой каменный памятникъ, а на немъ начертано слѣдующее:

¹⁾ Люцинъ—нынѣ уѣздный городъ Витебской губ. — входилъ до середины XVI вѣка въ составъ владѣній Ливонскаго ордена. Въ 1561 г. перешелъ подъ власть Польши со всей Ливоніей, а въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, вошелъ въ составъ присоединенной Бѣлоруссіи и сдѣлался уѣзднымъ городомъ тогдашней Полоцкой губ.

²⁾ Евр. Страница 1912 г., вып. II, стр. 171.

³⁾ Копія плана доставлена мнѣ гласнымъ городской управы г. Х. Л. Левинымъ.—*Авт.*

⁴⁾ Памятная книжка Витебской губерніи за 1898 г., приложение, стр. 85.

פ"נ¹
 וכל בית ישראל
 יבכו את השרפה
 אשר שרף י"ו ועלה
 בקדושת השם לאל
 הקדוש מ' משה במ'
 דוד זצ"ל ביום כ"ה
 תמוז שנת תקכ"ה (תקכ"ח?)

Дата надписи внушает сомнѣніе только относительно послѣдней цифры, которую можно читать и п и п, т. е. 5 и 8. Слѣдовательно, смерть „святого“ послѣдовала въ іюлѣ 1765 или 1768 года,—т. е. въ послѣдніе годы польскаго владычества. По словамъ старожиловъ, исторія святого Моисея бенъ-Давида была записана въ мѣстномъ кагалномъ Пинкосѣ, который погибъ во время пожара 1866 г. Легенда рассказываетъ, что Моисей былъ деревенскій портной—честный труженикъ и благочестивый еврей. Однажды, работая въ деревнѣ, онъ впутался въ религіозный диспутъ съ крестьянами-католиками. Въ разгарѣ спора о Иисусѣ и Евангеліи у портного вырвались нѣкоторыя рѣзкія фразы, возмущившія крестьянъ. На „богохульника“ донесли польскому пану, владѣльцу деревни. Моисея обвинили въ томъ, что онъ поносилъ Иисуса Христа и католическую вѣру; молва прибавила еще къ этому, будто въ домѣ одного крестьянина портной прокололъ иголкой святую икону. Панъ, ревностный католикъ и врагъ евреевъ, приказалъ заключить Моисея подъ стражу. Узнику предложили на выборъ: либо креститься въ католическую вѣру, либо пойти на костеръ за богохульство. Онъ избралъ послѣднее и погибъ въ огнѣ, восторженно выкрикивая „Schema Israel“. Рассказываютъ, что еще до казни сынъ узника ѣздилъ въ Полоцкъ и Варшаву просить о помилованіи, и его просьба была удовлетворена, но онъ вернулся въ Люцинъ уже поздно — черезъ два дня послѣ совершенія приговора. Говорятъ, что впоследствии панъ былъ наказанъ высшею властью за самосудъ. По народному преданію, Богъ наказалъ жестокаго пана мучительными болѣзнями; во время припадковъ онъ кричалъ: „Моисей, Моисей, прости меня“!

¹) Переводъ надписи... „Здѣсь похороненъ... И весь домъ Израилевъ оплакиваетъ пожаръ, зажженный Богомъ. И вознесся съ освященіемъ Имени къ Святому Богу Моисей сынъ Давида, да будетъ благословенна память праведника!— въ день 25 Таммуза 525 (528 ?) года“.

III. Учрежденіе Святого Братства.—Въ сохранившемся Пинкосѣ „Хевра Кадиша“ отъ 1850 года, передъ пунктами устава, написано слѣдующее; „Сии постановленія выписаны изъ стараго Пинкоса 546 (1786) года, заведеннаго тогда при основаніи Братства. И какъ они, начавъ дѣло, взяли на себя, такъ и мы по примѣру нашихъ предковъ рѣшили исполнить всѣ эти постановленія и обычаи“. Отсюда видно, что только въ 1786 г. въ Люцинѣ учредилось Погребальное Братство. До того времени община, очевидно, была очень мала, хотя уже и тогда имѣла свое кладбище, какъ видно изъ вышеупомянутаго памятника мученика 1765 года.

IV. Организація общины и первый раввинъ.—Съ 1786 г. еврейская община въ Люцинѣ росла и упорядочивалась. Кромѣ „Хевра Кадиша“, въ томъ же году было основано Общество изученія Мишны (חברת משניות); дата указана въ самомъ Пинкосѣ Общества. Около того же времени община избрала своего перваго раввина, извѣстнаго талмудиста Вольфа Альтшулера, о которомъ будетъ рѣчь дальше. На заглавныхъ листахъ сочиненій р. Вольфа (זכר טוב, שפת הים), напечатанныхъ въ Шкловѣ въ 1794 г., титулъ автора гласитъ: „Сочиненіе Вольфа Альтшулера, раввина города Люцина съ уѣздомъ въ области Инфлянтской“ (ממני זאב וואלף אלמשולער יושב על מדין בק"ק לוצין והאויגער במדינת איפלאנד).

V. Деревенскіе жители.—Съ давняго времени въ Люцинѣ процвѣтала талмудическая наука; но зато среди жителей деревень Люцинскаго уѣзда, такъ называемыхъ „ишувниковъ“, преобладали простые, часто даже неграмотные „аме-гаарацимъ“. Старики разсказываютъ отъ имени своихъ предковъ, что лѣтъ сто назадъ, въ началѣ 19 вѣка, въ деревнѣ Пильды, въ 12 верстахъ отъ Люцина, жили такіе малограмотные евреи, которые не могли читать молитвы по „сиддурѣ“; поэтому они себѣ взяли кантора, который за всѣхъ читалъ молитвы. Ихъ молитвенное собраніе было извѣстно подъ именемъ „der Pilder minian“.

VI. Переселеніе въ земледѣльческія колоніи.—Въ 1807 г., когда тѣснимые въ Бѣлоруссіи сельскіе евреи начали переселяться въ земледѣльческія колоніи Херсонской губерніи, изъ Люцинскаго уѣзда также отправилась туда партія переселенцевъ въ нѣсколько десятковъ семействъ. Въ 40-хъ годахъ 19 вѣка около 60 семействъ переселилось изъ Люцина въ Екатеринославскую губернію. Уѣзжавшихъ община снабдила свитками Священнаго Писанія и бібліотекою для синагоги. Разска-

зываютъ, что многіе переселенцы не перенесли трудностей переезда и умерли въ пути. Большинство поселилось въ колоніи Красноселкѣ, Екатеринославской губерніи ¹⁾).

VII. Депутатъ ребъ-Зиске. — Въ 1818 г., когда во всемъ Западномъ краѣ происходили выборы „депутатовъ еврейскаго народа“ для представительства въ Петербургѣ, Люцинъ выдвинулъ одного выборщика — Іекусіеля-Зискинда Левина, извѣстнаго подъ именемъ „ребъ Зиске Богачъ“ (der nogid). Это былъ купецъ, ведшій крупныя торговыя дѣла, общественный дѣятель и вмѣстѣ съ тѣмъ ученый талмудистъ. Въ спискахъ выборщиковъ, собравшихся на виленскій съѣздъ 1818 года, фигурируетъ и имя „Іекусіеля бенъ-Якова, избраннаго отъ Витебской губерніи“, или „Люцинскаго 2-й гильдіи купца Зиски Лева“ ²⁾. Онъ умеръ спустя годъ послѣ съѣзда, и на его надгробномъ камнѣ имѣется слѣдующая надпись:

פה נטמן ה"ה הרבני המופלא ומופלג בתורה איש ירא אלקים שלשלח
היוחסין ונגיד ומפורסם מוה' נפתלי יקותיאל זיסקינד בהרבני המפורסם מוה'
יעקב הלוי. ויצא(ה) נשמתו בטרה ביום י"ג לחדש אלול שנת תקע"ט. לפרט
אנשי יושר נא בדרו לפק. הנצב"ה.

Его братъ, Михель Левинъ, былъ также виднымъ общественнымъ дѣятелемъ и одно время занималъ должность городского головы въ Люцинѣ.

VIII. Кагалъ и рекрутскіе наборы. — Въ царствованіе Николая I злобою дня въ жизни общинъ была рекрутская повинность, которая поглощала почти всю дѣятельность кагаловъ. По словамъ свѣдущихъ лицъ, кагалыные дѣятели того времени въ Люцинѣ не свирѣцствовали такъ, какъ въ другихъ городахъ, и не причиняли столько зла. Этому много способствовали неуспѣшныя заботы двухъ выдающихся людей, послѣдовательно занимавшихъ раввинскій постъ въ Люцинѣ: Нафтали Ціони (1808—56 г.) и его сына Аронъ-Зелига Ціони (1856—76). Во время наборовъ эти раввины дѣлали все возможное для спасенія „плѣнниковъ“, схваченныхъ „ловцами“, отстаивая беззащитныхъ бѣдняковъ. Но весьма часто ихъ старанія не увѣнчивались успѣхомъ, и нерѣдко видѣли этихъ духовныхъ пастырей проливающими горькія слезы объ участи несчастныхъ жертвъ кагальнаго произвола. „Наборъ“ былъ дѣломъ не шу-

¹⁾ Ср. Никитинъ, Еврей-земледѣльцы (Спб., 1887, стр. 16, 21, 303).

²⁾ Финъ. קריה נאמנה (изд. 1860 г.). стр. 35. — Евр. Стар. 1909 г. т. II, стр. 28.

точнымъ, и кагалъные старшины въ этомъ дѣлѣ туго поддавались чувству состраданія.

Во время „пойманниковъ“ (начало 1850-хъ годовъ) въ Люцинскомъ уѣздѣ хватали евреевъ безпаспортныхъ (иногда отнимали паспортъ у имѣвшаго его) и сдавали ихъ въ солдаты, какъ „бродягъ“, взявъ какого нибудь богатаго очередного рекрута. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ пострадавшихъ отъ такого произвола лицъ, являлись съ претензіями къ кагалу, требуя удовлетворенія. Такой случай былъ съ нѣкимъ Айзиковъ Бондарскимъ. Онъ и трое его товарищей прибыли въ 1854 г. изъ Бѣлостокскаго уѣзда, и въ качествѣ каменотесовъ работали у динабургскаго подрядчика Виноградова при проведеніи шоссеиной дороги около Корсовки, Люцинскаго уѣзда. Кагалъные повѣренныя и „ловцы“ узнали, что подрядчикъ временно отлучился изъ Корсовки по дѣламъ и забралъ съ собою паспорта четырехъ рабочихъ. И вотъ ловцы внезапно напали на нихъ и повезли въ Люцинъ. Стараніями рабби Нафтали Ціони удалось отстоять двухъ „пойманниковъ“; Бондарскаго же и еще одного сдали въ солдаты, какъ безпаспортныхъ, въ зачетъ Люцинскаго еврейскаго общества. Спустя 32 года состарившійся Бондарскій явился въ Люцинъ и потребовалъ отъ представителей общины денежнаго удовлетворенія за причиненное ему насиліе. Его требованіе было исполнено: онъ получилъ денежное вознагражденіе отъ потомковъ той семьи, которая нѣкогда при помощи ловцовъ замѣнила Бондарскимъ своего члена, бывшаго на рекрутской очереди. Тогда Бондарскій выдалъ кагалу записку слѣдующаго содержанія (сохранилось въ Пинкостъ старой синагоги):

אני החתום משה אייזיק חיים בר' אברהם אבא באנדארסקי אשר לקחתי אותי אנשי לוצין לפאיימעניק לאנ"ח בשנת 1854 — בעת באתי ללוצין ונתפשרתי עמהם בעד סך 75 רובעל למחול להם במחילה גמורה וחלושה מקרב לב, ואין לי עוד עליהם שום מענות ומענות ושום טינא שבלב, ואני מוחל להמתים שכבר מתו אשר היו בעת ההיא ולהחיים אשר הם חיים עדנה. כ"ז נעשה בתקיעת כף ובקנא"ם דלא כאסמכתא. ובאתי עה"פ כ"ד תמוז שנת תרמ"ז. נאום אייזיק חיים באנדארסקי.

(Я, нижеподписавшійся Айзикъ-Хаимъ... Бондарскій, котораго жители Люцина взяли пойманникомъ (и сдали) въ солдаты въ 1854 г., нынѣ пріѣхавъ въ Люцинъ, помирился съ ними за сумму въ 75 рублей и простилъ ихъ отъ всего сердца. И нѣтъ у меня больше никакихъ претензій къ нимъ. Прощаю и покойниковъ, давно умершихъ, и живыхъ, здравствующихъ понынѣ... 24 Таммуза 646 г. (іюль 1886 г.).

IX. Раввинъ Вольфъ Альтшулеръ.—Люцинская община всегда славилась своими выдающимися раввинами, имена которыхъ извѣстны въ спеціальной научной литературѣ. Первый раввинъ, названный выше Вольфъ Альтшулеръ (ок. 1786—1806), былъ уроженцемъ Жмуди. Недавно скончавшійся внукъ его, Моисей Марголисъ передалъ намъ интересный рассказъ о томъ, какъ его дѣдъ сдѣлался раввиномъ въ Люцинѣ. Рабби Вольфъ сначала не хотѣлъ раввинства, а предпочиталъ добывать себѣ пропитаніе обычнымъ занятіемъ; въ качествѣ механика-винокура онъ поступилъ на службу къ одному русскому помѣщику близъ Пскова, владѣльцу винокуреннаго завода. Все свободное отъ службы время онъ посвящалъ наукѣ, живя въ деревенской глуши. Однажды къ помѣщику пріѣхали по коммерческимъ дѣламъ два богатыхъ купца изъ почетнѣйшихъ членовъ люцинской общины—упомянутые выше братья Іекусіель и Михель Левины. Помѣщикъ, зная, что эти благочестивые евреи не будутъ у него ѣсть, предложилъ имъ поѣсть и переночевать у своего винокура. Братья поужинали у р. Вольфа и легли спать. Ночью они услышали голосъ хозяина, читавшаго какую то главу изъ „Шулханъ-Аруха“ съ такимъ углубленіемъ въ сущность трактуемаго предмета, которое обличало въ читающемъ большое знаніе раввинской письменности. Вставши утромъ, Левины сказали р. Вольфу, что въ качествѣ представителей Люцинской общины они ищутъ для нея духовнаго пастыря и предлагаютъ ему принять этотъ постъ. Необыкновенно скромный р. Вольфъ сталъ отказываться, считая себя недостойнымъ духовнаго сана, но послѣ настойчивыхъ просьбъ онъ согласился. Скоро обнаружилось, что подъ маскою винокура таился большой ученый. Вольфъ Альтшулеръ напечаталъ въ Шкловѣ, въ 1794 г., сразу три свои книги: שפת הים—комментарій на пасхальную Гагаду (2-е и 3-е изданіе вышли, съ прибавленіями сына автора, въ 1814 и 1819 гг., въ Копысь и Бреславлѣ); זכר מוב—о Іезекіелевомъ храмѣ (2-е изд., Варшава, 1814); חמשה חלקי אבנים—комментарій къ пяти „Мегиллотъ“, изъ котораго изданы только двѣ части—къ Пѣсни Пѣсней (אבני קודש) и Руѣи (אבן פנה). Въ предисловіи къ одной изъ этихъ книгъ авторъ упоминаетъ о составленномъ имъ комментарий къ Пятикнижію, подъ названіемъ מחשף הלבן, но въ печати этотъ трудъ не появился. Р. Вольфъ умеръ въ Люцинѣ и похороненъ рядомъ съ могилою вышеупомянутаго „святого“ р. Моисея; но его надгробный памятникъ не сохранился, и неизвѣстенъ въ точности годъ его смерти. Одинъ изъ его потомковъ передаетъ, что р. Вольфъ умеръ въ 1806 г.

Х. Р. Давидъ Ціони.—Послѣ смерти Альтшулера, люцинскимъ раввиномъ былъ избранъ Давидъ Ціони изъ м. Освѣя (Вит. губ.), отпрыскъ знаменитой семьи ученыхъ. Въ молодости р. Давидъ, по примѣру тогдашнихъ благочестивцевъ совершалъ подвигъ скитальчества (גלות), странствуя по разнымъ городамъ. Въ его рукописяхъ имѣются краткія записи съ намеками на эти скитанія: "והיתה מסילה ד' אייר תקמ"ט, וישבו תחום תמוז תקנ"א". Тамъ же значится, что онъ прибылъ въ Люцинъ въ 1802 г. Нѣкоторые утверждаютъ, что тогда р. Давидъ былъ избранъ раввиномъ, но болѣе вѣроятна другая версія — что въ 1802 г. онъ поселился въ Люцинѣ въ качествѣ частнаго лица, а раввинскій постъ занялъ спустя четыре года, т. е. послѣ смерти Альтшулера. Когда былъ изданъ законъ, обязывавшій всѣхъ евреевъ избрать себѣ фамиліныя прозвища, р. Давидъ избралъ имя Ціони, сохранившееся и въ его потомствѣ. Онъ усердно занимался не только явною, но и тайною наукой — каббалой. Послѣ него остался большой манускриптъ — комментарий къ „Torath Kohanim“, но онъ не былъ напечатанъ и съ теченіемъ времени затерялся. Р. Давидъ умеръ въ 1808 г., во цвѣтѣ лѣтъ.

XI. Р. Нафтали Ціони.—Сынъ и преемникъ его, раббинъ Нафтали занималъ постъ раввина въ Люцинѣ 48 лѣтъ, до 1856 г. Это былъ одинъ изъ популярнѣйшихъ раввиновъ Люцина. Его любили за его высокія нравственныя качества, вниманіе къ нуждамъ народа и рѣдкое безкорыстіе. Р. Нафтали вставалъ обыкновенно въ два часа по-полуночи и до разсвѣта занимался наукою; на разсвѣтѣ молился въ ранней очереди (קריין), послѣ молитвы опять занимался книгами, затѣмъ наскоро закусывалъ и отправлялся по городу навѣщать больныхъ и бѣдныхъ; во время своихъ посѣщеній онъ утѣшалъ страждущихъ, давалъ совѣты и указанія. Всѣхъ онъ привязывалъ къ себѣ своею простотою и сердечностью¹⁾. Вслѣдствіе своей необычайной скромности, р. Нафтали не воспользовался своими громадными знаніями въ Талмудѣ и раввинской письменности для какихъ-нибудь литературныхъ трудовъ, а только ограничивался писаніемъ отвѣтовъ—תשובות—на юридическіе и ритуальные вопросы, съ которыми къ нему обращались другіе раввины. Его имя встрѣчается въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ другихъ авторовъ. Въ Пинкосѣ записано,

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о р. Нафтали, какъ и вообще о всемъ родѣ Ціони, заимствованы нами изъ неизданной рукописи מגילת יוסף, составленной внукомъ Нафтали, Израилемъ Зелигманомъ, о которомъ ниже.—Авторъ.

что р. Нафтали получалъ отъ общины на свое содержаніе ежедневнѣ три рубля. Когда былъ изданъ законъ о пензурной ревизіи еврейскихъ книгъ во всѣхъ частныхъ библіотекахъ и въ синагогахъ (1836), р. Нафтали въ качествѣ раввина исполнялъ обязанности „цензора“ въ Люцинѣ. На многихъ книгахъ старинной синагоги до сихъ поръ еще сохранилась надпись на русскомъ языкѣ съ оригинальной орѳографіей: „Такова книга дозволяется цензуромъ. Раввинъ Ціони“. Р. Нафтали умеръ въ 1856 г. Надгробная надпись на памятникѣ, близъ могилы „святого“, гласитъ:

נחצב פה קבר מו"ר הרב הג' המאה"ג חו"ב מו"ה נפתלי בהגאון מוה' דוד זצ"ל רב דפה. נפטר יום ג' אייר שנת תרט"ו.

XII. Р. Аронъ-Зелигъ Ціони.—Съ 1856 по 1876 г. духовнымъ вождемъ общины былъ сынъ р. Нафтали, р. Аронъ-Зелигъ, бывшій раньше раввиномъ въ м. Варкляны, Витебской губерніи. Онъ также былъ любимъ народомъ, такъ какъ унаслѣдовалъ нравственныя достоинства отца; не любили его только нѣкоторые кагалъные заправилы, которыхъ онъ обличалъ за произволъ и насилія при рекрутскихъ наборахъ, и раввину приходилось немало терпѣть отъ этихъ кулаковъ. Ученикъ р. Аронъ-Зелига разсказывалъ мнѣ, какъ однажды явились къ этому раввину кагалъные старшины съ цѣлью оправдаться передъ нимъ въ своихъ дѣлахъ. Они ему доказывали, что совершаютъ богоугодное дѣло, сдавая въ солдаты молодыхъ людей, нарушающихъ субботу и ѣдящихъ трефное, взамѣнъ сыновей изъ „порядочныхъ“, богатыхъ семействъ. Но раввинъ имъ гнѣвно отвѣтилъ: нѣтъ, нѣтъ, это не богоугодное, а преступное дѣло, ибо наши мудрецы давно уже установили: „не жертвуютъ одною душою ради другой“ (Сангедринъ, 72). Въ опубликованномъ р. Аронъ-Зелигомъ собраніи раввинскихъ респонсовъ (שאלות ותשובות ציוני, два тома, Вильна, 1875) встрѣчаются нѣкоторыя посланія, относящіяся къ дѣламъ по рекрутской повинности,—какъ напр. объ одномъ „плѣнникѣ“ (кандидатъ въ рекруты, сидящій подъ стражей до „пріема“), который обручилъ дѣвушку пачкою табака съ цѣлью вызвать этимъ бракоразводный процессъ и вырваться изъ заключенія (т. II, № 21; ср. также № 1). Въ общинномъ Пинкосѣ подъ 1866 годомъ имѣется запись: „Дана прибавка раввину Зелигу Ціони въ размѣрѣ двухъ рублей ежедневнѣ, такъ что онъ отнынѣ будетъ получать шесть рублей въ недѣлю, и условіе заключено съ нимъ, чтобы онъ больше не обременялъ кагалъ требованіемъ прибавокъ; онъ не имѣетъ также права покинуть общину и принять мѣсто раввина въ другомъ городѣ безъ согласія Люцинскаго кагала“.

Преемникомъ р. Зелига былъ зять его р. Эліезеръ Донъ-Яхіа, бывшій раньше раввиномъ въ м. Вижуны (Ковен. губ.). Онъ извѣстенъ какъ авторъ сборника респонсовъ *חבן שולחן* (Вильно, 1893), обратившій на себя вниманіе въ раввинскомъ мірѣ.

XIII. Приватные ученые.—Кромѣ раввиновъ-писателей, Люцинская община выдвинула рядъ частныхъ ученыхъ. Знаніе Талмуда и раввинской литературы было очень распространено въ Люцинѣ во всѣхъ классахъ общества. Раввины обыкновенно читали въ синагогахъ систематическія лекціи для юношей и старшихъ обывателей, а спеціальныя организаціи въ родѣ „Общества Мишнаіотъ“ содѣйствовали популяризаціи знанія среди трудовыхъ классовъ населенія. Изъ частныхъ ученыхъ особенно прославился р. Израиль Зелигманъ, внукъ вышеупомянутаго раввина Нафтали Ціони по женской линіи. Онъ написалъ рядъ солидныхъ трудовъ: *יד ישראל* — комментарій къ талмудическимъ трактатамъ *כותים ועבדים* (Вильна, 1888); *מטין גנים* — къ трактату *כלל רבתי* съ обширнымъ введеніемъ, полнымъ эрудиціи (1894). Зелигманъ умеръ въ 1908 г., оставивъ по себѣ нѣсколько неизданныхъ трудовъ, въ томъ числѣ родословно-біографическую „мегилу“ (*מגילת יחסים*) о выдающихся людяхъ изъ семей Ціони, Альтшулеръ, Зелигманъ, Левинъ и Донъ-Яхіа.

XIV. Корсовка.—Въ мѣстечкѣ Корсовкѣ, Люцинскаго уѣзда, евреи начали селиться въ началѣ 19-го вѣка. Благодаря своему географическому положенію на границѣ трехъ губерній—Витебской, Псковской и Лифляндской, мѣстечко пріобрѣло важное торговое значеніе и сдѣлалось притягательнымъ пунктомъ для евреевъ Бѣлоруссіи. Въ короткое время въ Корсовкѣ образовалась еврейская община изъ 150 семействъ (около 700 душъ), которая построила себѣ обширную синагогу и пригласила раввиномъ р. Вольфа Ціони (брата упомянутаго Люцинскаго раввина Нафтали Ціони). Кладбище было устроено, но словамъ старожиловъ, около 1830 г., но памятники на немъ восходятъ только къ 1840 г.

Не долго однако продолжалось благополучіе общины. Въ началѣ 1840-хъ годовъ едва устроенное гнѣздо было разрушено грубою рукою насильника. Владѣлецъ мѣстечка панъ Шадурскій, человекъ жестокій и ярый юдофобъ, по какой-то причинѣ (говорятъ, что онъ разгнѣвался на нѣкоторыхъ евреевъ, задѣвшихъ его честь), рѣшилъ выселить изъ своихъ владѣній всѣхъ евреевъ. Ужасъ охватилъ общину Корсовскую, обреченную на полное раззореніе. Раввинъ Вольфъ Ціони назначилъ для всей общины

трехдневный постъ съ молитвою въ синагогѣ. Ходатаи поѣхали въ Динабургъ (Двинскъ) и въ губернский городъ просить объ отмѣнѣ жестокаго рѣшенія; уполномоченные общины нѣсколько лѣтъ тягались съ Шадурскимъ въ судахъ, но ничего не могли добиться, такъ какъ жители не имѣли документовъ о томъ, что они поселились въ мѣстечкѣ по чиншевому праву; Шадурскій же доказывалъ, что всѣ евреи живутъ у него на правахъ простыхъ арендаторовъ, которыхъ онъ можетъ выгнать когда угодно. И онъ осуществилъ свое злое дѣло. Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1843 (по другой версіи 1845) года, Корсовскіе евреи должны были покинуть свои дома и родное мѣсто и идти куда глаза глядятъ. За дома панъ уплатилъ изгнанникамъ гроши: по 20—30 рублей за домъ стоимостью въ нѣсколько сотъ рублей. Изгнанники разбрелись по сосѣднимъ мѣстамъ—Люцину, Рѣжицѣ, Мариенгаузену; нѣкоторые отправились въ земледѣльческія колоніи Екатеринославской губерніи. Раввинъ Вольфъ Ціони также пошелъ въ изгнаніе съ своей духовной паствой; пробывъ нѣкоторое время въ Люцинѣ, онъ занялъ постъ раввина въ мѣстечкѣ Рибнишкѣ, а позже—въ Друѣ (Витеб. губ.). Священные свитки и книги изъ Корсовской синагоги были перевезены въ Люцинъ. Рассказываютъ, что выселенные разобрали даже синагогу и повезли бревна въ Люцинъ, гдѣ построили изъ нихъ особую синагогу. Панъ Шадурскій хотѣлъ разрушить еврейское кладбище, но до этого не допустили власти. По обыкновенію, народная молва прибавляетъ, что злодѣй-разрушитель цѣлой общины былъ наказанъ Богомъ: лишился дѣтей, сошелъ съ ума, обѣднѣлъ и т. д.

Прошло около 15 лѣтъ. Корсовка, которая въ этотъ промежутокъ стала жалкимъ, почти необитаемымъ селеніемъ, вдругъ сдѣлалась станціей Петербургско - Варшавской желѣзной дороги (1860 г.). Время было благопріятное—первые годы царствованія Александра II,—и евреи стали вновь селиться въ Корсовкѣ. Новые владѣльцы мѣстечка сознали ошибку Шадурскаго, своими руками раззорившаго свою вотчину: они радушно принимали евреевъ и отводили имъ участки для построекъ на чиншевомъ правѣ. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, возродилась изъ своихъ развалинъ еврейская Корсовка. Опять организовалась община, въ 1875 г., появились постоянная синагога и раввинъ. Съ 1882 г. въ силу „майскихъ правилъ“, стали затруднять евреямъ новое поселеніе въ Корсовкѣ, которая была пизведена въ разрядъ деревень; но извѣстнымъ циркуляромъ 1903 года Корсовка была включена въ составъ 101 селенія, гдѣ евреямъ жительство дозволено.

XV. Маріенгаузенъ.—Въ мѣстечкѣ Маріенгаузенѣ, старинномъ гнѣздѣ ливонскихъ рыцарей (замокъ построенъ въ 1293 г.), евреи начали селиться съ утвержденіемъ русскаго владычества, въ концѣ XVIII вѣка. Къ разряду „мѣстечекъ“ Маріенгаузенъ былъ причисленъ въ 1825 г., по ходатайству владѣльца—польскаго хорунжаго де-Липпе-Липскаго. Въ официальномъ актѣ (подписанъ „знаменитымъ“ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ Хованскимъ) это причисленіе объяснено, между прочимъ, тѣмъ, что „Маріенгаузенъ издавна считалось мѣстечкомъ, какъ устроенное отъ рыцарей — Крюжковъ“ (крестоносцевъ). Однако, съ теченіемъ времени объ этомъ актѣ забыли: власти стали колебаться—считать ли Маріенгаузенъ мѣстечкомъ или селомъ, и въ 70-хъ годахъ склонились къ послѣднему мнѣнію. Такимъ образомъ временныя правила 1882 г. закрыли новымъ поселенцамъ-евреямъ доступъ въ „село“. Лишь въ 1892 г., послѣ долгихъ хлопотъ мѣстныхъ жителей, совершилась реставрація Маріенгаузена въ званіи мѣстечка, а въ 1898 г., рѣшеніемъ Сената устранены были послѣднія препятствія къ водворенію евреевъ въ мѣстечкѣ и окрестностяхъ. Ростъ еврейской общины въ Маріенгаузенѣ есть уже явленіе послѣдняго времени. Въ 1903 г. община насчитывала болѣе 100 семействъ, въ количествѣ 540 душъ.

Бенціонъ Донхинъ (Донъ-Яхія),
Раввинъ въ Маріенгаузенѣ.

Евреи въ Россіи въ эпоху европейской реакціи (1815—1848) *).

I.

КОНЕЦЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

Своеобразныя формы приняла общеевропейская реакція въ Россіи. Одинъ изъ триумвировъ Священнаго Союза, увлекавшійся больше консервативными, чѣмъ реакціонными его задачами, императоръ Александръ I едва могъ предвидѣть въ 1815 году, что въ Россіи принципъ „отеческаго управленія“ очень скоро выродится въ грубую аракчеевщину, а идеаль „христіанскаго государства“—въ изувѣрство Фотіевъ. Конецъ Александровскаго царствованія искупилъ либеральныя „грѣхи“ его начала и расчистилъ путь желѣзному абсолютизму слѣдующаго царствованія, который на 30 лѣтъ сковалъ политическую и общественную жизнь Россіи и грознымъ призракомъ средневѣковья стоялъ передъ Западной Европой, вновь пробужденной революціями 1830 и 1848 годовъ. Съ судьбою восточной монархіи была связана судьба наибольшаго еврейскаго центра діаспоры. Вѣнскій Конгрессъ расширилъ предѣлы европейской Россіи, включивъ туда почти всю территорію бывшаго Герцогства Варшавскаго, подъ именемъ Царства Польскаго. Около двухъ милліоновъ евреевъ ²⁾ ютилось на западной полосѣ

¹⁾ Составляя продолженіе очерка „Судьбы евреевъ въ эпоху западной первой эмансипаціи“ (Евр. Стар. с. г., вып. 1—2), настоящій очеркъ имѣетъ ту же цѣль—систематизацію историческаго матеріала, который въ цѣломъ до сихъ поръ прагматически не обработанъ, для продолженія путей будущей исторіографіи.

²⁾ Статистика эпохи далека отъ точности, но все же ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ предыдущую эпоху. Правительственныя „ревизіи“ 1816—19 годовъ обнаружили множество „прописныхъ“ евреевъ, т. е. не внесенныхъ въ ревизскія сказки (въ 1819 г. ихъ оказалось 133.000), и власти приняли рядъ репрессій противъ уклоняющихся отъ регистраціи. Ср. Сборн. закон. о евр. Лева нды, №№ 87, 96, 105, 122. По офіціальнымъ свѣдѣніямъ Іостъ (Neuere Geschichte d. Juden, II, 122) опредѣлилъ въ 1845 г. общее число евреевъ въ Россіи съ Царствомъ Польскимъ въ 1.600.000, но съ оговоркою, что считаетъ дѣйствительную численность населенія гораздо больше.

Россійской имперіи въ періодъ 1815—48 г., и надъ этой огромной самобытной массою производились самые разнообразные опыты, вытекавшіе изъ общаго политическаго курса даннаго момента. Три системы чередовались за это время въ политикѣ по отношенію къ евреямъ: 1) смѣшанная система „сердечнаго попеченія“ и тяжелыхъ репрессій—въ концѣ царствованія Александра I (1815—25); 2) военная система „исправленія“ еврейства путемъ суровой рекрутчины и казарменнаго воспитанія молодежи, начиная съ малолѣтнихъ дѣтей,—система принудительной религіозной ассимиляціи, сопровождаемая небывалымъ усиленіемъ безправія и гнета внутри отгороженной „черты еврейской осѣдлости“ (первая половина царствованія Николая I, 1826—40 г.); 3) „культурная“ система исправленія еврейства посредствомъ насажденія „казенныхъ училищъ“ и упраздненія всего автономнаго строя еврейской жизни, при сохраненіи жестокихъ правовыхъ ограниченій (1840—48 г.). Всѣ эти исправительно-воспитательные опыты, производившіеся надъ цѣлымъ народомъ, въ связи съ воскрешеніемъ ритуальныхъ процессовъ и массовыхъ гоненій средневѣковаго типа, превращаютъ исторію россійскихъ евреевъ данной эпохи въ сплошную трагедію.

Начало эпохи, казалось, не предвѣщало ничего дурного. Императоръ Александръ I возвращался съ Вѣнскаго Конгресса безъ агрессивныхъ плановъ по отношенію къ евреямъ. Онъ помнилъ патріотическія услуги евреевъ во время войны 1812 года, а также свое обѣщаніе въ Брухзалѣ—„улучшить ихъ положеніе“³⁾. Дѣйствительно, скоро начались приготовленія къ какой то реформѣ, выразившіяся на первыхъ порахъ въ измѣненіи канцелярскаго порядка управленія еврейскими дѣлами. Указомъ 18 января 1817 г. предписано было Сенату представлять всѣ дѣла, касающіяся еврейскихъ обществъ (кромѣ судебныхъ), на заключеніе главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, А. Н. Голицыну, сподвижнику царя по части христіанскаго піетизма и мистическихъ увлеченій. Въ октябрѣ того же года было учреждено, подъ начальствомъ Голицына, соединенное „Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“, какъ символъ утвержденія просвѣщенія на основахъ „христіанскаго благочестія“. — и въ учредительномъ актѣ еще опредѣленіе указывалось, что всѣ „дѣла еврейскія, производящіяся въ Сенатѣ и у министровъ“, должны быть препровождаемы къ главѣ новаго министерства⁴⁾

³⁾ Евр. Старина 1912 г. вып. II, стр. 122.

⁴⁾ Леванда, Сборникъ закон. о евреяхъ №№ 83 и 88.

Такимъ образомъ, еврейскій вопросъ былъ официально связанъ съ вѣдомствомъ духовной культуры, которое тогда заняло центральное мѣсто въ управленіи. Въ связи съ этою вѣдомственной переменною была произведена реформа болѣе существенная: правительство признало необходимымъ создать при министерствѣ духовныхъ дѣлъ постоянный совѣщательный органъ изъ выборныхъ представителей или „депутатовъ еврейскихъ обществъ“. Толчокъ къ этому дало то временное и случайное еврейское представительство, которое находилось при главной квартирѣ русской арміи во время заграничнаго похода, въ лицѣ депутатовъ Зонненберга и Диллона ⁵⁾. Когда Александръ I въ Брухзалѣ общался этимъ депутатамъ улучшить положеніе ихъ народа, онъ повелѣлъ имъ явиться по окончаніи похода въ Петербургъ для передачи кагаламъ предначертаній правительства. Депутаты явились въ Петербургъ и вступили въ отправленіе обязанностей ходатаевъ по еврейскимъ дѣламъ (1816—17). Сознывая однако, что они не вправѣ называть себя представителями всѣхъ еврейскихъ общинъ Россіи, депутаты (въ особенности Зонненбергъ) возбудили ходатайство о назначеніи выборовъ во всѣхъ кагалахъ для избранія цѣлой группы уполномоченныхъ. Правительство согласилось. Въ наказѣ новоутвержденному министерству духовныхъ дѣлъ былъ включенъ пунктъ о томъ, что „депутаты еврейскихъ обществъ, по избраніи ихъ, представляются министромъ на высочайшее утвержденіе“. Осенью 1817 года всѣ крупные кагалы получили отъ губернаторовъ предписаніе—приступить къ избранію выборщиковъ, по два отъ каждой губерніи. Избранные отъ 11 губерній 22 выборщика съѣхались въ Вильно для избранія изъ своей среды трехъ депутатовъ и кандидатовъ къ нимъ (августъ 1818). Избранными оказались, кромѣ прежнихъ депутатовъ Зонненберга и Диллона: Михель Айзенштадтъ изъ Шклова, Бенишъ Лапковскій (Барацъ) и Маркусъ Файтельсонъ изъ Витебской губерніи, Самуиль Эпштейнъ изъ Вильна. Для покрытія расходовъ на снаряженіе избранныхъ депутатовъ въ Петербургъ и содержаніе ихъ тамъ, виленскій съѣздъ выпустилъ воззваніе, чтобы во всѣхъ еврейскихъ общинахъ былъ произведенъ „позументный сборъ“, т. е. чтобы сѣзывались и обращались въ деньги серебряные галуны или позументы, украшавшіе воротники „кителей“ (молитвенные саваны подъ ризою—„талесомъ“) у богатыхъ людей; разрѣшалось также взамѣнъ этихъ украшеній жерт-

⁵⁾ Евр. Стар., указ. мѣсто.

зовать ихъ стоимостью деньгами. Прямой денежной сборъ былъ бы очевидно не по силамъ разорившемуся во время войны населенію ⁶⁾.

Вскорѣ возникла особая канцелярія „депутаціи еврейскаго народа“, какъ часто называли эту депутатскую коллегію, во главѣ которой стоялъ энергичный дѣятель Зонненбергъ. Коллегія дѣйствовала въ полномъ или частичномъ составѣ, въ теченіе семи лѣтъ (1818—25), но кругъ ея дѣятельности не соответствовалъ ожиданіямъ еврейскаго общества. Не оправдались надежды депутатовъ на то, что ихъ будутъ привлекать къ совѣщаніямъ по общимъ вопросамъ объ улучшеніи участи евреевъ. Правительство перестало думать тогда о законодательныхъ реформахъ, а позже стало изобрѣтать способы осуществленія тѣхъ репрессивныхъ статей Положенія 1804 года, дѣйствіе которыхъ было приостановлено наканунѣ войны 1812 года. Находившіеся въ Петербургѣ депутаты узнавали въ канцеляріяхъ объ этихъ „предначертаніяхъ“ правительства и секретно оповѣщали о нихъ кагалныхъ дѣятелей въ провинціи, стараясь въ то же время—не всегда успѣшно—о предотвращеніи бѣды путемъ переговоровъ съ сановниками. Съ другой стороны, депутаты передавали министру духовныхъ дѣлъ Голицыну различныя ходатайства кагаловъ и жалобы ихъ на мѣстную администрацію. Силою вещей депутаты превратились въ простыхъ ходатаевъ по еврейскимъ дѣламъ. Въ этой роли нѣкоторые изъ нихъ, особенно Зонненбергъ, были неутомимы: они часто утомляли высшее начальство своими просьбами и представленіями, и Зонненбергъ былъ однажды даже лишенъ званія депутата „за дерзость предъ начальствомъ“. Петербургская бюрократія начала тяготиться этими непрестанными ходатайствами и вмѣшательствомъ въ ея планы. Съ теченіемъ времени опустили руки и у самихъ депутатовъ, убѣдившихся въ своемъ безсиліи бороться противъ поднимающейся реакціонной волны, и часть ихъ совершенно покинула Петербургъ. Съ упадкомъ Голицынскаго министерства духовныхъ дѣлъ, подкопаннаго Аракчеевской партіей, должно было пасть и своеобразное еврейское представительство при немъ. Преемникъ Голицына на посту министра народнаго просвѣщенія, обскурантъ С. А. Шишковъ, сдѣлалъ представленіе царю о необходимости упразднить институтъ еврейскихъ депутатовъ, „ибо многократные случаи до-

⁶⁾ П а н ъ, Депутація еврейскаго народа („Восходъ“ 1905 г., кн. 1—2);
Л и н н и ц к и й — С. Ф и н а, стр. 35; Евр. Ст а р. 1909 г., т. II, 19—27.

казываютъ, что пребываніе ихъ здѣсь не только не нужно и бесполезно, но весьма вредно, почему они подъ предлогомъ ходатайства объ общественныхъ дѣлахъ собираютъ только съ евреевъ понапрасну деньги и преждевременно разглашаютъ постановленія и даже самыя предположенія правительства“. Въ 1825 г. „депутатія еврейскаго народа“ была упразднена ⁷⁾. Погибло прекрасное по идеѣ, но искаженное въ дѣйствительности учрежденіе, которое могло бы служить суррогатомъ еврейскаго общиннаго представительства и смягчить режимъ произвола и тягостной опеки, все болѣе вѣдрявшійся во внутреннюю политику Россіи.

Сообразно съ духомъ новой эпохи, попеченіе правительства о евреяхъ выразилось прежде всего въ попыткѣ спасенія ихъ душъ. Одолѣваемые моднымъ тогда христіанскимъ піетизмомъ, мистически настроенные Александръ I и его министръ духовныхъ дѣлъ Голицынъ задумали быть пособниками „Всевышняго Промысла“ въ дѣлѣ обращенія евреевъ въ христіанство. Эту миссіонерскую задачу пытался осуществить по своему Голицынъ, который въ качествѣ предсѣдателя Россійскаго Библейскаго Общества ревностно подражалъ своему англійскому образцу—миссіонерскому Библейскому Обществу въ Лондонѣ. 25 марта 1817 года былъ опубликованъ царскій указъ объ учрежденіи „Общества израильскихъ христіанъ“ для покровительства крещенымъ или готовящимся къ крещенію евреямъ ⁸⁾. „Извѣстно намъ учинилось—говорится въ этомъ указѣ—тягостное положеніе евреевъ, кои по благодати Господней, убѣдясь въ истинахъ христіанства, воспріяли оное или готовятся присоединиться къ стаду добраго Пастыря и Спасителя душъ. Евреи, отдѣляясь отъ собратій своихъ по плоти христіанскою религіей, лишаютъ себя всякаго съ ними сообщества и не только отчуждаются отъ всякаго права на вспоможеніе отъ нихъ, но и подвергаютъ себя сверхъ того гоненію отъ нихъ и угнетеніямъ всякаго рода. Съ другой стороны между христіанами, яко новыми собратіями по вѣрѣ, коимъ они еще неизвѣстны, не находятъ они вскорѣ готоваго пристанища... Посему Мы, пріемля соучаствованіе въ судьбѣ евреевъ, обращающихся къ христіанству, и подвигнуты будучи благоговѣніемъ ко гласу благодати, призывающему сихъ чадъ Израилевыхъ изъ разсѣянія ихъ во общеніе вѣры Христовой, признали за благо постановить мѣры къ обезпеченію ихъ“. Обез-

⁷⁾ Евр. Старина 1909 г., т. II, 196—205.

⁸⁾ Леванда, Сбор. Зак. № 84.

печеніе новообращеннымъ назначено весьма солидное: каждой группѣ ихъ отводятся даровыя казенныя земли въ южныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, съ правомъ заводить тамъ всякаго рода селенія, мѣстечки и города, съ предоставленіемъ имъ всѣхъ гражданскихъ правъ, широкаго общиннаго самоуправленія и особыхъ льготъ по уплатѣ податей. Всѣ эти группы или колоніи евреевъ, обратившихся въ православіе, католичество или лютеранство, должны войти въ составъ „Общества израильскихъ христіанъ“, состоящее подъ покровительствомъ императора и управляемое особымъ комитетомъ, учрежденнымъ въ Петербургѣ. Этотъ царскій указъ всей торжественностью своего стиля свидѣтельствовалъ, что правительство задалось не скромною цѣлью вспоможенія случайнымъ неофитамъ, а широкимъ планомъ поощренія крещеній и организаціи новообращенныхъ массъ въ особыя привилегированныя общины, имѣющія служить приманкою для косящихся въ старой вѣрѣ евреевъ. Воображенію петербургскихъ законодателей рисовались именно еврейскія массы, идущія „во общеніе вѣры Христовой“, привлеченныя не только небесною, но и земною „благодатью“.

Этимъ миссіонерскимъ настроеніемъ русскихъ правителей воспользовался вскорѣ представитель Лондонскаго Библейскаго Общества, Люисъ Вей (Way). Проникнутый также апокалиптической вѣрою въ грядущее спасеніе Израиля черезъ христіанство, Вей питалъ вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе и къ настоящему, еще не обращенному Израилю, какъ носителю великой божественной миссіи въ исторіи человѣчества, и возмущался гражданскимъ угнетеніемъ евреевъ въ различныхъ странахъ Европы. Когда монархи, заключившіе Священный Союзъ, собрались съ своими министрами и дипломатами на Аахенскомъ Конгрессѣ (осенью 1818 г.), Вей представилъ Александру I „Записку о положеніи евреевъ“ (*Memoire sur l'état des Israélites*), въ которой убѣждалъ русскаго царя эмансипировать евреевъ въ своемъ государствѣ и воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ также на прусскаго и австрійскаго монарховъ. „Во время моего продолжительнаго путешествія по землямъ Польши для собиранія свѣдѣній о положеніи евреевъ,—писалъ Вей,—я убѣдился, что Провидѣніе не напрасно поставило столько десятковъ тысячъ евреевъ подъ опеку трехъ христіанскихъ монарховъ: это совершилось во исполненіе обѣтованій, данныхъ патріархамъ“. Чтобы евреи стали чадами Христа, надо обращаться съ ними какъ съ дѣтьми, какъ съ равными членами гражданского общества. Плѣнный Израиль

долженъ быть освобожденъ матеріально, прежде чѣмъ освободиться духовно. И Вей просить русскаго царя показать въ этомъ направленіи примѣръ, который „повліяетъ на весь міръ“. Записка Вея была передана Александромъ своему министру иностранныхъ дѣлъ Нессельроде для обсужденія на конгрессѣ. 21 ноября 1818 г. въ засѣданіи министровъ-уполномоченныхъ пяти государствъ—Россіи, Австріи, Пруссіи, Англіи и Франціи—обсуждалась записка Вея вмѣстѣ съ его подробнымъ печатнымъ проектомъ общеевропейской „реформы гражданскаго и политическаго законодательства“ о евреяхъ. Совѣщаніе дипломатовъ, менѣе всего интересовавшееся еврейскимъ вопросомъ и не желавшее сдѣлать это „домашнее дѣло“ cadaго правительства предметомъ международнаго трактованія, приняло слѣдующую резолюцію: не входя въ обсужденіе взглядовъ автора проекта, совѣщаніе признаетъ однако справедливость общей его тенденціи, причемъ уполномоченные Австріи и Пруссіи (Меттернихъ и Гарденбергъ) изъявили готовность дать о положеніи еврейскаго вопроса въ обѣихъ монархіяхъ всякія свѣдѣнія, могущія служить къ „выясненію проблемы, долженствующей одинаково занимать и государственнаго челоѣка и друга челоѣчества“⁹⁾. Этою пустою гуманною фразою, ни къ чему не обязывавшею, дипломаты отдѣлались отъ непріятнаго вопроса, вскользь затронутого на конгрессѣ только изъ вниманія къ русскому императору. А затѣмъ правительство каждой изъ трехъ союзныхъ монархій, подѣлившихъ бывшую Польшу, продолжало обращаться со „своими“ евреями такъ, какъ того требовала домашняя реакціонная политика, не прикрытая фальшивою этикеткою гуманности.

Продолжалась домашняя политика и въ Россіи. Царь, благосклонно выслушавшій за границею слова Вея о необходимости гражданской эмансипаціи евреевъ независимо отъ грядущаго спасенія ихъ душъ, оставлялъ у себя дома все по старому, надѣясь на частичное разрѣшеніе еврейскаго вопроса несбыточнымъ путемъ—при помощи Общества израильскихъ христіанъ. Несмотря на то, что въ теченіе трехъ лѣтъ на торжественный призывъ указа 1817 года не откликнулась ни одна группа выкрестовъ—просто потому, что такихъ группъ не было, а были только крайне рѣдкіе единичные случаи крещенія, большею частью притвор-

⁹⁾ *Memoires sur l'état des Israelites, dédiés et présentés à leurs majestés imperiales et royales, réunies au Congrès d'Aix-la Chapelle (Paris 1819), pp. 5, 15—26, 79.*

наго,—правительство отвело въ 1820 г. большой участокъ земли въ Екатеринославской губерніи для будущей колоніи „израильскихъ христіанъ“ и назначило даже для завѣдыванія ею особаго чиновника съ титуломъ „попечителя“. Но вотъ шли годы: ждала поселенцевъ свободная земля, ждалъ опекаемыхъ сидѣвшій безъ дѣла чиновникъ-попечитель, а подходящіе поселенцы не являлись. Въ 1823 г. какая то самозванная группа „израильскихъ христіанъ“ изъ 37 семей въ Одессѣ изъявила желаніе получить свободную землю и всяческія права и льготы, но по наведеніи о нихъ справокъ черезъ канцелярію Новороссійскаго генераль-губернатора оказалось, что кандидаты на казенный пирогъ, хотя и исповѣдуютъ православіе, не обладаютъ свидѣтельствами о крещеніи и даже видами на жительство,—и авантюристамъ было отказано въ ихъ ходатайствѣ. Понявъ, наконецъ, несообразность всей этой миссіонерской затѣи, князь Голицынъ предложилъ Александру I въ 1824 г. упразднить мнѣическое „Общество израильскихъ христіанъ“ съ его петербургскимъ „Комитетомъ опекунства“, въ которомъ числился уже на службѣ рядъ чиновниковъ; но царь не хотѣлъ официально ликвидировать дѣло, столь торжественно возвѣщенное, и общество безъ членовъ съ опекунствомъ безъ опекаемыхъ продолжало числиться въ спискахъ правительственныхъ учрежденій вплоть до 1833 года. Въ этомъ году Николай I короткимъ указомъ уничтожилъ канцелярскій призракъ, именовавшійся „Комитетомъ опекунства израильскихъ христіанъ“ ¹⁰⁾. Въ распоряженіи этого монарха были уже иныя, вовсе не призрачныя, средства обращенія евреевъ въ православіе: солдатская казарма и институтъ кантонистовъ.

Между тѣмъ какъ правительство Александра I мечтало о десяткахъ тысячъ окрещенныхъ евреевъ, передъ нимъ встала грозная картина обратнаго порядка — обращенія десятковъ тысячъ христіанъ въ близкое къ іудейству вѣроученіе. Раскрылось движеніе субботниковъ и іудействующихъ въ Воронежской, Саратовской и Тульской губерніяхъ, гдѣ еврейскихъ поселеній вовсе не было и слѣдовательно не могло быть попытокъ миссіонерства со стороны евреевъ съ цѣлью превращенія православныхъ въ израильтянъ. Новая ересь „жидовствующихъ“ обратила на себя вниманіе правительства въ 1817 г., когда группа крестьянъ

¹⁰⁾ В а р а д и н о в ъ. Исторія Министерства внутр. дѣлъ, III, 1, 555 сл.; Л е в а н д а. №№ 98, 109, 264; Г о л и ц ы н ъ. Истор. законод. о евр., 608; Л е р н е р ъ. Евреи въ Новороссійскомъ Краѣ (Одесса, 1901), 234 сл.

Воронежской губерніи обратилась къ царю съ наивною жалобою на „притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ мѣстныхъ начальствъ, духовнаго и гражданскаго, за исповѣданіе ими Моисеева закона“. По высочайшему повелѣнію, Голицынъ распорядился „строжайше разслѣдовать“ фактъ возникновенія такой „секты“, съ цѣлью пресѣчь ея дальнѣйшее распространеніе и вернуть въ православіе отступниковъ. Отъ воронежскаго архіерея поступило донесеніе такого рода: секта возникла около 1796 года (по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ—въ 1806 г.) „отъ природныхъ жидовъ“ и распространилась въ нѣсколькихъ селеніяхъ Бобровскаго и Павловскаго уѣздовъ; „существо секты, не представляя прямо ветхозавѣтнаго іудейскаго богослуженія, содержится въ нѣкоторыхъ только обрядахъ—въ празднованіи субботы и обрѣзаніи, въ составленіи супружествъ и разводѣ оныхъ по произволу, въ погребеніи умирающихъ и въ собраніяхъ для моленія“; число явныхъ сектантовъ простирается до полуторы тысячъ обоюго пола, а „тайныхъ едва ли не болѣе“; для искорененія секты воронежскій архіерей предложилъ рядъ мѣръ церковнаго и полицейскаго воздѣйствія, между прочимъ—высылку изъ края солдата Антона Рогова, распространителя ереси. Подобныя донесенія поступили вскорѣ въ Синодъ отъ властей тульской, орловской, саратовской и другихъ великорусскихъ епархій. Ересь іудействующихъ ширилась и росла въ селахъ и городахъ, среди крестьянъ и купцовъ. Взятые на „увѣщаніе“ сектанты заявили, что желаютъ вернуться къ Ветхому Завѣту и „содержать вѣру отцовъ своихъ—іудеевъ“. Въ Петербургѣ встревожились и рѣшили принять чрезвычайныя мѣры противъ распространенія раскола. Комитетъ министровъ одобрилъ въ 1823 г. слѣдующій драконовскій проектъ графа Кочубея: начальниковъ или наставниковъ іудействующихъ сектъ отдать въ военную службу, а негодныхъ къ службѣ сослать въ Сибирь; выслать всѣхъ евреевъ изъ уѣздовъ, гдѣ обнаружена „секта субботковъ или іудейская“, всячески затруднять общеніе православныхъ жителей съ сектантами, запретить „всякое наружное оказательство“ секты, т. е. молитвенныя собранія и совершеніе обрядовъ, „не имѣющихъ сходства съ христіанскими“; наконецъ, для возбужденія „презрѣнія“ съ сектантамъ—„именовать субботниковъ Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жида, ибо настоящее ихъ наименованіе Субботниковъ или придерживающихся Моисеева закона не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ

жидовство“. Всѣ эти полицейскія мѣры и еще рядъ предложенныхъ Синодомъ церковныхъ дисциплинарныхъ мѣръ „къ истребленію Жидовской секты“ — были утверждены двумя указами Александра I, въ февралѣ и сентябрѣ 1825 г.¹¹⁾ Примѣненіе этихъ репрессій привело къ трагическимъ послѣдствіямъ уже въ слѣдующее царствованіе: цѣлыя селенія были разорены, тысячи сектантовъ были загнаны въ Сибирь и на Кавказъ; многіе, не выдержавъ гоненій, возвращались въ православіе, но часто лишь притворно, исповѣдуя тайно свою сектантскую вѣру. Непосредственный результатъ этихъ гоненій для евреевъ былъ незначителенъ, ибо крайне ничтожно было число тѣхъ еврейскихъ жителей, которые въ силу указа подлежали изгнанію изъ охваченныхъ расколомъ великорусскихъ губерній, гдѣ еврей могъ оказаться лишь случайно, въ качествѣ заѣзжаго купца или винокура; но косвенно движеніе іудействующихъ вредно отразилось на направленіи еврейскаго вопроса. Въ религіозно настроенныхъ петербургскихъ сферахъ были раздражены тѣмъ, что изъ паствы правовѣрныхъ уходятъ туда, откуда правительство тщетно манило прозелитовъ; что гостепріимно приготовленные колоніи „израильскихъ христіанъ“ пустуютъ, между тѣмъ какъ инныя великорусскія деревни приходится опустошать, загоняя въ Сибирь жителей, тяготящихся къ іудейству. У министра духовныхъ дѣлъ Голицына составилось мнѣніе, что „евреи по своему ученію считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру“¹²⁾, — какъ будто у этой массы безправныхъ и утѣсненныхъ не было другихъ заботъ, кромѣ заботы о спасеніи православныхъ душъ. Такъ создавалось въ Петербургѣ настроеніе, благопріятное репрессіямъ, какое-то нравственное для нихъ оправданіе, — и послѣдніе годы царствованія Александра I ознаменовались усиленіемъ гнета, принимавшаго иногда размѣры массовыхъ гоненій.

На почвѣ религіознаго рвенія выросло законодательное ограниченіе средневѣковаго типа — запрещеніе евреямъ держать въ домашнемъ услуженіи христіанъ. Это запрещеніе, предложенное далекимъ отъ юдофобіи Голицынымъ, официально мотивировалось (въ сенатскомъ указѣ 22 апр. 1820 г.) мнимымъ прозелитизмомъ евреевъ; указывалось на движеніе іудействующихъ въ Воронежской губерніи, на сообщеніе херсонскаго губернатора объ усвоеніи еврейскихъ обычаевъ и обрядовъ христіанками, служащими въ еврейскихъ домахъ, и т. п. Въ силу такихъ же моти-

¹¹⁾ Леванда, №№ 126, 128; Голицынъ, н. с. 625—66.

¹²⁾ Леванда. № 99.

вовъ, подкрѣпленныхъ давнею тенденціей правительства вытѣснить евреевъ изъ деревень, были усилены строгости противъ арендованія евреями помѣщичьихъ имѣній съ крестьянскими „душами“. Указами 1819 и слѣдующихъ годовъ внушалось мѣстному начальству преслѣдовать всякія арендныя сдѣлки, извѣстныя подъ именемъ „крестенцій“ и состоявшія въ томъ, что помѣщикъ сдавалъ еврею въ аренду сборъ урожая даннаго года съ правомъ пользоваться услугами крестьянъ при уборкѣ хлѣба и сѣна и исполненіи всякихъ другихъ сельскохозяйственныхъ работъ. Въ этомъ усматривалось преступное посягательство евреевъ на регалию дворянъ—владѣніе крѣпостными душами, и предписывалось: немедленно отобрать у евреевъ такія сельскія аренды, не взирая на полное разореніе арендаторовъ и предоставляя имъ „развѣдаться особо“ съ помѣщиками въ своихъ расчетахъ¹³⁾.

Въ то же время правительство приступило къ осуществленію своей завѣтной мысли—удаленію евреевъ изъ селъ и деревень, намѣченному еще Положеніемъ 1804 года, но пріостановленному вслѣдствіе выяснившейся жестокости этой мѣры, грозившей разореніемъ десятковъ тысячъ семействъ. Были забыты всѣ разумные доводы Еврейскаго Комитета, убѣждавшаго и убѣдившаго въ 1812 г. правительство въ нецѣлесообразности такого насильственного переселенія народовъ. Снова мѣстныя и центральныя власти были охвачены жаждою боевой политики. Для возобновленія похода противъ сельскаго еврейства прибѣгли къ испытанному со временъ Державина приему. Когда въ 1821 г. несчастную Бѣлоруссію постигъ неурожай, отъ котораго немало пострадали и евреи, мѣстное дворянство снова поспѣшило отклонить отъ себя отвѣтственность за разореніе крестьянства, сваливъ всю вину на евреевъ-арендаторовъ и шинкарей; помѣщики предлагали правительству выселить изъ края всѣхъ евреевъ или, по крайней мѣрѣ, запретить имъ продажу вина въ селеніяхъ, потому что евреи „доводятъ крестьянъ до разоренія“. Въ такомъ же духѣ высказались мѣстныя власти, мнѣнія которыхъ были собраны командированнымъ въ Бѣлоруссію сенаторомъ Барановымъ. Вопросъ обсуждался сначала въ петербургскомъ Комитетѣ для оказанія помощи бѣлорусскимъ губерніямъ, въ которомъ участвовали нѣкоторые министры со всесильнымъ Аракчеевымъ, и репрессивный проектъ дворянства былъ здѣсь одобренъ. За него высказался и Комитетъ министровъ. Результатомъ этого былъ суровый

¹³⁾ Тамъ же, №№ 94, 99, 101, 129.

указъ 11 апрѣля 1823 года на имя бѣлорусскихъ губернаторовъ, которымъ предписывалось: 1) во всѣхъ селеніяхъ Могилевской и Витебской губерній воспретить евреямъ содержать аренды, шинки, кабаки, постоянные дворы, почты, „и даже жить въ нихъ“ (деревняхъ), причемъ всѣ арендные контракты такого рода теряютъ силу съ 1 января 1824 года; 2) въ обѣихъ губерніяхъ переселить евреевъ изъ селеній въ города и мѣстечки къ 1 января 1825 г. Подписывая этотъ указъ, несшій горе и бѣдствія тысячамъ семействъ, Александръ I словесно приказалъ, чтобы Комитетъ министровъ указалъ бѣлорусскому генералъ-губернатору Хованскому „способы промышленія и прокормленія тамошнихъ евреевъ, на мѣстахъ ихъ новаго жительства“. Но никакими „способами“ нельзя было смягчить бѣдствія людей, обреченныхъ на изгнаніе изъ старыхъ гнѣздъ, на разореніе и скитанія. Тотчасъ по полученіи указа власти принялись выдворять сельскихъ евреевъ съ беспощадною жестокостью. Къ январю 1824 года было уже выселено изъ деревень обѣихъ губерній свыше 20 тысячъ евреевъ обоого пола. Въ переполненные города и мѣстечки стекались эти несчастныя толпы изгнанниковъ съ женами и дѣтьми; тамъ бродили они по улицамъ почти въ рубищахъ, помѣщались десятками въ одной комнатѣ, ютились въ синагогахъ, а многіе за недостаткомъ жилищъ подолгу оставались на улицѣ съ семействами въ зимнюю стужу. Между ними стали развиваться болѣзни и усиленная смертность (особенно въ городѣ Невелѣ). Даже враждебный евреямъ генералъ-губернаторъ Хованскій, объѣзжавшій районъ бѣдствія, ужаснулся передъ этой картиной и предложилъ Комитету министровъ пріостановить гибельное выселеніе. Но ударъ уже былъ нанесенъ. Къ началу 1825 г. большинство сельскихъ евреевъ было уже выдворено и пущено по міру... Нужно ли было для блага страны это человѣческое жертвоприношеніе? Отвѣтъ на это дало само правительство, но уже слишкомъ поздно. „Въ Бѣлоруссіи опыты не оправдали предположеній о пользѣ означенной мѣры (выселенія изъ деревень)—говорилось въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1835 г.—Двѣнадцать лѣтъ протекло со времени приведенія оной въ дѣйствіе, но изъ свѣдѣній имѣющихся въ Департаментѣ Законовъ извѣстно токмо, что сіе разорило евреевъ, и отнюдь не видно, чтобы улучшилось отъ того состояніе поселянъ“¹⁴⁾.

¹⁴⁾ Голицынъ, н. с. стр. 686 (изъ архива Комитета министровъ); Къ столѣтію Комитета министровъ (Спб. 1902), I, 183—190; Леванда, № 111; Справка по еврейскому вопросу (изд. канцел. Объединеннаго дворянства, Спб. 1910), ч. I, стр. 3 и 18; ср. Дубновъ, Историч. Сообщенія (Восходъ 1901 г., кн. IV, стр. 37).

Бѣлорусскій разгромъ былъ только началомъ новаго законодательнаго похода противъ евреевъ. Почти одновременно съ указомъ объ изгнаніи изъ деревень Бѣлоруссіи, былъ учрежденъ указомъ 1 мая 1823 года, новый „Комитетъ для устройства евреевъ“, въ составъ котораго вошли министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Комитету была поставлена широкая задача: „разсмотрѣвъ изданныя доселѣ постановленія о евреяхъ, изложить мнѣніе свое, на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе ихъ въ Государствѣ, какія обязанности должны они нести въ отношеніи къ правительству,—словомъ, начертать все, что можетъ принадлежать къ лучшему устройству гражданскаго положенія сего народа“¹⁵⁾. Въ такихъ мягкихъ выраженіяхъ рисовалась гласная задача Комитета; негласная его миссія, обнаружившаяся на дѣлѣ, была точно охарактеризована позднѣйшимъ признаніемъ официальнаго источника: „При самомъ учрежденіи Еврейскаго Комитета въ число его обязанностей было поставлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду мѣры къ уменьшенію евреевъ вообще въ Государствѣ“¹⁶⁾. Къ этому сводилось, очевидно, „гражданское устройство“ евреевъ. Новому Комитету данъ былъ срокъ окончить свою работу къ началу 1824 года, но онъ широко развернулъ свою реакціонную дѣятельность только въ слѣдующее царствованіе.

Между тѣмъ законодательная машина не бездѣйствовала. Продолжался процессъ территоріальнаго сдавливанія еврейскаго населенія. Для охраны западной границы государства отъ контрабанднаго промысла, рѣшено было (по предложенію правителя Царства Польскаго, великаго князя Константина Павловича) согнать евреевъ съ пограничной полосы. Въ 1825 г. послѣдовали два указа объ удаленіи на 50 верстъ отъ границы всѣхъ живущихъ тамъ внѣ городовъ евреевъ, кромѣ лицъ, владѣющихъ недвижимостью. Опять кидали жителей съ насиженныхъ мѣстъ тамъ, гдѣ разумная политика ограничилась бы усиленіемъ пограничной стражи. Вслѣдствіе нежелательнаго „размноженія евреевъ“ въ пограничныхъ губерніяхъ, запрещено было еврейскимъ эмигрантамъ изъ сосѣднихъ государствъ (особенно Австріи) селиться въ Россіи (1824). Бдительно охранялись отъ проникновенія обитателей „черты“ внутреннія губерніи, куда евреи могли пріѣз-

¹⁵⁾ Леванда, № 112.

¹⁶⁾ Признаніе, сдѣланное въ докладѣ Комитета министровъ отъ 1829 г. (Леванда, № 190, стр. 242—43).

жать лишь временно, по губернаторскимъ паспортамъ, подобно иностранцамъ. Во время своего послѣдняго путешествія изъ Петербурга на югъ (сент. 1825), Александръ I въ деревнѣ около Луги замѣтилъ одно еврейское семейство изъ сосѣдней Витебской губерніи, занимавшееся изготовленіемъ жестяной посуды, и спросилъ, „по какому позволенію“ оно здѣсь живетъ. Это такъ встревожило петербургскаго губернатора, что онъ приказалъ еврейское семейство немедленно изъ уѣзда выселить, мѣстному исправнику сдѣлать выговоръ и внушить всѣмъ губернскимъ властямъ, „чтобы правила о евреяхъ были во всей точности исполняемы“¹⁷⁾.

Такъ относилось къ евреямъ правительство. Какъ же относилось къ нимъ тогдашнее русское общество? Совершенно невозможно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ по отношенію къ эпохѣ, когда общественное мнѣніе не могло проявиться даже въ политической литературѣ, еслибы революціонное движеніе декабристовъ не раскрыло передъ нами настроенія наиболѣе прогрессивной части русскаго общества въ области еврейскаго вопроса. Это настроеніе было въ общемъ неблагоприятно. Въ немъ сказывалась крайняя отчужденность, царившая тогда между еврейскимъ и русскимъ обществомъ въ языкѣ, нравахъ и культурѣ,—та отчужденность, которая порождаетъ недовѣріе и враждебность. Русскому человѣку быть замкнутой еврейской массы былъ не болѣе знакомъ, чѣмъ быть китайцевъ. Образованнаго русскаго пугали эта замкнутость патріархальной жизни, опутывающая ее сѣть непонятныхъ религіозныхъ обрядовъ, ригоризмъ раввиновъ, экстазъ цадиковъ, странная возбужденность хасидскихъ массъ. Онъ искалъ объясненій въ книгахъ и находилъ ихъ въ тогдашней памфлетной литературѣ Германіи или Польши: фанатизмъ „избраннаго народа“, „государство въ государствѣ“ и т. п. Эти ходячія понятія эпохи реакціи отразились во взглядахъ декабристовъ на еврейскій вопросъ. Въ „Русской Правдѣ“ Пестеля, въ главѣ: „О племенахъ, Россію населяющихъ“, еврейскій вопросъ представленъ въ видѣ почти неразрѣшимой политической проблемы. Перечисляются тѣ свойства евреевъ, которыя дѣлаютъ ихъ, по мнѣнію автора, совершенно непригоднымъ элементомъ гражданскаго общества. Евреи „неимоვნю тѣсную связь между собою сохраняютъ“; они имѣютъ „собствен-

¹⁷⁾ Тамъ-же, №№ 118, 124, 127, 131; Евр. Старина 1911 г. стр. 586.

ную свою вѣру, которая ихъ увѣряетъ, что они предопредѣлены всѣ народы покорить“, и „дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе ихъ съ какимъ бы то ни было другимъ народомъ“; раввины (Пестель, очевидно, подразумѣвалъ падиговъ, которыхъ наблюдалъ въ своей подольской резиденціи Тульчикъ и вообще въ районѣ расположенія „южной арміи“) имѣютъ неограниченную власть надъ массою; они держатъ народъ въ духовной кабалѣ, „запрещая ему чтеніе какихъ бы то ни было книгъ, кромѣ Талмуда“ и религіозной письменности; евреи „ожидаютъ прибытія Мессіи, который долженъ ихъ волворить въ ихъ царство“, и поэтому „считаютъ себя временными обывателями края, гдѣ находятся“; отсюда — ихъ пристрастіе къ торговлѣ и пренебреженіе къ земледѣлію и ремесламъ, а такъ какъ одна торговля не можетъ прокармливать большія еврейскія массы, то въ ней допускаются обманы и хитрости, вредные для христіанъ. Не замѣчая тяжелаго безправія евреевъ, Пестель считаетъ ихъ даже привилегированной частью населенія: они не даютъ рекрутъ, имѣютъ свой раввинскій судъ и „право воспитывать дѣтей въ какихъ правилахъ хотятъ“, между тѣмъ какъ они „сверхъ того всѣми тѣми же правами пользуются, какъ и прочіе народы христіанскіе“ (!). Такъ писалъ русскій политическій дѣятель, не знавшій или не хотѣвшій знать о существованіи желѣзныхъ тисковъ „черты осѣдлости“, о совершавшихся въ тѣ годы жестокихъ выселеніяхъ евреевъ изъ деревень, вообще обо всей сѣти исключительныхъ законовъ, ставившихъ еврея на самую низшую ступень русскаго безправія.

Нарисовавъ такую картину еврейскаго быта, Пестель предлагаетъ будущему революціонному правительству („Верховное временное правленіе“) два способа рѣшенія еврейскаго вопроса. Первый состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить „вредное для христіанъ вліяніе тѣсной связи евреевъ между собою“, отдѣляющей ихъ отъ прочихъ гражданъ; для этого нужно созвать „ученѣйшихъ раввиновъ и умнѣйшихъ евреевъ (очевидно, Пестель слышалъ о Наполеоновскомъ Синедріонѣ), выслушать ихъ представленія“ и потомъ принять мѣры для искорененія еврейской обособленности, ибо „если Россія не выгоняетъ евреевъ, то тѣмъ болѣе не должны они ставить себя въ непріязненное отношеніе къ христіанамъ“. Второй способъ заключается въ почетномъ изгнаніи евреевъ, а именно — „въ содѣйствіи евреямъ къ учрежденію особеннаго, отдѣльнаго государства въ какой либо части Малой Азіи“. Для этого Пестель предлагаетъ: „назначить сборный пунктъ еврейскаго народа и дать нѣсколько войскъ имъ въ подкрѣпленіе.

Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить, и, пройдя всю Европейскую Турцію, перейти въ Азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя земли, устроить особенное еврейское государство". Пестель склонялся больше къ этому способу рѣшенія еврейскаго вопроса ¹⁸⁾, но сознавая, что это „исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ", онъ не ставилъ его въ „особенную обязанность Верховному правленію" ¹⁹⁾. Такимъ образомъ, еслибы осуществился первый планъ Пестеля (о второмъ, фантастическомъ, нечего говорить), евреи въ Россіи получили бы отъ Временнаго верховнаго правленія не гражданское равноправіе, а суровый регламентъ австрійскаго или старопрусскаго образца, съ цѣлымъ рядомъ „исправительныхъ мѣръ", направленныхъ къ принудительной ассимиляціи или обрусенію, къ разгрому всей культурной автономіи еврейства вплоть до элементарнаго „права воспитывать дѣтей въ какихъ правилахъ хотятъ", и наконецъ къ экономическому „обузданію"—можетъ быть, въ духъ того правительства, противъ котораго декабристы боролись... Взгляды Пестеля на еврейскій вопросъ раздѣлялись многими изъ декабристовъ, но не всѣми. Въ проектѣ конституціи вождя „Сѣвернаго Общества", Никиты Муравьева, первоначально намѣчалось предоставленіе евреямъ политическихъ правъ только въ чертѣ ихъ осѣдлости, но во второй редакціи проекта эта оговорка была устранена, и установленъ былъ принципъ полного равноправія ²⁰⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Дубновъ.

¹⁸⁾ Предполагаютъ, что тутъ сказалось вліяніе декабриста Григорія Переца (крещенаго сына петербургскаго откупщика Абрама Переца; (см. Евр. Стар. 1912 г., стр. 142). Перець много говорилъ о необходимости учредить общество для освобожденія разсѣянныхъ евреевъ и поселенія ихъ въ Крыму или на Востокъ „въ видѣ отдѣльнаго народа".

¹⁹⁾ Пестель, Русская Правда (изд. Щеголева, Спб. 1906), стр. 50—52.

²⁰⁾ Семевскій. Политическія и общественныя идеи Декабристовъ (Спб. 1910), стр. 517—523.

Разсказъ стараго солдата ¹⁾).

Г л а в а I.

Мечта матери.—Меламедъ Рувимъ Козакъ.—Обстановка хедера.—„Ребединъ“ Хава.—Костюмъ и обличье хедерника.—Вводъ въ хедеръ.—Плата за ученіе.—Провизія школьникова.—Роковая пятница, 11-я годовщина моего рожденія.—Я пойманъ „ловцами“.—Суббота въ лѣсной трущобѣ.—Мой товарищъ по несчастью.—Благочестивые душегубы.—Увозъ въ городъ и сдача въ воинское присутствіе.

Помню себя съ 5-лѣтняго возраста. Первое воспоминаніе связано съ слѣдующимъ событіемъ. Мать моя надѣла на меня новый ситцевый нагрудникъ—„арбеканфосъ“ и, подаривъ мнѣ пять грошей денегъ, сказала: „Иди съ этими деньгами въ бейсгамедрашъ и кинь въ кружку, а если по дорогѣ встрѣтятся нищіе, раздай“. При этомъ она нѣжно обвила руками мою голову, крѣпко прижала къ своей груди и съ тяжелымъ вздохомъ прибавила: „да благословить тебя Всевышній, чтобы ты вышелъ такимъ же цадикомъ, какимъ былъ мой отецъ, да будетъ ему тамъ свѣтлый рай!“ Мать меня любила больше всѣхъ дѣтей, не потому что я былъ младшій въ семьѣ, а потому что я носилъ имя ея отца, который былъ раввиномъ въ нашемъ мѣстечкѣ. Она все мечтала, что и я буду раввиномъ.

Когда мнѣ наступилъ шестой годъ, родители стали думать, къ какому меламеду отдать меня въ хедеръ. Изъ меламедовъ для начинающихъ въ нашемъ мѣстечкѣ наиболѣе славился Рувимъ, носившій кличку деръ Козакъ. Сейчасъ объясню, почему меламеду дали такую храбрую кличку.

¹⁾ Авторъ этихъ записокъ—семидесятилѣтній фельдшеръ изъ бывшихъ кантонистовъ. Родился въ мѣстечкѣ Волковышки (нынѣ уѣздный городъ Сувалской губерніи), взятъ въ кантонисты въ 1854 г., за два года до упраздненія института кантонистовъ, и прослужилъ 25 лѣтъ въ старому рекрутскому уставу. Мы охотно отводимъ мѣсто въ этой Старинѣ“ этому безхитроственному разсказу, раскрывающему черты тогдашняго быта, стараясь по возможности сохранить чуждый стиль автора, писавшаго на русскомъ языкѣ.—Ред.

Рувимъ слылъ въ городкѣ всевѣдущимъ. Онъ имѣлъ свѣдѣнія по коммерческой и врачебной части, умѣлъ заговаривать отъ дурного глаза, любилъ говорить обо всемъ, что на свѣтѣ дѣлается, и въ особенности о политикѣ. Если двѣ державы начинаютъ воевать, Рувимъ напередъ угадываетъ, какая держава побѣдитъ. По субботамъ въ сумерки, между молитвами „минха“ и „мааривъ“, вокругъ него собирался кружокъ обывателей, жаждавшихъ знать, что творится на свѣтѣ. Больше не отъ кого было знать, потому что въ то время въ нашемъ мѣстечкѣ газетъ не было, а получали только помѣщики и администраторы; да если бы и нашелся какой нибудь богатый и выписалъ бы газету, то некому было бы читать, ибо среди евреевъ не было ни одного, который умѣлъ бы читать на иноплеменномъ языкѣ. Откуда Рувимъ Козакъ зналъ всѣ новости—это составляло его тайну. Рассказывалъ онъ скороговоркой, учащенно размахивая руками, точно ударяя палочками по барабану. Если изъ слушателей кто либо выражалъ сомнѣніе въ вѣрности его рассказа, онъ приходилъ въ ярость и готовъ былъ наброситься на того съ кулаками, если бы не боялся въ субботній день порвать что либо въ одеждѣ врага. Однажды Рувима спросили, скоро ли Мошіахъ придетъ? И онъ сказалъ: „Прійдетъ время, когда Эдоймъ будетъ воевать съ Ишмоэлемъ (христіанскія государства съ Турціей), и Эдоймъ побѣдитъ; тогда Эдоймъ скажетъ евреямъ: „а ну-ка, еврейчики, соберитесь изъ всѣхъ странъ и возьмите силой! Теперь самое время: Ишмоэль ослабѣлъ, и вы можете отбить свою Палестину однимъ приступомъ“. Ахъ, воскликнулъ Рувимъ, если бы я дожилъ до этого времени, я бы первый кинулся на приступъ храбро, какъ к а з а к ъ!... Слушатели, посмотрѣвъ на тщедушную фигуру меламеда, расхохотались, и съ тѣхъ поръ его иначе не звали, какъ „Рувимъ деръ Козакъ“.

Лучше Рувима Козака никто не могъ подготовить малышей для поступленія въ хедеръ высшаго разряда. Малыши его боялись, такъ какъ шли слухи, что Рувимъ Козакъ за пейсы и за уши больно деретъ и „циплинкой“ (родъ нагаечки съ нѣсколькими узенькими ремешками) сѣчетъ. Эти слухи были отчасти вѣрны, но за то учениковъ, прошедшихъ курсъ у Рувима, всѣ мелаеды высшаго курса принимали безъ экзамена. Мой отецъ былъ мелаедь-талмудистъ и никогда не экзаменовалъ ученика Рувима, а прямо сажалъ на скамейку перваго разряда.

Хедеръ Рувима считался въ мѣстечкѣ образцовымъ, какъ въ

религіозно-нравственномъ отношеніи, такъ и по „гигіенической“ части. Хата у Рувима была собственная, доставшаяся отъ дѣда; она состояла изъ одной комнаты въ 9 аршинъ длины и 8 аршинъ ширины; къ ней примыкали досчатые сѣнцы. Главнымъ украшеніемъ хедера служила висѣвшая на восточной стѣнѣ большая картина (מור), на которой были изображены семисвѣчникъ (מנורה) съ фигурами звѣрей, пара скрижалей съ Моисеевыми заповѣдями и короною на верху, двѣ распростертыя для благословенія руки кагановъ и т. п. Эту картину нарисовалъ самъ Рувимъ, и весь городокъ бѣгалъ смотрѣть на это удивительное художество. На правой сторонѣ хедера, въ углу, стояла за занавѣсами кровать, застланная ситцевымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ лоскутьевъ разнаго цвѣта. Въ головахъ на одѣялѣ лежалъ цѣлый бугоръ пуховыхъ подушекъ. Наволочки и одѣяло стирались только разъ въ годъ — къ Пасхѣ. Въ серединѣ класса стоялъ длинный учебный столъ, а вдоль него съ обѣихъ сторонъ — скамейки. У восточнаго конца стола стояло дубовое кресло, на которомъ во время учебныхъ занятій сидѣлъ самъ ребе. На простѣнкѣ между двумя окнами висѣла „ципинка“, предназначенная для шалуновъ. Если кто зашумитъ, ребе указательнымъ пальцемъ покажетъ на ципинку — и шалунъ остается тихъ и недвижимъ.

Во всемъ прочемъ наблюденіе за порядкомъ въ домѣ лежало на обязанности Рувимовой жены, Хавы. Это была женщина набожная, тихая, добрая. Ко всѣмъ ученикамъ она относилась одинаково, не отличая мальчика богатыхъ родителей передъ бѣднымъ. Всѣхъ насъ она называла ласкательно: Береле, Шлеймеле, Янкеле, Ицеле, Шмулиньке и т. д. Хава строго наблюдала, чтобы никто не кушалъ, не умывъ рукъ; для этого у нея около двери была наглухо прибита маленькая полочка, на которой стояла мѣдная кружка съ водой и тутъ же висѣлъ „рушникъ“, который она мѣняла три раза въ году, передъ большими праздниками. Бывало, начнетъ Хава шалуна ласковыми словами увѣщевать — и доведетъ его до слезъ: мальчикъ искренно кается и говоритъ: „ребецъ, больше не буду“. Бывало, если ребе разсердится на кого и захочетъ выпоротъ, Хава схватитъ „осужденнаго“, заслонитъ его собой и держитъ его до тѣхъ поръ, пока у ребе отойдетъ сердце, — и такъ она часто многихъ избавляла отъ наказанія. За это ее по всему мѣстечку любили и къ годовымъ праздникамъ подарки черезъ учениковъ присылали. Мануфактуристы, бывало, присылаютъ отъ остатковъ проданнаго то-

вара—кто на юбку, кто на кофту; бакалейщики шлютъ муки на „хале“, мясники — кишки, печенки, требухи; словомъ, наша добрая Хава въ годовые праздники всѣмъ обезпечена — одѣта, обута и сыта, да и еще къ праздничному столу приглашаетъ ешиботника, котораго до-сыта накормить.

Итакъ, на шестомъ году моей жизни родители мои рѣшили отдать меня въ хедеръ Рувима. Такъ какъ первый разъ вести въ хедеръ неловко въ старой засаленной капоткѣ, позвали портного и заказали новую. Когда портной снималъ мѣрку, мать просила, чтобы онъ сшилъ подлиннѣе и пошире, на будущій мой ростъ; кромѣ того евреи въ то время не носили короткой одежды, и если кто осмѣливался сшить вершка на два, на три выше пятокъ, то его дразнили „нѣмцемъ“ („дайчль“). Въ назначенный день портной принесъ мнѣ этотъ костюмъ, а мать похвалила работу, что сшито длинно, до пятокъ. Я, какъ теперь помню, былъ похожъ на чучело въ огородѣ. Мать подпоясала меня широкимъ темносинимъ поясомъ, напялила мнѣ на голову новую ермолочку, надвинувъ на затылокъ, нахлобучила сверхъ ермолки пестрый картузикъ такъ низко, что края околышка оттопыривали уши. Мои длинные пейсы мать немножко смазала гусинымъ жиромъ для того, чтобы волосъ къ волосу лежалъ; нижніе концы пейсъ мать большимъ и указательнымъ пальцами повернула къ щекамъ, такъ что пейсы были похожи на опрокинутый вопросительный знакъ (?). Кончивъ нарядъ, мать отступила на шагъ назадъ и стала любоваться на мою красоту; но тутъ какъ на грѣхъ зачѣмъ-то зашла сосѣдка, и мать поспѣшно заслонила меня, чтобы та меня не сглазила. Догадливая сосѣдка, замѣтивъ это, сказала: „Мере, я вамъ совѣтую привязать ему на ручки красныя ленточки, тогда онъ никакого глаза не побоятся“. Мать такъ и сдѣлала.

До послѣдней минуты я не зналъ, что меня поведутъ къ грозному меламену Рувиму Козаку, а какъ сказали—я горько заплакалъ. Слезы ручьемъ текли изъ глазъ, я сталъ вытирать ихъ кулаками, рукавами зацѣпляя пейсы. Мать, отнимая кулаки отъ глазъ, стала ласково уговаривать, утѣшать, а я всхлиывая говорилъ: боюсь Козака—онъ за уши деретъ, циплинкой поретъ... „Не бойся, глупенькій,—сказалъ отецъ, — онъ сѣчетъ только непослушныхъ, шалуновъ, а ты у насъ смирный, онъ тебя пороть не будетъ и за уши драть не станетъ. А ты знай, сыночекъ, что его хедеръ святой! По понедѣльникамъ и четвергамъ ангелы прилетаютъ и хорошимъ мальчикамъ золотые пря-

ники кидаютъ, а такъ какъ сегодня четвергъ, ты ихъ получишь“... „Пойдемъ, сыночекъ, поскорѣй, а то улетятъ“—сказала мать. Услыхавъ про ангеловъ и золотые пряники, я ободрился и пересталъ хныкать. Мать фартукомъ вытерла мнѣ лицо, подправила пейсы, и мы пошли. Выходя, родители поцѣловали „мезузу“ и меня приподняли, чтобы я послѣдовалъ ихъ примѣру. Дорогой я шелъ по срединѣ между отцомъ и матерью, которые нѣжно держали меня за руки: я шелъ быстро, желая скорѣе увидѣть ангеловъ съ золотыми пряниками. Зайдя въ хедеръ, родители поздоровались съ Рувимомъ и Хавой, а я какъ-то смущенно спустилъ голову и смотрѣлъ въ полъ. Рувимъ, подойдя ко мнѣ, подсунулъ мнѣ пальцы подъ подбородокъ, тихо приподнялъ голову и сказалъ: „Не смущайся, Хаимка. *למנו יש דבר טוב*... Ты, я вижу, хорошій мальчикъ“. Тѣмъ временемъ Хава, осмотрѣвъ мой нарядъ, замѣтила: „Ахъ, какъ на немъ капоткеле сидитъ, точно вылито! И какъ это вы сумѣли подобрать къ его свѣтлому личику такой красивый картузикъ! Ахъ, чтобъ не сглазить!“ Хава повернула голову въ сторону и три раза плюнула; не довольствуясь этимъ, она поцѣловала меня въ губы и тоже три раза плюнула; отойдя, она вполголоса сказала: да хранить тебя добрый ангелъ!

Рувимъ, посадивъ меня на скамейку возлѣ учебнаго стола и положивъ предо мною большой букварь, сталъ съ отцомъ договариваться на счетъ платы за ученіе. Мать съ Хавой сѣли въ уголъ и разговаривали объ удачно спеченной хале, фаршированныхъ рыбахъ и вкусныхъ цимесахъ. „Знаете, ребъ Іосифъ, что я вамъ скажу,—говорилъ Рувимъ моему отцу,—вѣдь мы съ вами коллеги, и я съ васъ возьму дешевле противъ другихъ. У всѣхъ беру 20 злотыхъ за „зманъ“ (полугодіе), а съ васъ 15 злотыхъ“ (польскій злотъ въ то время былъ 15 копѣекъ на русскія деньги)... Отецъ не сталъ торговаться и согласился, а я во время договора сидѣлъ, покачивая ногами, и все ждалъ ангеловъ съ пряниками.

Ребе сѣлъ въ свое кресло, взялъ указку, и ткнувъ въ первую букву, сказалъ: „Начинай!... скажи алефъ“... Я, къ его удивленію, началъ звонко отчеканивать букву за буквой, а мать съ отцомъ стояли у меня за спиной. Лишь только успѣлъ выговорить послѣднюю букву „тофъ“, какъ вдругъ большой пряникъ свалился прямо на букварь. Увидя это, я слегка вздрогнулъ: „Ребе, позвольте мнѣ еще разъ прочесть“; на эту просьбу всѣ засмѣялись. Я другую строчку весело отчеканилъ, и опять свалился пряникъ въ видѣ пѣтуха; я быстро поднялъ голову, чтобы увидѣть, какъ ангелъ бро-

саетъ пряники, но къ сожалѣнію ничего не увидѣлъ. Кончивъ урокъ, Рувимъ замѣтилъ родителямъ, что вѣроятно я былъ уже ими подготовленъ. „Да, ребъ Рувимъ, это я подготовила его“—сказала мать. „Я предвижу, сказалъ меламедъ, что изъ вашего мальчика выйдетъ великій раввинъ; это доказываетъ широкій лобъ его“.— „Дай Богъ изъ вашихъ устъ, да прямо Богу въ уши“—отвѣтила растроганная мать.

Мать съ Хавой сдѣлали складчину, принесли на 10 грошей водки, кусокъ торту, селедку съ пеклеваннымъ хлѣбомъ—и пошелъ пиръ на весь міръ. Сдѣлали „лехаимъ“, пожелали другъ другу успѣха, чтобъ обоимъ меламедамъ Богъ послалъ учениковъ богатыхъ родителей, хорошихъ плательщиковъ, и всѣ воскликнули: „омейнъ“ (аминь)!

Съ этого дня отецъ съ Рувимомъ сдѣлались большими друзьями. Хотя у нихъ была одна профессія, они конкурировать другъ съ другомъ не могли, потому что отецъ мой былъ меламедъ-талмудистъ, а Рувимъ—меламедъ „подготовительный“. Такъ же мать моя съ Хавой искренно подружились; горе и бѣдность дѣлили пополамъ. Мать моя была мастерица чулки штопать, а у Хавы была дойная коза, и вотъ онѣ безобидно мѣнялись этими товарами. Хава, благодаря дружбѣ съ матерью, любила меня какъ родного сына. Бывало, какъ замѣтитъ, что я ничего съѣстного не принесъ въ хедеръ, она отдѣлитъ отъ своего скуднаго завтрака и насильно заставитъ меня кушать. Рувимъ также ласково обращался со мной. И такъ я къ Рувиму ходилъ два „зманимъ“, т. е. годъ, и успѣшно кончилъ курсъ начальнаго хедера. Отецъ мой, по бѣдности своей, не могъ меня отдать къ меламеду высшаго курса, и помѣстилъ меня въ своемъ хедерѣ. У отца я неохотно учился, потому что по буднямъ я постоянно ѣлъ впроголодь и только по субботамъ ѣлъ досыта. Бывало въ будни всѣ ученики, приходя въ хедеръ, приносятъ—кто ломтики хлѣба съ гусинымъ саломъ, или коровьимъ масломъ, кто творогу съ ситникомъ, бутылочку съ молокомъ, кусокъ селедки, складывая все это на особую полочку въ углу у двери. Я бывало смотрю на эту роскошь и слюнки глотаю. Кончаютъ уроки, выносятъ въ сѣнцы каждый свою провизію и начинаютъ справлять трапезу, а я поспѣшно ухожу и прячусь на чердакъ; сижу въ темномъ углу и роюсь на отца: зачѣмъ онъ сдѣлался меламедомъ,—лучше былъ бы онъ торговцемъ или ремесленникомъ, тогда и я могъ бы участвовать въ общей товарищеской трапезѣ... Было это въ тѣ годы, когда въ краѣ по случаю неурожая все вздорожало. Но позже

положеніе стало лучше. Съѣстные припасы стали дешевѣть. Родители учениковъ стали аккуратно платить отцу за ученіе. Не приходилось мнѣ уже завидовать товарищамъ, приносящимъ въ хедеръ провизію, а если вздумаютъ справлять трапезу, моя мать выносить порцію и на мою долю. Учиться я сталъ успѣшнѣе, хотя отецъ за мной меньше смотрѣлъ, чѣмъ за другими учениками. Такъ шли мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, пока мнѣ минуло 11 лѣтъ.

11-я годовщина моего рожденія какъ разъ выпала въ пятницу. Отецъ съ матерью рѣшили въ субботу въ бейсъ-гамедрашѣ „купить“ для меня „мафтирь“ (право публичнаго чтенія главы изъ пророковъ). Отецъ предварительно проэкзаменовалъ меня и смѣло надѣялся, что я родителей не осрамлю. Мать спекла большой тортъ и медовый пряникъ—„лекахъ“. Я съ отцомъ пошли въ баню. Придя изъ бани, отецъ послалъ за водкой и далъ мнѣ денегъ двадцать грошей больше противъ другихъ субботъ, потому что думали пригласить друзей на „кибудъ“, какъ на примѣръ Рувима съ Хавой и еще кой кого. Я радостно побѣждалъ. Дорогой думаю: ахъ, какая у насъ будетъ веселая суббота! будетъ весело смотрѣть, какъ отецъ съ Рувимомъ сидятъ рядомъ и дѣлаютъ „лехаимъ“, какъ моя милая мама будетъ сидѣть рядомъ съ доброй Хавой; отецъ нальетъ и мнѣ маленькую рюмочку, а мама мнѣ дастъ большущій кусокъ торта—„лекахъ“; я сотворю установленную молитву, немножко отопью и всѣмъ крикну „лехаимъ!“, потомъ буду тортъ мочать въ водку, а какъ все вымочу, мнѣ станетъ весело на душѣ, и я запою *לחיים*... ахъ какъ весело будетъ! Это я все думалъ дорогой, и сердце радовалось.

Лишь только я повернулъ на Варшавскую улицу, я увидѣлъ тамъ большую фуру съ „будой“, запряженную парой лошадей. Въ фурѣ сидѣли два еврея среднихъ лѣтъ, а на козлахъ сидѣлъ молодой литовецъ. Одинъ еврей подозвалъ меня и спросилъ, гдѣ такой то шинкаръ живетъ?—Вонъ на самомъ концѣ этой улицы,—отвѣчаю,—я иду туда за водкой.—„Садись съ нами, полѣзай, мы тебя подвеземъ“. Лишь только я усѣлся, они кучеру по литовски что-то сказали, тотъ ударилъ по лошадамъ, и лошади понесли вихремъ. Поровнявшись съ шинкомъ, я сказалъ, чтобы они велѣли кучеру остановиться, но не тутъ то было; кучеръ завезъ въ чащу лѣса. Солнце клонилось уже къ закату, стало смеркаться. Кучеръ остановился, евреи вылѣзли и стали совершать молитву „минхе“. Я тутъ и догадался, что это х а п е р ы—ловцы рекрутовъ. Я сталъ кричать, плакать. Хотѣлъ было бѣжать, но кучеръ меня

крѣпко держалъ, пока набожники окончили молитву; затѣмъ они снова сѣли и меня насильно усадили. Кучеръ ѣздилъ извилистыми дорогами и завезъ въ какую-то хату. Тамъ уже горѣли на столѣ субботнія свѣчи. Въ одномъ углу, на полу, согнувшись сидѣлъ мальчикъ и громко рыдалъ. Его уговаривали, чтобъ онъ шелъ къ столу Богу помолиться, субботу встрѣчать, а онъ не хотѣлъ. Я сначала думалъ, что это ихъ мальчикъ капризничаетъ, какъ бываютъ у богатыхъ избалованныя дѣти; но послѣ я понялъ, что это — несчастный птенецъ, пойманный ястребомъ. Меня посадили за столъ, положили „сидуръ“, чтобы я читалъ „Леху неранно“; мнѣ тоже плакать хотѣлось, но я вспомнилъ, что отецъ говорилъ, что въ субботу плакать грѣхъ. Я началъ читать по домашнему, отчетливо, съ обычнымъ субботнимъ напѣвомъ, а какъ дошелъ до „Лехо дойди“ — возвысилъ голосъ и хотѣлъ на манеръ кантора пустить трель, но къ сожалѣнію мой короткій голосъ не дозволилъ мнѣ это сдѣлать. Содержатели этой трущобы похвалили меня говоря: а'weiler Iüngel! Сама трущобница даже поцѣловала меня, а я про себя думаю: а чтобъ васъ ангелъ смерти цѣловалъ! Хаперы, маршируя взадъ и впередъ, читали нараспѣвъ субботнія молитвы и всюнощную „мааривъ“, становились къ восточной стѣнѣ, раскачиваясь направо и налево, какъ заправскіе хасиды.

Кончивъ молитву, сѣли за столъ два хапера съ содержателями трущобы и хотѣли посадить плакавшаго мальчика. Одинъ изъ хаперовъ, подойдя къ нему, хотѣлъ его взять на руки и посадить за столъ, но тотъ заупрямился и съ крикомъ вцѣпился ему въ бороду, какъ ракъ. „Брось его, этого шейгеца, азъ съ нимъ не понимаю! — сказали остальные хаперы; надо позвать, Мачека (кучера), пусть поведетъ его въ лѣсъ, чтобъ его волки съѣли“. И такъ онъ, бѣдняжка, остался не ѣвши. Онъ все порывался бѣжать отъ этихъ коршуновъ и ястребовъ, но его зорко караулили. Я же, какъ строго-религіозно воспитанный, подчинялся всѣмъ субботнимъ обрядамъ и порядкамъ. Столъ былъ накрытъ богато. По срединѣ стола, около горящихъ субботнихъ свѣчей, стоялъ большой пузатый графинъ, наполненный водкой; кругомъ, по количеству сидящихъ, рюмки. Возлѣ cadaго ѣдока лежали по одной пухлой булкѣ („хале“), а передъ хозяиномъ — двѣ булки, покрытыя бѣлоснѣжной салфеткой. Хозяинъ, наливъ бокалъ, стоя сдѣлалъ „кидушъ“ и выпилъ; всѣ послѣдовали его примѣру; мнѣ также поставили маленькую рюмочку, и я, звонко отчеканивъ „кидушъ“, залпомъ опорожнилъ ее. Сдѣлали омываніе рукъ и принялись рѣзать булки на „амойца“. Тѣмъ временемъ, хозяйка подала каж-

дому на плоской тарелкѣ по большой порціи фаршированной рыбы. Поѣвъ рыбу, опять прополоскали ротъ водкою, но я отказался пить, потому что отъ одной рюмки у меня уже зашумѣло въ головѣ. Подали горячую лапшу, потомъ по куску жареной гусятинѣ, а въ заключеніе сливочный компотъ; словомъ, такой трапезы, я у своихъ родителей никогда не видалъ. Кончивъ ужинъ, хозяинъ предложилъ заняться пѣніемъ „змиросъ“, но почтенные хаперы отказались, потому что они были утомлены отъ поѣздки и трудовъ по ловлѣ; но отъ „беншенъ“ отказаться было нельзя, и хозяинъ предложилъ честь одному хаперу-когану, чтобы онъ началъ благословлять Бога за пищу. Коганъ плеснулъ водой концы пальцевъ и произнесъ: „Почтенные! будемъ благословлять“!. И всѣ единогласно отвѣтили тѣмъ же возгласомъ, потомъ поспѣшно забормотали, потому что всѣмъ хотѣлось спать.

Послѣ ужина, насъ, двухъ пойманныхъ арестантиковъ, помѣстили въ одну комнатку съ однимъ окномъ, а дверь снаружи заперли на задвижку. Въ комнаткѣ было темно. Мальчикъ не переставалъ плакать.

— Глупенькій, перестань плакать! — сказалъ я ему, — вѣдь суббота зашла, а въ субботу плакать — грѣхъ.

— „Да тебѣ суббота — хныкая, сердито сказалъ онъ, — ты тамъ съ этими разбойниками нажрался, какъ свинья, вотъ тебѣ и не плачется, а я“..

— А кто же тебѣ не велѣлъ кушать? Вѣдь тебя хотѣли взять къ столу, а ты упрямился, да еще залѣзъ старому человеку въ бороду!

— „Ахъ, братикъ, я вижу, что ты глупъ какъ пробка и должно быть — сынъ меламеда. Ты знаешь, для чего насъ поймали и куда насъ погонять? Вѣдь насъ погонять далеко, далеко въглубь Россіи. а тамъ насъ раздадутъ кацапамъ, которые будутъ заставлять насъ свинину ѣсть и принуждать креститься... легко ли это подумать“?

— Да это, положимъ, правда; но развѣ поможемъ своими слезами? И кого испугаешь тѣмъ, что ты не будешь ѣсть? Эхъ, братикъ слезами не поправишь! Нѣтъ, пока душа въ тѣлѣ держится, надо ѣсть и пить, а тамъ — что Богъ дастъ. Совѣтую тебѣ: завтра садись за столъ и ѣшь, а плакать еще успѣемъ, если Богъ насъ не помилуетъ.

Рано утромъ Мачекъ открылъ ставни, отворилъ дверь, подалъ намъ умыться, а хозяйка принесла молитвенникъ; но прежде чѣмъ начать молиться, я своего товарища по несчастію убѣдилъ, чтобы онъ не плакалъ. Мы стали усердно молиться; наши „доброжела-

тели“, накинувъ на себя талесы, также стали молиться. Помолвившись, сѣли обѣдать... Мы, арестантики, сѣли рядомъ. Хозяинъ намъ поставилъ по маленькой рюмочкѣ и спросилъ у моего товарища: мальчикъ, какъ тебя звать?—Янкель.— А по фамиліи?—Клезмеръ.—О! твоя фамилія веселая, а ты плачешь—иронически сказалъ хозяинъ. Я по вчерашнему выпилъ рюмку водки, а Янкель не сталъ пить, сколько его хозяинъ и хаперы ни уговаривали. А я ему говорю: ты дома субботнія пѣсни пѣлъ?—Пѣлъ.— А вѣдь тамъ сказано: „Богъ сказалъ Якову: не робѣй, рабъ мой Яковъ“! Ну и мы съ тобой должны надѣяться. Куда насъ ни сошлютъ, всюду есть Богъ; а еще можетъ случиться, что мы встрѣтимся съ дѣтьми тѣхъ родителей, которые хотятъ насъ передать въ иновѣрческія руки или инымъ путемъ погубить, потому что слезы нашихъ родителей падутъ на ихъ головы. И еще я слыхалъ отъ старшихъ людей, что платится „мѣра за мѣру“... Яковъ меня послушалъ, взялъ рюмку, сотворилъ молитву, немножко отпилъ, сказалъ „лехамъ“. Хаперы отъ угрызенія совѣсти отошли отъ стола; они попросили хозяйку, чтобы она насъ раньше накормила, а сами съ хозяиномъ послѣ насъ пообѣдаютъ. „Ахъ,—говорили они,—хоть бы поскорѣе ихъ сдать, этихъ мамзейримъ! они намъ въ печенку вѣѣлись, въ особенности этотъ Хаимке съ своими колкими словами“. Хозяйка такъ и сдѣлала; она насъ накормила субботними блюдами, и кугелемъ въ томъ числѣ. Послѣ обѣда, намъ хотѣлось по лѣсу пройти, не безъ тайной мысли, что тамъ попадется тропинка и можно будетъ удрать отъ ловцовъ; но и тѣ были себѣ на умѣ: у нихъ уже были случаи, когда жертвы ускользали изъ ихъ цѣпкихъ рукъ.

Хозяйка подъ разными предлогами завела насъ въ комнату и сказала: дѣтки, до вечерней трапезы читайте „пейрекъ“, псалтирь, просите у Бога, чтобы онъ далъ намъ добрую недѣлю и добраго здоровья. Сказавъ это, она вышла и притворила дверь на задвижку. Янкель поминутно глубоко вздыхалъ, крупныя слезы катились по его пухленькимъ блѣднымъ щекамъ, и онъ все приговаривалъ: ахъ, что тамъ творится съ моими бѣдными родителями! они тамъ, вѣроятно, убиваются, плачутъ, не зная, куда я исчезъ... Я гляжу на него, у меня сердце щемитъ и хочется плакать, но ради святой субботы крѣплюсь и утѣшаю его: не робѣй, Яковъ!..

Солнце стало приближаться къ закату. Мы совершили вечернюю молитву. Хозяйка насъ выпустила изъ подъ ареста и накормила, но подъ арестъ уже не повела, потому что хаперы

сновали взадь и впередъ и, кромѣ того, до отправки наняли двухъ сторожей изъ отставныхъ солдатъ.

Стемнѣло, звѣзды стали показываться по небу. Хаперы приказали Мачеку приготовиться къ отъѣзду, а сами съ хозяиномъ стали совершать молитву „мааривъ“, и мы тоже. Хозяйка заунывнымъ голосомъ пропѣла жаргонную молитву, затѣмъ зажгли плетенную восковую свѣчу. Хозяинъ сдѣлалъ „гавдоло“, и хаперы послѣдовали за нимъ. Предложили и намъ по маленькой рюмочкѣ; но я отказался; теперь не до веселья: наступили будни и можно плакать. Я позвалъ Якова въ нашу „арестантскую“. Зайдя, я сталъ читать псаломъ: „Боже, когда тягостно мнѣ, къ тебѣ взываю“—и разрыдался... Ахъ, бѣдные мои родители! Какъ это они эту субботу провели безъ меня!.. Думали вы идти въ синагогу, слушать и радоваться, какъ я нараспѣвъ буду читать „мафтиръ“. А меня враги, разбойники подхватили, точно какъ коршуны, или какъ ястребы подхватываютъ цыпленка отъ насѣдки“!.. Причитывали мы оба, я и товарищъ, и такой вопль подняли, что если бы это случилось въ городѣ, мнѣ кажется, что народъ рознялъ бы эту трущобу по бревнамъ и спасли бы насъ. Прибѣгли два свирѣпыхъ сторожа и стали насъ разнимать, кричать и кулаки показывать, но мы ихняго языка не понимали. Прибѣгъ Мачекъ, схватилъ меня на руки, а Янкеля схватилъ одинъ изъ сторожей, и понесли насъ на фуру. Сѣли и наши благодѣтели—и гайда.

Дорогой они насъ утѣшали, что они тамъ похлопочутъ, чтобы насъ отпустили домой. Мы плакать перестали и заснули. Проснулись мы, когда возъ остановился возлѣ высокаго каменнаго дома, вокругъ котораго медленно шагаль взадь и впередъ солдатъ съ ружьемъ. Хаперы взяли насъ изъ фуры, поставили на землю, стряхнули наши капотки, вынули изъ кармана свои грязные платочки, вытерли намъ глаза, крѣпко потеряли наши блѣдныя щеки до красна и повели насъ по лѣстницѣ на второй этажъ. Взойдя, наши попечители моментально сняли шапки съ ермолками, и мы тоже сняли картузики. Тамъ насъ не раздѣвали и не мѣрили, а только записали. Одинъ панъ у крайняго стола кивнулъ нашимъ „попечителямъ“, чтобы подвели насъ ближе къ столу. Панъ у меня спросилъ: какъ твое имя и фамилія? Я обратился къ „попечителю“ и спрашиваю: что панъ спрашиваетъ? Онъ перевелъ. Я повернулся къ пану и сказалъ: Хаимъ Меримзонъ. Панъ посмотрѣлъ въ бумагу и крикнулъ: тебя зовутъ Мейеръ, а не Хаимъ! Смотри же, называйся Мейеръ!

Я тутъ догадался, что меня отдали за богатаго однофамильца-шинкаря. — А тебя какъ зовутъ? обратился онъ къ Клезмеру. — Янкель Клезмеръ. — Врешь! — тебя зовутъ Ицикъ Гринблатъ. Записавъ, онъ послалъ за конвойными, чтобы насъ отправить въ тюрьму (въ то время всѣхъ рекрутовъ, какъ взрослыхъ, такъ и малолѣтнихъ, держали въ острогѣ до отправки по частямъ войскъ). До прибытія конвойныхъ, панъ приказалъ отрѣзать у насъ пейсы. Прибыли конвойные съ ружьями. Панъ съ сдатчиками порукался и отпустилъ ихъ. Сдатчики, уходя, сказали: прощайте, дѣтки! не робѣйте! васъ надняхъ выпустятъ! — „Дай вамъ Богъ, чтобы вы такъ видались съ своими семействами, разбойники! чтобы васъ громъ поразилъ съ вашими семействами! чтобы всѣ хворобы, какія только есть на свѣтѣ, забрались въ ваши утробы, сердца и головы!“.. Сдатчики, услышавъ отъ меня эти пожеланія, три раза плюнули, поспѣшно спустились по лѣстницѣ и исчезли.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Меримзонъ.

Новѣйшія работы по антропологии евреевъ.

(Докладъ, читанный въ Еврейскомъ Историко-Этнографическомъ Обществѣ, 23 апрѣля 1912 г.).

За послѣдніе два года появились три работы, затрагивающія общіе вопросы антропологии евреевъ. Я имѣю въ виду работы д-ра Цольшана (*Das Rassenproblem*), д-ра Мориса Фишберга (*The Jews, A study of Race and environment*) и профессора Франца Боаса (*„Changes in bodily form of descendants of immigrants“*). ¹⁾

Эти труды принадлежатъ лицамъ весьма различной научной компетентности и разной степени объективности, но всѣ въ той или другой степени затрагиваютъ боевой по нынѣшнему вопросу о еврейской расѣ, и потому хотя не въ равной степени вызвали и продолжаютъ вызывать къ себѣ вниманіе далеко за узкимъ кругомъ специалистовъ.

Съ содержаніемъ этихъ работъ мы и намѣрены познакомить читателя. Но прежде—нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о современномъ положеніи проблемы еврейской расы.

До сихъ поръ большинство антропологовъ держится того убѣжденія, что каждой опредѣленной антропологической группѣ свойственъ извѣстный комплексъ опредѣленныхъ физическихъ признаковъ,—та или другая форма головы (головной указатель ²⁾), та или другая окраска волосъ, глазъ, кожи (пигментация), та или другая норма роста, строеніе лица и т. д. Этотъ комплексъ признаковъ, изъ коихъ самыми основными и важными считаются головной указатель и пигментация, въ каждой антропологической средѣ, поскольку она остается несмѣшанной съ другой антропо-

¹⁾ Полныя названія этихъ книгъ: Dr. Ignaz Zolschan, „*Das Rassenproblem*“, Wien und Leipzig, 3 изд. 1912 г.; „*The Jews: a study of Race and environment*. By Maurice Fishberg, London 1911 г.; Report of the Immigration Commission. *Changes in bodily form of descendants of Immigrants* (final redprt), Washington, 1911.

²⁾ Головной указатель выражается цифрой процентнаго отношенія между діаметромъ ширины и діаметромъ длины головы. Указатель, не превышающій цифры 75, обозначаетъ длинноголовость (долихоцефалія); отъ 75,1 до 79,9 — среднеголовость (мезоцефалія); отъ 80 до 85 — короткоголовость (брахицефалія). Отъ 85 и выше — сверхъ - короткоголовость (супра-брахицефалія); ниже 75 — сверхъ - длинноголовость (супрадолихоцефалія).

логической разновидностью, остается разъ навсегда неизмѣннымъ и наслѣдственно передается изъ одного поколѣнія въ другое.

Изъ этого аргюмента должно слѣдовать, что евреи, которые въ силу своего религіознаго эндогамизма, въ теченіе свыше 2.000 лѣтъ, менѣе чѣмъ какой-либо другой народъ смѣшивались съ другими народами, должны представлять собою наиболѣе чистую расу, наиболѣе однородную по своимъ антропологическимъ признакамъ.

Оказывается, что дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ. Прежде всего по отношенію къ пигментаціи. Казалось бы, что евреи, по происхожденію своему принадлежащіе къ темно-цвѣтному типу бѣлой расы, въ отношеніи окраски должны представлять однородную массу брюнетовъ. Блондины въ еврейской средѣ должны бы являться только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. Между тѣмъ наблюденія показали, что среди европейскихъ евреевъ насчитывается отъ 15 до 30% свѣтловолосыхъ и даже до 50% свѣтлоглазыхъ типовъ, — фактъ, съ точки зрѣнія современной антропологіи, говорящій о смѣшеніи.

До сихъ поръ, въ самомъ фактѣ смѣшенія никто не сомнѣвался. Только одни находили, что это смѣшеніе произошло еще въ библейскія времена, до разсѣянія. Другіе находили, что оно произошло въ діаспорѣ, именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи живутъ въ настоящее время. Подтвержденіе этому находятъ въ томъ, что % свѣтлыхъ типовъ среди евреевъ распределяется различно въ зависимости отъ пигментаціи окружающаго населенія. Такъ, въ Германіи, на примѣръ, % блондиновъ достигаетъ 30; въ Аравіи, Африкѣ, на Кавказѣ процентъ блондиновъ ничтоженъ (отъ 1 до 5%). Никто изъ антропологовъ однако не затрагивалъ вопроса о томъ, возможно ли образованіе свѣтлыхъ типовъ внутри темной расы, независимо отъ смѣшенія.

Слѣдующій важный вопросъ въ проблемѣ еврейской расы касается другого основного признака — головного указателя. Какъ извѣстно, по языку и по историческимъ своимъ судьбамъ евреи принадлежатъ къ семитической группѣ народовъ. Между тѣмъ, современные семиты Аравіи и Сѣверной Африки — длинноголовы, а евреи въ массѣ короткоголовы. Но вопросъ становится еще болѣе запутаннымъ отъ того, что не вездѣ евреи оказываются короткоголовыми. На Кавказѣ они — сверхъ-короткоголовы, въ Европѣ — короткоголовы, а въ Аравіи и Сѣверной Африкѣ они длинноголовы, какъ и окружающіе ихъ туземцы-семиты. Возникаютъ вопросы: были ли евреи первоначально короткоголовой расой, и нынѣшніе длинноголовые евреи — результатъ позднѣйшаго смѣшенія съ семитами, или, наоборотъ, они были первоначально длинноголовыми и только въ Европѣ перемѣшались съ расами короткоголовыми? Или же, наконецъ, современная короткоголовость евреевъ является результатомъ другихъ какихъ либо факторовъ, помимо смѣшенія?

Вопросъ о чистотѣ или смѣшанности еврейской расы еще болѣе осложнился утвержденіемъ нѣкоторыхъ антропологовъ, будто сефардскіе и ашкеназскіе евреи представляютъ двѣ различныя

расы, причемъ первые (сефардійцы), помимо фізіономическихъ особенностей, отличаются отъ остальныхъ европейскихъ евреевъ бѣлымъ % длинноголовыхъ и меньшимъ % бѣлокурыхъ, что должно свидѣтельствовать о расовой двойственности европейскихъ евреевъ.

Въ результатѣ явился на сцену чисто классификаціонный вопросъ: къ какой изъ расовыхъ группъ человѣчества должны быть причислены евреи по своимъ антропологическимъ признакамъ?

Этотъ вопросъ, въ силу причинъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, за послѣднее время сталъ центромъ всей проблемы. Уже очень давно, съ того времени, какъ сдѣлано было великое открытіе родства европейскихъ языковъ съ санскритомъ, явилось на сцену двучленное дѣленіе народовъ бѣлой расы на народы арійскіе и семитическіе, причемъ это лингвистическое дѣленіе почти одновременно превратилось въ антропологическое; наряду съ арійской и семитической группой языковъ явились термины: арійская и семитическая расы. Смѣшавъ языкъ съ расой, эта теорія пошла еще дальше. Исходя изъ факта нынѣшней духовной гегемоніи европейскихъ народовъ, она заключила, что причиной этого является особая, исключительно арійской расѣ прирожденная, специфическая интеллектуальная и моральная даровитость, несвойственная другимъ расамъ. Въ антропологию прокралась совершенно апріорная доктрина, по ученію которой каждой физической расѣ, т. е. каждой группѣ съ опредѣленными физическими признаками, соответствуетъ прирожденный ей искони опредѣленный комплексъ психическихъ и моральныхъ свойствъ, передаваемыхъ, какъ и признаки физическіе, по наслѣдству и остающихся разъ навсегда неизмѣнными.

Явились такимъ образомъ на сцену высшія и низшія расы, и евреи, какъ семиты, были причислены къ расамъ низшимъ въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ, причемъ въ моральный пассивъ еврейской расы было занесено все то, что было создано вѣками религіозной ненависти и національныхъ предрасудковъ. На этой почвѣ аріоманіи новѣйшій германскій шовинизмъ создалъ новую доктрину во славу нѣмецкаго патріотизма. Въ одинъ прекрасный день на мѣсто термина „арійская раса“ подставили расу германскую и изъ послѣдней выдѣлили особую, сѣверную расу бѣлокурыхъ долихоцефаловъ (длинноголовыхъ). Эти-то послѣдніе и являются единственными и истинными носителями германскаго типа и представляютъ расу изъ расъ, тѣхъ избранниковъ, которые своимъ геніемъ и инициативой во всемъ мірѣ являлись ферментомъ культуры, творцами и двигателями жизни. Имъ обязаны своимъ расцвѣтомъ не только культуры арійскихъ народовъ, но и всѣ культуры вообще. Къ несчастію, тѣ самыя добродѣтели, которыя выдвинули бѣлокурую расу—ее природный геній, инициатива, отвага, нравственная чистота и героизмъ,—ее же будто-бы и погубили. Большинство представителей этой расы погибло въ трудахъ и бояхъ, и по мѣрѣ сдѣланныхъ ими культурныхъ завоеваній, они постепенно вытѣснялись менѣе добро-

дѣтельными, менѣе героическими, но за то болѣе практичными и эгоистичными расами короткоголовыхъ. Есть, впрочемъ, среди арійскихъ расъ одна, которая можетъ быть сопоставлена съ сѣверной бѣлокурой: это раса средиземноморская, которая выдвинула римлянъ, грековъ, испанцевъ и т. д., ибо и эта раса, хотя и темноволосая, но длинноголова. Худшими же врагами всего творческаго, прекраснаго и героическаго являются короткоголовые, и среди нихъ евреи, раса посредственностей и паразитовъ, губителей культуры и науки. Они въ свое время погубили Испанію, губятъ въ настоящее время западную Европу и окончательно погубятъ Россію.

Такимъ образомъ, антропология стала главнымъ орудіемъ западно-европейскаго антисемитизма, и вопросъ о еврейской расѣ, въ частности о ея короткоголовости изъ вопроса чисто-научнаго превратился въ вопросъ боевой, полный жгучей современности.

Нельзя сказать, чтобы эти антропологическія теоріи раздѣлялись сколько-нибудь серьезными антропологами. Наоборотъ, цѣлый рядъ самыхъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ Лушанъ, Торекъ и мн. др., отнеслись къ нимъ сразу совершенно отрицательно. Тѣмъ не менѣе, теоріи германистовъ не только проложили себѣ путь въ широкую публику, неспособную разобраться въ сложныхъ научныхъ вопросахъ, но раздѣляются и сознательно и бессознательно цѣлой массой людей, прикосновенныхъ къ наукѣ. И все еще незыблемо въ центрѣ антропологическихъ работъ стоитъ, въ качествѣ основной аксіомы, неизмѣнность расовыхъ признаковъ и изъ нихъ самого основного — головного указателя. Борьбѣ съ этой-то теоріей германистовъ и ея антропологической предпосылкой о неизмѣнности расовыхъ признаковъ, въ связи съ проблемой еврейской расы, посвящена книга Цольшана.

II.

На долю этой книги выпалъ сенсационный успѣхъ: за короткое время она выдержала три изданія и была переведена на многіе европейскіе языки. Успѣхомъ своимъ книга Цольшана обязана весьма разнороднымъ причинамъ. Съ чисто литературной стороны успѣхъ ея безусловно заслуженный. Не будучи ни специалистомъ-антропологомъ, ни біологомъ, еще меньше историкомъ, авторъ сумѣлъ съ большимъ талантомъ дать среднему читателю, со всѣмъ аппаратомъ учености, стройную оригинальную схему, легко и просто разрѣшающую самые сложные вопросы расовой проблемы.

Спеціальный успѣхъ книга Цольшана имѣла въ еврейскихъ кругахъ и особенно въ сіонистскихъ. Для широкихъ круговъ еврейства она не только трактатъ по антропологии евреевъ, но настольный анти-Чемберленъ, лучшій памфлетъ противъ quasi-научнаго антисемитизма. Для сіонистовъ книга Цольшана — настоящая идеология сіонизма на базисѣ антропологии. Но и въ научныхъ кругахъ заинтересовались работой Цольшана. Правда, тамъ,

гдѣ онъ силенъ, онъ говоритъ то, что было высказано до него компетентными специалистами, иногда приписывая это себѣ, а тамъ, гдѣ онъ пытается дать новое, онъ мало убѣдителенъ, и его аргументы, при всемъ научномъ аппаратѣ, часто производятъ впечатлѣніе простыхъ парадоксовъ. Наконецъ, при всей своей эрудиціи, онъ, какъ диллетантъ, часто шокируетъ читателя, наивно придавая одинаковое значеніе въ своей аргументаціи фактамъ установленнымъ и фактамъ сомнительнымъ, приводя какъ авторитеты людей дѣйствительно компетентныхъ, и людей совершенно случайныхъ.

При всемъ томъ именно, можетъ быть, потому, что Цольшанъ не специалистъ, а человѣкъ, анализирующій со стороны, онъ умѣетъ вносить въ еще не установившуюся науку антропологию свѣжую критическую струю, будить мысль тамъ, гдѣ царитъ рутина школы, умѣя при томъ всегда быть интереснымъ, даже тогда, когда съ нимъ соглашаться не приходится. И вдобавокъ, кромѣ таланта популяризаторскаго, у Цольшана большой талантъ казаться крайне объективнымъ, въ то время какъ въ дѣйствительности на протяжении всей книги онъ не выпускаетъ клубка своей основной тенденции, создавая своего рода монистическую схему расовой проблемы евреевъ. Эта сіонистическая цѣльность книги, выдержанная съ наименьшей стильностью, чѣмъ красивыя теоріи германистовъ, не мало прибавила къ успѣху этой сенсаціонной книги.

Какъ же отвѣчаетъ Цольшанъ на основные вопросы еврейской расы?

По основному вопросу, существуетъ ли единая еврейская раса, онъ всецѣло принимаетъ слѣдующія положенія извѣстнаго автора *Die Juden als Rasse*, Юдта (Judt), который, какъ извѣстно, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ:

1) Брахицефалія (60—80%)—основной признакъ еврейской расы. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между ашкеназимъ и сефардимъ.

Между брахицефаліей евреевъ и головнымъ указателемъ окружающихъ народовъ нѣтъ ни соотвѣтствія, ни связи.

2) Что касается пигментаціи, то и въ этомъ отношеніи сефардимъ ничѣмъ не отличаются отъ ашкеназимъ: процентное отношеніе брюнетовъ между первыми не выше, чѣмъ у вторыхъ. И, далѣе, бѣлокурые элементы, встрѣчающіеся какъ у сефардимъ, такъ и у ашкеназимъ, не находятъ себѣ ни аналогіи, ни связи съ таковыми у окружающихъ народовъ.

3) Только по отношенію къ росту евреи обнаруживаютъ колебанія въ зависимости отъ странъ обитанія, но это обстоятельство нельзя приписывать фактору смѣшенія, такъ какъ ростъ—одинъ изъ тѣхъ признаковъ, которые болѣе всего зависятъ отъ климата, среды и социальныхъ условій. При всемъ томъ, евреи повсюду все таки даютъ картину роста, отличную по сравненію съ ихъ сосѣдями.

4) Наконецъ, за единство расы говоритъ несомнѣнное единство такъ называемаго еврейскаго типа. Къ этимъ чисто антропологическимъ соображеніямъ, свидѣтельствующимъ объ единствѣ еврейской расы, Юдтъ присоединяетъ цѣлый рядъ историческихъ соображеній, указывающихъ на то, что въ историческое время евреи не подвергались процессу смѣшенія съ окружающими народами и въ общемъ сохранили въ полной чистотѣ свои расовыя особенности.

Къ доводамъ Юдта объ единствѣ и чистотѣ еврейской расы Цольшанъ присоединяетъ и нѣкоторые свои собственные. Прежде всего, Цольшанъ особенно настаиваетъ на безусловной тождественности фیزیономическаго облика евреевъ, лично имъ наблюденной въ различныхъ частяхъ свѣта. Эти фیزیономическія черты, по его мнѣнію, отнюдь не психическаго только происхожденія; они зафиксированы въ анатомическомъ строеніи лица—постановкѣ глазъ, въ формѣ носа, подбородка, скуловыхъ дугъ и другихъ анатомическихъ особенностяхъ. Постоянство этихъ признаковъ, увѣковѣченное изображеніями на египетскихъ памятникахъ и въ живописи среднихъ вѣковъ, по мнѣнію Цольшана, говоритъ объ единствѣ и неизмѣнности расоваго типа евреевъ. Другой важный доводъ Цольшанъ находитъ въ наблюденіяхъ надъ коганитами и самаритянами. Коганиты, какъ извѣстно, менѣе другихъ элементовъ еврейскаго народа, могли подвергнуться смѣшенію, такъ какъ имъ запрещалось вступать въ бракъ съ прозелитками, и потому они-то должны считаться наиболѣе чистыми носителями первоначальнаго еврейскаго типа. Между тѣмъ измѣренія д-ра Вейсенберга показали, что ни по головному указателю, ни по строенію лица коганиты ничѣмъ не отличаются отъ прочаго еврейскаго населенія.

Цольшанъ, впрочемъ, не считъ нужнымъ указать, на какомъ числѣ измѣреній основывалъ свои выводы д-ръ Вейсенбергъ. Насколько намъ извѣстно, эти выводы основываются лишь на нѣсколькихъ десяткахъ измѣреній. Между тѣмъ вопросъ о коганитахъ далеко не такъ простъ, какъ думаетъ Цольшанъ. Коганиты—если только процессъ смѣшенія въ еврейской средѣ имѣлъ мѣсто—никоимъ образомъ не могли избѣгнуть метисизаціи, хотя въ значительно меньшей степени, потому что трудно допустить, чтобы генеалогія прозелитовъ, при превратностяхъ еврейской жизни, такъ тщательно сохранялась, чтобы браки коганитовъ съ потомками прозелитовъ оказались невозможными. Выдѣлить же возвратные первобытные типы возможно только изъ очень значительнаго числа наблюденныхъ субъектовъ. Любопытно, что масса еврейская приписываетъ коганитамъ особыя отличительныя черты, по крайней мѣрѣ психическія. Извѣстно, напримѣръ, утвержденіе, что „коганиты обладаютъ сердитымъ нравомъ“. Во всякомъ случаѣ вопросъ о коганитахъ требуетъ еще цѣлаго ряда массовыхъ изслѣдованій.

Болѣе заслуживаютъ вниманія наблюденія надъ самаритянами, коренными жителями Палестины, которые вѣроятно

въ смѣшеніи съ европейскими народами, и, по мнѣнію Цольшана, являются прямыми потомками древнихъ евреевъ. И вотъ эти самаритяне, которые по головному указателю чистые семиты, т. е. длинноголовы, даютъ такой же почти $\%$ свѣтлыхъ типовъ, какъ и европейскіе евреи, что конечно, если подтвердится на большемъ количествѣ измѣреній, ясно должно указывать, что современные свѣтлые типы среди евреевъ не продуктъ европейскихъ вліяній.

Сходясь всецѣло съ Юдтомъ въ томъ, что современные евреи представляютъ въ общемъ единый типъ безотносительно къ географической средѣ и окружающимъ народамъ, что смѣшеніе евреевъ могло имѣть мѣсто исключительно въ древнѣйшіе періоды раннихъ странствованій, на зарѣ ихъ политическаго существованія, Цольшанъ радикально расходится съ нимъ въ вопросѣ о томъ, къ какой расовой группѣ должны быть причислены евреи и откуда произошла ихъ короткоголовость. Юдтъ, какъ извѣстно, вслѣдъ за Лушаномъ принимаетъ, что евреи въ силу своей короткоголовости не могутъ быть причислены къ семитической расѣ, что короткоголовостью и другими расовыми чертами евреи всецѣло обязаны древнимъ хетитамъ, которые среди другихъ народовъ Палестины представляли особый типъ съ рѣзко выраженными короткоголовостью, низкимъ ростомъ и темной пигментаціею. Эти-то хетиты и составляютъ физическую основу еврейской расы. Вмѣстѣ съ хетитами, думаетъ Юдтъ, евреи принадлежатъ къ альпійской расѣ, характеризующейся коротко- и среднеголовостью, широкимъ лицомъ, темными волосами, сѣрыми глазами и среднимъ ростомъ, расѣ, къ которой причисляютъ населеніе Швейцаріи, средней Франціи, Баваріи, Австріи и частью населеніе горной области Балканъ и Карпатовъ.

Противъ этого исключенія евреевъ изъ круга семитовъ и причисленія ихъ къ альпійской расѣ энергично возстаетъ Цольшанъ. Но чѣмъ же объяснить тогда еврейскую короткоголовость, особенности роста, свѣтлые элементы? Отвѣтъ Цольшана заключается прежде всего въ томъ, что ни одинъ изъ этихъ расовыхъ признаковъ онъ не считаетъ признакомъ неизмѣннымъ.

Единственнымъ расовымъ признакомъ онъ считаетъ типъ физіономическій, внутри котораго могутъ комбинироваться самые различные головные указатели. Головной указатель у каждой расы величина не постоянная, а переменная. Что касается причинъ, вліяющихъ на образованіе формы головы, то Цольшанъ въ этомъ вопросѣ придерживается возрѣній той біологической школы, которая, начиная съ Дарвина, находитъ эти причины въ факторахъ механико-функциональных, вліяніяхъ соматической корреляціи, въ зависимости отъ рода пищи, образа жизни, наконецъ, географической среды.

Въ частности въ вопросѣ о происхожденіи брахицефаліи у евреевъ Цольшанъ исходитъ изъ гипотезы извѣстнаго англо-еврейскаго антрополога Jacobs'a. Джекобсъ еще въ 1899 г., по поводу изслѣдованія Аммона о возрастающей брахицефаліи среди гер-

манцевъ, объяснялъ это повыше́ніемъ интеллектуальной дѣятельности и, слѣдовательно, увеличеніемъ объема мозга, что неизбѣжно отражается на расширеніи черепа. Это же обстоятельство, по его мнѣнію, является основной причиной появленія брахицефалии у евреевъ. Подтвержденіе этой гипотезы Jacobs'a Цольшанъ находитъ въ новѣйшихъ работахъ шведскаго соціолога Nyström'a, который происхожденіе брахицефалии видитъ въ механическихъ причинахъ, связанныхъ съ измѣненіями въ образѣ жизни, именно, въ уменьшеніи работы шейныхъ мускуловъ и главнымъ образомъ отъ повышеннаго давленія мозга и крови изнутри при повышенной интеллектуальной дѣятельности. Эти свои выводы Nyström сдѣлалъ съ одной стороны на основаніи опытовъ надъ свѣжими черепами новорожденныхъ, съ другой—на основаніи цѣлаго ряда измѣреній среди различныхъ классовъ шведскаго населенія. Эти опыты показали, что въ Швеціи, этой исконной странѣ долихоцефалии, въ настоящее время среди представителей образованнаго класса $\frac{1}{10}$ долихоцефаловъ меньше, чѣмъ среди низшихъ классовъ. Изъ 100 долихоцефаловъ 76,5% принадлежали низшимъ классамъ и только 23,5 высшимъ, образованнымъ классамъ. Изъ 100 брахицефаловъ, наоборотъ, только 41,6 принадлежало низшимъ классамъ, а 58,4—образованнымъ. Высшія степени брахицефалии Nyström нашелъ у 27 высокообразованныхъ, и только у 8 въ низшихъ классахъ, и обратно—выдающуюся долихоцефалию только у 3 лицъ изъ образованныхъ классовъ и у 8 среди низшихъ классовъ; далѣе, Nyström утверждаетъ, что брахицефалы въ большомъ количествѣ переходятъ изъ низшихъ въ высшіе классы. Это возрѣніе всецѣло примѣняетъ къ евреямъ Цольшанъ, отвергая мнѣніе Judt'a, причисляющее евреевъ къ короткоголовой альпійской расѣ, короткоголовость которой, по мнѣнію Цольшана, объясняется условіями географическими, въ то время какъ короткоголовость евреевъ объясняется тѣмъ новымъ образомъ жизни, который евреи стали вести въ Европѣ и, главнымъ образомъ, высшей интеллектуальностью.

Такимъ образомъ, Цольшанъ побиваетъ германистовъ ихъ же оружіемъ. Тѣ причисляли евреевъ къ низшимъ расамъ, главнымъ образомъ, на основаніи ихъ короткоголовости. Теперь оказывается, что короткоголовость признакъ высшей интеллектуальности, а длинноголовость превращается въ печать умственной отсталости. Германисты утверждали, что всѣ великіе люди были долихоцефалами, Цольшанъ даетъ имена Сократа, Бисмарка, Лютера, Лапласа, Наполеона, Паскаля, Рафаеля, Шиллера, Канта, Шопенгауера Лейбница, какъ подтвержденіе своей апологіи короткоголовыхъ.

Точно такъ, какъ короткоголовость евреевъ признается Цольшаномъ результатомъ не смѣшенія, а внутренней трансформациі, такъ онъ объясняетъ, слѣдуя Вольтману и теоріи расъ Штрапа, и наличность бѣлокурыхъ элементовъ среди евреевъ. Эти бѣлокурые элементы пришли не извнѣ, а образовались внутри еврейской расы. Слѣдуя Штрапу, онъ принимаетъ, что современные чело-
вѣческія расы произошли отъ одной пра-расы, заключавшей въ

себѣ какъ темные, такъ и свѣтлые элементы, Отъ этой пра-расы, въ геологическія времена совершенно отдѣлились черная и желтая расы съ ихъ специфическими расовыми признаками, Ближе къ этой пра-расѣ осталась бѣлая раса, сохранившая въ наибольшей степени варіаціонную способность въ окраскѣ, способность такъ сказать въ одной и той же средѣ производить оба типа*). Этотъ процессъ Цольшанъ устами Вольтмана представляетъ себѣ въ видѣ процесса альбинизаціи. „Альбинизмъ и красноволосость можно наблюдать у всѣхъ темныхъ расъ, даже у негровъ и у индѣйцевъ, и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что болѣе слабая форма альбинизма вовсе не патологическаго характера проявляется у значительнаго числа индивидовъ по извѣстнымъ причинамъ и потомъ распространяется путемъ внутреннихъ браковъ и наслѣдственности. И многое говоритъ за то, что значительная часть блондиновъ среди евреевъ произошла не отъ примѣси сѣверной крови, а изъ внутреннего варіаціоннаго процесса хетитской расы (Вольтманъ).

Еще легче справляется Цольшанъ съ вопросомъ о нормѣ роста у евреевъ. Онъ считаетъ норму роста наиболѣе измѣнчивымъ признакомъ, стоящимъ въ связи съ географическими и социальными условіями, и къ прежнимъ доводамъ въ этомъ направленіи приводитъ въ примѣръ самаритянъ, которые сохранили рѣзко выраженный еврейскій типъ и въ то же время считаются самымъ рослымъ племенемъ въ Сиріи, имѣя въ среднемъ 173 см. и максимальную высоту въ 184 см.

Послѣ этого Цольшану осталось только найти евреямъ подобающее мѣсто среди другихъ видовъ бѣлой расы. Здѣсь онъ беретъ въ руководители новѣйшаго теоретика человѣческихъ расъ Штраца, систему котораго онъ подробно излагаетъ. Принимая трехчленное дѣленіе расъ Штраца на черную, желтую и бѣлую расу, Цольшанъ дѣлитъ послѣднюю по Гексли на два семейства: меланхройныхъ (брюнетовъ) и ксантохройныхъ (блондиновъ), и такимъ образомъ, къ посрамленію германистовъ, индогерманская семья, т. е., бѣлая раса дѣлится естественно на двѣ половины: сѣверную, состоящую изъ кельтовъ, германцевъ и славянъ (ксантохрое) и южную, состоящую изъ греко-романовъ, передне-азиатскихъ и сѣверо-африканскихъ народовъ (меланхрое). Изъ этой послѣдней группы выдифференцировалась раса еврейская, какъ изъ первой—раса германская.

Теперь вопросъ, къ какой группѣ меланхройныхъ должны быть отнесены евреи? По Штрацу, евреи принадлежатъ къ сѣверо-африканской вѣтви средиземноморской расы. Цольшанъ оспа-

*) Цольшанъ совершенно напрасно выдѣлилъ бѣлую расу, какъ единственную, сохранившую оба типа. Антропологи давно извѣстны тотъ фактъ, что еще недавно среди самыхъ различныхъ народовъ желтой расы существовали бѣлокурые элементы, постепенно вымершіе, и ничѣмъ не доказано, что эти элементы были инороднаго происхожденія.

риваетъ это на основаніи своихъ наблюденій надъ еврейскимъ типомъ и находитъ, что этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ черты какъ сѣверо-африканскій, такъ и среднеазиатскій. „Если требуется, говоритъ Ц., среди меланохройныхъ указать предковъ еврейской расы, мы должны указать на сѣверо-африканскую и переднеазиатскую вѣтви, главными культурными представителями которыхъ являются древніе египтяне и древніе мессопотамцы. Къ этой группѣ народовъ, какъ старается доказать Ц., принадлежатъ и тѣ сумеро-аккадійцы, которымъ германистами приписывается вся ассирійская культура и которыхъ они на захватномъ правѣ зачислили въ германскую расу. Такимъ образомъ, изъ группы низшихъ расъ еврей, по антропологическимъ соображеніямъ Цольшана, перенесены въ ту группу народовъ, которая дала человечеству культуры сумеро-аккадійцевъ, вавилонянъ и ассирійцевъ, персовъ, хетитовъ, финикянъ, евреевъ, египтянъ, грековъ, римлянъ, арабовъ и въ значительной степени—культуру ренессанса.

На этомъ собственно кончаются чисто антропологическія соображенія Цольшана по вопросу о еврейской расѣ.

Но на этомъ Цольшанъ не останавливается. Ему предстоитъ дать битву германистамъ въ другой области расового вопроса, области расовой психики. Какъ извѣстно, германисты, опираясь на теорію наслѣдственности Вейсмана, утверждаютъ, что каждая физическая раса имѣетъ прирожденные, при самомъ зарожденіи расы ей разъ навсегда данныя душевныя и интеллектуальныя способности, неизмѣнныя и передаваемые по наслѣдству. И, далѣе, они утверждаютъ, что евреи въ отношеніи даровитости и моральнаго склада стоятъ ниже, чѣмъ раса длинноголовая, въ частности раса блондиновъ. Цольшанъ не ограничивается ссылками на теорію среды и исторической аргументаціей, такъ легко опровергающими шовинистическія фантазіи германистовъ. Онъ предпринимаетъ пересмотръ всей теоріи наслѣдственности. Въ этомъ поединкѣ онъ опирается исключительно на новую теорію наслѣдственности *Semon'a*. По этой теоріи, первичнымъ источникомъ психическихъ явленій служатъ внѣшнія раздраженія, которыя производятъ извѣстныя измѣненія въ нервной ткани, такъ наз. энграммы. Эти то энграммы, если они длительны, способны передаваться по наслѣдству. Такимъ образомъ, въ противоположность теоріи Вейсмана, черты благопріобрѣтенныя способны къ передачѣ по наслѣдству. Чѣмъ больше количество внѣшнихъ раздраженій, чѣмъ они длительнѣе, чѣмъ болѣе такимъ образомъ энграммы становятся наслѣдственными, тѣмъ больше фондъ дарованій той или другой расы. Даровитость расы такимъ образомъ зависитъ исключительно отъ суммы длительныхъ раздраженій во время ея историческихъ переживаній, но по исходному моменту всѣ расы совершенно одинаковы по своимъ дарованіямъ. Различія въ психическихъ особенностяхъ—результатъ того, что и какъ переживала втеченіе своего историческаго существованія данная раса. Такимъ образомъ, нѣтъ прирожденныхъ искони дарованій. Вопреки германистамъ, ко-

торые утверждают, что наследственно передаются и качество, и количество дарований. Цольшанъ, исходя изъ теоріи Semon'a, утверждаетъ, что если первое можетъ передаваться, то второе—квантитетъ даровитости—единственное, что передается обязательно.

Но если наследственно передается только квантитетъ даровитости, т. е. то, что зависитъ исключительно отъ количества длительныхъ энграммъ, запечатлѣнныхъ въ индивидахъ данной расы, то кому въ этомъ отношеніи уступить еврейская раса, которая en masse, въ силу исключительныхъ историческихъ условій, вынуждена была втеченіе тысячелѣтій жить особенно интенсивной интеллектуальной жизнью? Послѣ этого Цольшану осталось только историческими ссылками представить картину того, что дали человечеству евреи и тѣ народы, къ которымъ они стоятъ ближе всего въ расовомъ отношеніи...

Но если каждая раса въ каждый данный моментъ имѣетъ физиологически закрѣпленный за ней фондъ дарований, то сохраненіе чистоты расы лучше всего гарантируетъ сохраненіе и развитіе этого фонда. Скрещиваніе расъ, по соображеніямъ Цольшана, нарушаетъ физиологическую цѣльность унаслѣдованной мнемы, и только скрещиваніе очень близкихъ расъ можетъ дать счастливые результаты.

Тутъ онъ опять ссылается на рядъ именъ, но главнымъ образомъ тѣхъ самыхъ германистовъ, съ которыми онъ борется. На этомъ пунктѣ онъ сходится со своими врагами. Въмѣстѣ съ политико-антропологами, германскими шовинистами, онъ восклицаетъ: „Вытекающій изъ всей расовой проблемы выводъ одинъ: расовыя индивидуальности должны быть сохранены“!

Начавъ съ борьбы противъ расовыхъ теорій германскихъ шовинистовъ, Цольшанъ сошелся съ ними въ основномъ практическомъ пунктѣ, сводящемъ сущность понятія націи къ антропологическому понятію физической расы! Отсюда Цольшану уже одинъ шагъ къ тому конечному выводу, къ которому онъ, какъ сіонистъ, въ конечномъ итогѣ велъ свою спорную длинную аргументацію.

Не видя въ народахъ ничего кромѣ расы, въ физическомъ смыслѣ этого слова, хотя самъ же все время доказываетъ, что раса непрерывно измѣняется, онъ приходитъ къ пессимистическому заключенію относительно будущности еврейскаго народа. Тамъ, гдѣ евреямъ въ матеріальномъ и политическомъ отношеніи живется сносно, какъ на западѣ, по мѣрѣ вовлеченія въ общекультурную жизнь и связаннаго съ этимъ упадка религіозности, евреи не видятъ никакого смысла въ томъ, чтобы оставаться евреями, и естественный процессъ массовыхъ крещеній и смѣшанныхъ браковъ ведетъ неизбежно къ разрушенію еврейской расы. Что касается евреевъ восточныхъ, то въ случаѣ измѣненія ихъ политическаго положенія ихъ ждетъ та же участь, что и западныхъ евреевъ; въ противномъ случаѣ ихъ ждетъ вымираніе и вырожденіе. Выражаясь словами Нордау, Цольшанъ

резюмируетъ: „Болѣе образованные евреи Запада отпадутъ, восточныхъ ждетъ душевная и тѣлесная гибель“. Итакъ, заканчиваетъ онъ, внѣ сіонизма есть только двѣ возможности: гибель расы или вырожденіе.

Мы здѣсь не будемъ оспаривать этого вывода Цольшана. Мы объ этомъ говорили въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь скажемъ только: евреи не только раса, но и нація, съ богатымъ фондомъ великихъ историческихъ воспоминаній и духовно-моральныхъ цѣнностей, и какъ таковая въ цѣломъ она не наложитъ на себя рукъ и не могла бы этого сдѣлать, если бы и захотѣла, ибо этотъ фондъ сильнѣе ея воли.

Во всякомъ случаѣ, къ вопросу объ антропологіи евреевъ конечные выводы Цольшана отношенія не имѣютъ. Съ антропологической точки зрѣнія заслугой Цольшана останется перенесеніе вопроса о происхожденіи еврейской брахицефаліи и бѣлокурыхъ элементовъ изъ плоскости метисизаціи въ плоскость внутри-расоваго трансформизма. Его аргументы не совсѣмъ новы и сами по себѣ еще не рѣшаютъ вопроса, но онъ сумѣлъ энергически поколебать старую позицію, а это само по себѣ—въ смыслѣ дальнѣйшаго направленія работъ по еврейской антропологіи—большой шагъ впередъ.

III.

Перехожу къ работѣ Мориса Фишберга, хорошо извѣстнаго по своимъ крупнымъ антропометрическимъ обследованіямъ американскихъ и частью африканскихъ евреевъ. Работа эта совершенно другого типа, чѣмъ книга Цольшана. Последняя по существу—полемиическій памфлетъ по расовому вопросу, между тѣмъ какъ книга Фишберга носитъ чисто догматическій характеръ. Это настоящій трактатъ по антропологіи евреевъ, первый опытъ въ этомъ родѣ на англійскомъ языкѣ, и опытъ довольно внушительный. Тутъ и статистика, и соматическая антропологія, и исторія прозелитизма и метисизаціи, демографія и патологія, экономика, воспитаніе, преступность, политическое и социальное положеніе и, наконецъ, глава объ антисемитизмѣ и сіонизмѣ. Книга къ тому богато иллюстрирована типами евреевъ разныхъ странъ, и въ приложеніи дана довольно полная библіографія предмета. Къ достоинствамъ книги нужно отнести отличное ясное изложеніе, дѣлающее книгу интересной и доступной для широкаго круга читателей. Къ сожалѣнію, работа Фишберга, не смотря на ея чисто-научную внѣшность, въ сущности такъ же проникнута тенденціей апологетики, какъ и книга Цольшана. Разница между ними только въ томъ, что послѣдній—сіонистъ, первый—крайній ассимиляторъ. Если Цольшанъ старается строить свою апологію на реабилитаціи еврейской расы, доказывая германистамъ и аріоманамъ высокую историческую цѣнность единой и чистой еврейской расы, то Фишбергъ, наоборотъ, считаетъ своей задачей доказать, что никакой еврейской расы не существуетъ и окружающимъ народамъ съ этой стороны никакой

опасности не грозить. Фишбергъ и не скрываетъ своей тенденціи. „Безъ преувеличенія—говоритъ онъ—можно сказать, что весь міръ заинтересованъ въ вопросѣ о евреяхъ, какъ расѣ, и въ вопросѣ о болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ этическими особенностями евреевъ. Кромѣ того, вѣчная проблема того, возможно ли ассимилировать огромное количество южныхъ и восточныхъ иммигрантовъ въ Соедин. штатахъ и британскихъ колоніяхъ, примѣнялась болѣе къ евреямъ, чѣмъ къ какому-нибудь другому народу бѣлой расы. Ставился даже вопросъ, есть ли какая нибудь увѣренность въ возможности инкорпорировать евреевъ въ государственный организмъ англо-саксонскихъ обществъ. Только антропология компетентна отвѣтить на этотъ вопросъ“ (предисловіе). И авторъ по мѣрѣ силъ всѣми данными антропологии старается дать этотъ отвѣтъ и по своему успокоить весь міръ и англо-саксонскія націи въ частности. Какъ ассимиляторъ, онъ успокаиваетъ прямо противоположнымъ способомъ, чѣмъ Цольшанъ. Если Цольшанъ утверждаетъ, что еврейская раса чистая и единая, то по Фишбергу выходитъ наоборотъ: евреи совершенно перемѣшались со всѣми окружающими народами.

Аргументація у него, впрочемъ, очень старая. Прежде всего, конечно, наличность блондиновъ, которые при этомъ распределены различно въ зависимости отъ странъ обитанія (въ Аравіи, Африкѣ, на Кавказѣ, гдѣ нееврейское населеніе исключительно темное, % блондиновъ не превышаетъ 5%, а въ Германіи доходитъ до 30). Этотъ фактъ Фишбергъ исключительно приписываетъ смѣшенію съ окружающими народами. Онъ такъ ослѣпленъ статистикой, что совершенно не считается съ могущественными религіозными запретами средневѣковаго гетто, и безъ всякой критики допускаетъ возможность, что до 30% и болѣе чуждой крови проникло въ еврейскую среду. Онъ пытается ссылаться при этомъ на историческія данныя, которыя однако, особенной убѣдительностью не отличаются. По его мнѣнію, напримѣръ, въ періодъ отъ 15-го до 18 стол. вліяніе на еврейскій типъ должны были оказать секты жидовствующихъ. Или, на еврейскій типъ должны были повліять казацкіе набѣги и уводъ еврейскихъ женщинъ въ плѣнъ. Огромное значеніе онъ придаетъ вліянію хазаръ, хотя послѣднія изслѣдованія совершенно измѣнили старое представленіе о Хазарскомъ царствѣ.

По вопросу о головномъ указателѣ его разсужденія еще болѣе легковѣсны и уже прямо обнаруживаютъ тенденціозность. Онъ самъ измѣрилъ огромное число евреевъ Восточной Европы и нашелъ у нихъ въ среднемъ достаточно однообразный головной указатель брахицефаловъ. Тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ ему утверждать, что „едва ли хоть одна европейская нація даже изъ наиболѣе смѣшанныхъ, какъ французы или итальянцы, обнаруживаетъ большую разнородность, чѣмъ евреи по отношенію къ головному указателю“. (Стр. 509). Для доказательства онъ съ легкимъ сердцемъ сопоставляетъ 6 милліоновъ восточныхъ евреевъ, совершенно однородныхъ по головному показателю.

телю, съ такими мелкими группами, какъ евреи Кавказа, Аравіи и Сѣверной Африки, и послѣ этого глубокомысленно замѣчаетъ: „насколько наше нынѣшнее знаніе происхожденія черепныхъ типовъ допускаетъ судить, только расовое смѣшеніе можетъ измѣнить форму головы. И когда мы находимъ, что типъ черепа у евреевъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ они жили втеченіе вѣковъ совпадаетъ съ типомъ черепа окружающихъ народовъ, мы смѣло можемъ заключить, что только смѣшанные браки—безразлично, явные или тайные—и прозелитизмъ являются тому причиной“ (стр. 511).

Какой же выводъ изъ этого? Если допустить, что евреи первоначально были долихоцефалами, то нынѣшніе русско-американскіе евреи, т. е., болѣе $\frac{19}{20}$ всего еврейства, нынѣ включающіе до 80% короткоголовыхъ, приняли въ себя $\frac{4}{5}$ чужой крови! Сказать нѣчто подобное о народѣ, соблюдавшемъ втеченіе двадцати вѣковъ строжайшую эндогамію—явный абсурдъ, не требующій никакихъ опроверженій. Еще болѣе абсурдъ получается, если допустить, что евреи первоначально были брахицефалами, ибо въ такомъ случаѣ оказалось-бы, что евреи Аравіи и Сѣверной Африки, которые въ массѣ длинноголовы, не имѣютъ въ себѣ ни капли еврейской крови!

Трудно думать, что авторъ не способенъ понимать этого абсурда; онъ просто не желаетъ считаться съ мнѣніями, несогласными съ его взглядами. Ссылаясь, на примѣръ, въ доказательство крайней гетерогенности головного указателя евреевъ, на высшую брахицефалію кавказскихъ евреевъ, онъ совершенно игнорируетъ то обстоятельство, что кавказскіе евреи—горцы, и какъ всѣ горцы, въ силу антропо-географическихъ условій склонны къ крайней брахицефаліи. Въ одномъ мѣстѣ онъ вскользь упоминаетъ о работѣ Боаса, поколебавшей, какъ мы увидимъ, все ученіе о постоянствѣ головного указателя, и тѣмъ не менѣе онъ все время безапелляціонно утверждаетъ, какъ аксіому, неизмѣнность головного указателя.—Наконецъ, не совсѣмъ простительная вещь для антрополога: категорически утверждая о соответствіи между головнымъ показателемъ у евреевъ и таковымъ у ихъ сосѣдей, онъ забываетъ упомянуть о томъ, что въ высотѣ головы это соответствіе не найдено, что говоритъ о совершенно различныхъ типахъ строенія головы.

Различіе въ ростѣ евреевъ разныхъ странъ Фишбергъ тоже приписываетъ исключительно метисизаціи. Правда, по росту еврейская масса всегда ниже своихъ сосѣдей, но это онъ приписываетъ исключительно дурному питанію. Другихъ факторовъ среды онъ не допускаетъ, хотя онъ самъ же напоминаетъ, что „бѣднѣйшіе классы въ Англіи, Шотландіи, Норвегіи имѣютъ болѣе ростъ, чѣмъ самые состоятельные классы среди венгровъ, поляковъ, сардинцевъ или японцевъ“. Правда, мы точно не знаемъ, какіе другіе факторы вліяютъ на среднюю роста, но это еще не даетъ права утверждать, что различія въ ростѣ евреевъ разныхъ странъ зависятъ отъ метисизаціи!

Зато авторъ широко признаетъ вліяніе среды на выработку такъ называемаго еврейскаго типа, въ которомъ онъ не видитъ ничего расоваго. То, что въ еврейскомъ типѣ кажется намъ однообразнымъ,—думаетъ Фишбергъ—есть продуктъ тождества социальныхъ условій, а тѣ черты типа, которыя носятъ антропологическій характеръ, отличаются, по его мнѣнію, крайней разнородностью въ зависимости отъ элементовъ, съ которыми та или другая часть евреевъ смѣшалась.

Въ подтвержденіе своего положенія Фишбергъ даетъ нѣсколько фотографій евреевъ съ типами славянскимъ, негроиднымъ и т. д., случайно добытыми, но не даетъ самаго главнаго—статистики, картины того, въ какой пропорціи эти экзотическіе типы стоятъ къ типу болѣе обычному, а не даетъ онъ конечно потому, что антропология евреевъ такой статистикой не обладаетъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣ своего анализа указанныхъ чертъ евреевъ, Фишбергъ приходитъ къ тому заключенію, что „столько же есть основанія говорить объ этническомъ единствѣ современнаго еврейства или объ еврейской расѣ, сколько говорить объ этническомъ единствѣ христіанъ и магометанъ или о расѣ методистовъ, пресвитеріанъ или унитаріанъ. Значительная часть восточныхъ евреевъ имѣетъ больше славянской крови, текущей въ ихъ жилахъ, чѣмъ такъ называемой семитической и т. д.“ (стр. 515).

Впрочемъ, авторъ не ограничивается отрицаніемъ за евреями индивидуальныхъ чертъ антропологическаго характера: онъ отрицаетъ за ними всякую индивидуальность вообще. Онъ отрицаетъ за евреями такіа біологическія особенности, какъ способность къ акклиматизаціи, большую жизнеспособность, специфическія національныя особенности интеллектуальнаго характера. Иронически говоритъ онъ о мнимой жадѣ знанія у евреевъ, оспариваетъ мнѣніе Зомбарта о роли евреевъ въ развитіи капиталистическаго хозяйства, объ ихъ коммерческихъ талантахъ. О національной культурѣ и рѣчи быть не можетъ: у евреевъ, по его мнѣнію, нѣтъ даже собственнаго фольклора.

Что у евреевъ есть индивидуальнаго—это только ихъ религіозный сепаратизмъ, но и по этой части пусть окружающіе народы не беспокоятся. И тутъ—крайности сходятся—Фишбергъ приходитъ къ тому же выводу, что и Цольшанъ. Крещеніе и смѣшанные браки уничтожаютъ и единственную особенность евреевъ—религіозный сепаратизмъ, послѣ чего они окончательно и безслѣдно сольются съ христіанскимъ населеніемъ. Разница между Фишбергомъ и Цольшаномъ та, что первый видитъ въ крещеніи и смѣшанныхъ бракахъ несчастье не только для евреевъ, но и для человѣчества, несчастье, отъ котораго нужно спастись въ Палестину, а Фишбергъ—радостный исходъ, который окончательно покончитъ съ еврейскимъ вопросомъ и антисемитизмомъ. „Когда, говоритъ онъ, процессъ смѣшанныхъ браковъ достигнетъ вездѣ тѣхъ же размѣровъ, что въ Италіи, Скандинавіи и Австраліи,—а факты ясно доказываютъ, что это дѣло ближайшаго будущаго,—антисемитизмъ постигнетъ вездѣ та же участь, что въ указанныхъ

странахъ. И евреи, и христіане способствуютъ этому въ одинаковой степени, первые тѣмъ, что отказываются отъ своего ритуализма, обнаруживая такимъ образомъ желаніе заполнить пропасть, отдѣляющую ихъ отъ другихъ, а христіане тѣмъ, что легализуютъ гражданскій бракъ (стр. VII, VIII).

Однимъ словомъ, стоитъ только ввести гражданскій бракъ и дать, конечно, равноправіе—и не станетъ ни еврейства, ни антисемитизма. Г. Фишбергъ, б. м., пиша свою книгу, былъ воодушевленъ благою мыслью успокоить американцевъ насчетъ еврейской опасности, какъ Цольшанъ горѣлъ желаніемъ предать посрамленію германомановъ; но отъ этого еврейская антропология, какъ таковая, нисколько не выиграла. Подобныя апологіи, гдѣ научная осторожность приносится въ жертву тенденціи, едва-ли достигаютъ и той эфемерной цѣли, ради которой онѣ предпринимаются, а между тѣмъ онѣ вредятъ наукѣ и еще болѣе евреямъ. Тенденціозно уничтожая евреевъ, какъ націю, и рѣшая ихъ судьбы только исключительно съ точки зрѣнія идеи расы, вдобавокъ при томъ состояніи науки, когда самое понятіе о расѣ еще спорное и невыясненное, и Цольшанъ, и Фишбергъ—одинъ противъ воли, другой намѣренно—проповѣдуютъ пессимистическій фатализмъ, гибельный для психологии національнаго возрожденія, которая едва только стала пускать корни въ средѣ еврейской интеллигенціи.

IV.

Совершенно другого характера третья работа, принадлежащая профессору Францу Боасу¹⁾. Работа эта не задается никакой тенденціей; она не занимается ни общими проблемами антропологии вообще, ни расовой проблемой евреевъ въ частности. Съ внѣшней стороны это сухая статистическая обработка антронометрическаго матеріала, собраннаго въ одномъ частномъ случаѣ, и тѣмъ не менѣе эта работа наноситъ самый рѣшительный ударъ теоріи неизмѣнности расовыхъ признаковъ, именно въ отношеніи главнѣйшаго изъ нихъ, головного указателя, и въ то же время подрываетъ въ корнѣ все старыя воззрѣнія о происхожденіи еврейской короткоголовости, въ томъ числѣ и аргументацію Цольшана.

Исторія этой работы представляетъ и сама по себѣ интересъ. Въ февралѣ 1907 г., по постановленію Конгресса Соединенныхъ штатовъ, была учреждена специальная Коммиссія для всесторонняго изученія вопроса объ иммиграціи. Одному отдѣлу этой обширной Коммиссіи было поручено разработать вопросъ „объ измѣненіяхъ въ физическихъ особенностяхъ (bodily form) потомства иммигрантовъ“. Во главѣ этого отдѣла былъ въ 1908 г. поста-

¹⁾ Первые обширныя извлеченія изъ этой работы появились въ 1910 и началѣ 1911 г. Въ окончательномъ видѣ (final report) работа эта, представляющая томъ въ 573 стр., появилась въ концѣ 1911 г.

вленъ одинъ изъ авторитетнѣйшихъ въ настоящее время не только въ Америкѣ, но и въ мірѣ вообще, антропологовъ, упомянутый профессоръ Францъ Боасъ, деканъ антропологическаго факультета Колумбійскаго университета въ Нью-Йоркѣ. Въ виду огромнаго разнообразія типовъ иммигрантовъ въ зависимости отъ страны происхожденія и другихъ условій, Боасъ рѣшилъ производить свои изслѣдованія не надъ иммигрантами вообще, а по національно-территориальнымъ группамъ, и для перваго опыта рѣшилъ ограничиться нью-йоркскими евреями, выходцами изъ Восточной Европы (Россія, Румыніи и Галиціи), которыхъ было измѣрено 5,999 лицъ обоого пола. И только послѣ этого крупнаго опыта онъ перешелъ къ обслѣдованію другихъ національностей (южно-итальянцевъ, чеховъ, поляковъ, венгерцевъ, шотландцевъ и др.). Всего было измѣрено такимъ образомъ 17,821 лицо обоого пола и самыхъ различныхъ возрастовъ, начиная съ 4 лѣтъ. И нужно отдать полную справедливость Боасу: онъ обставилъ это единственное въ своемъ родѣ по своей грандіозности антропометрическое обслѣдованіе самыми серіозными предосторожностями. Основное затрудненіе при подобныхъ работахъ заключается въ томъ, что оно не можетъ быть выполнено однимъ лицомъ, между тѣмъ различные наблюдатели обыкновенно работаютъ съ различной степенью точности, вслѣдствіе чего итоги могутъ получиться съ большими ошибками. Поэтому Боасъ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ для тренированія и постояннаго контролированія своихъ помощниковъ, чтобы достигнуть наибольшей однородности и точности въ измѣреніяхъ. Онъ не удовольствовался только предварительными многократными испытаніями своихъ помощниковъ. Онъ установилъ постоянный контроль измѣрителей. Въ каждой школѣ, гдѣ производились измѣренія, одновременно работало 3 человека, которые повторными измѣреніями время отъ времени провѣряли другъ друга. Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ (преимущественно имѣвшихъ мѣсто при измѣреніи ширины лица) цифры совершенно исключались изъ расчета. Наконецъ, по окончаніи общей работы, средняя по каждому измѣренію (напр., длина головы и т. п.) каждого отдѣльнаго изслѣдователя сравнивалась съ общей средней полученной изъ данныхъ, добытыхъ всѣми изслѣдователями, и на основаніи теоріи вѣроятностей Боасъ убѣдился, что индивидуальныя расхожденія отдѣльныхъ изслѣдователей—такого характера, что съ ними считается не приходится. И, наконецъ, высшая гарантія заключалась въ замѣчательно выработанной программѣ измѣреній, при которой выводы изъ одной серіи измѣреній являлись контрольными для другой.

Цѣлью этого обслѣдованія было, какъ мы указали, разработать вопросъ „объ измѣненіяхъ въ физическихъ особенностяхъ потомства иммигрантовъ“, и работа, выражаясь словами Боаса, была направлена исключительно на изученіе физическаго развитія представителей нѣкоторыхъ расъ въ густо населенныхъ округахъ Нью-Йорка.

А priori можно было предвидѣть, что подъ вліяніемъ новыхъ

условій среды и новаго болѣе благопріятнаго экономическаго положенія потомки иммигрантовъ обнаружатъ большія измѣненія въ общемъ своемъ физическомъ строеніи (ростъ, вѣсъ, силъ и т. д.). Наоборотъ, совершенно нельзя было ожидать какого-либо измѣненія въ антропологическомъ типѣ потомства иммигранта, тѣмъ болѣе, что обследованныя народности только недавніе пришельцы, потомство которыхъ не идетъ дальше второго поколѣнія. Меньше всего подобнаго измѣненія могъ ожидать самъ Боасъ, который до анкеты былъ убѣжденнымъ приверженцемъ неизмѣняемости расовыхъ признаковъ, въ особенности головного указателя. Между тѣмъ, вопреки всякимъ ожиданіямъ, анкета привела къ совершенно неожиданному открытію, а именно, что подъ вліяніемъ американскихъ условій происходитъ не только измѣненіе въ общемъ физическомъ строеніи потомковъ, но и измѣненіе въ ихъ антропологическомъ типѣ, въ частности въ самомъ устойчивомъ расовомъ признакѣ, головномъ указателѣ. Этимъ открытіемъ анкета обязана счастливой мысли, которая пришла Боасу при выработкѣ программы изслѣдованія. Съ самаго начала онъ рѣшилъ разбить потомство иммигрантовъ на двѣ серіи—на родившихся въ Европѣ и тѣхъ, которые родились въ Соединенныхъ Штатахъ. И вотъ, когда дѣло дошло до обработки данныхъ по обѣимъ серіямъ, то получилось неожиданное открытіе, что дѣти иммигрантовъ, родившихся въ Штатахъ, представляютъ рѣзкое измѣненіе въ головномъ указателѣ по сравненію не только съ ихъ родителями, но съ ихъ сверстниками, выросшими въ Штатахъ, но родившимися въ Европѣ.

Это открытіе впервые было сдѣлано на нью-іоркскихъ евреяхъ¹⁾. Среди этого населенія истъ-ендскаго гетто, которое въ массѣ живетъ наиболѣе изолированно и гдѣ о какой либо возможности смѣшенія съ другими расами не могло быть и рѣчи, оказалось, что головной указатель тѣхъ, которые родились въ Америкѣ, и родившихся внѣ ея представляютъ поразительное различіе, а именно: въ то время, какъ у дѣтей, родившихся въ Европѣ, въ среднемъ головной указатель такой же, какъ у евреевъ восточной Европы, т. е. не ниже 83, головной указатель родившихся въ Америкѣ не только въ первомъ поколѣніи, но въ первые же годы жизни сразу падаетъ до 81 и болѣе, приближаясь къ среднему американскому показателю 80! Сомнѣній быть не могло, такъ-какъ Боасъ не ограничился средними цифрами всѣхъ измѣренныхъ индивидовъ, въ каждой изъ своихъ двухъ серій, а разбилъ каждую серію на 16 возрастныхъ группъ и каждую группу по поламъ, получивъ такимъ образомъ 32 группы, и въ каждой изъ этихъ 32-хъ группъ получились тождественные результаты!

¹⁾ Измѣрено мужчинъ взрослыхъ и дѣтей—4111, изъ нихъ родившихся въ Америкѣ—2.422, въ Европѣ 1.689; женщинъ 1.888, изъ нихъ родив. въ Америкѣ—635, въ Европѣ—1.253. Всего измѣрено обоого пола 5.999.

Предстояло проверить этот вывод на представителях другой этнической группы. И Боасъ рѣшилъ остановиться на этнической группѣ, которая по головному показателю представляетъ полную противоположность евреямъ, именно, длинно-головыхъ сицилійцахъ съ показателемъ 78. И тутъ оказался выводъ, еще болѣе поразительный. Въ то время, какъ у еврейскихъ иммигрантовъ, родившихся въ Америкѣ, головной показатель понижается на 2, т. е. голова удлиняется, у сицилийцевъ, родившихся въ Америкѣ, происходитъ явленіе обратное, показатель повышается на два, доходя до 80, т. е. у сицилийцевъ настолько же голова укорачивается, насколько у евреевъ она удлиняется, при чемъ и тѣ, и другіе приближаются къ американскому показателю.

Такимъ образомъ, фактъ измѣненія головного указателя у потомковъ иммигрантовъ, родившихся въ Америкѣ, получилъ свое высшее подтвержденіе, проверенный на двухъ совершенно различныхъ расахъ, подвергающихся измѣненіямъ въ двухъ диаметрально различныхъ направленіяхъ!

„Форма головы, говоритъ Боасъ, которая разсматривалась какъ самый устойчивый и перманентный признакъ человѣческихъ расъ, претерпѣваетъ, оказывается, большія перемѣны въ связи съ переселеніемъ расы изъ Европы въ Америку. Восточно-европейскій еврей, который имѣетъ очень круглую голову (короткоголовый), становится здѣсь болѣе длинноголовымъ; наоборотъ, южно-итальянецъ, который въ Италіи отличается значительной длинно-головостью, становится здѣсь болѣе короткоголовымъ, такъ что и тѣ, и другіе начинаютъ приближаться въ этой странѣ къ единообразному типу въ смыслѣ круглоголовости“... „Эти результаты такъ ясны, что въ то время какъ раньше мы имѣли право признавать постоянство человѣческихъ типовъ, теперь все говоритъ въ пользу эластичности человѣческихъ типовъ, и постоянство типа въ новой средѣ является скорѣе исключеніемъ, чѣмъ правиломъ“.

„Замѣчательно, продолжаетъ Боасъ, что американскія условія не оказываютъ никакого вліянія на лицъ, родившихся въ Европѣ, хотя бы привезенныхъ въ Америку въ самомъ раннемъ возрастѣ. Ихъ головной указатель остается приблизительно 83. Совершенно обратное явленіе наблюдается съ лицами, родившимися въ Америкѣ, хотя бы вскорѣ по прибытіи родителей: перемѣна сказывается немедленно. Ихъ индексъ сразу опускается до 82, а во 2-мъ поколѣніи (т. е. у дѣтей родившихся въ Америкѣ иммигрантовъ) до 79“.

Далѣе, такъ какъ головной указатель составляется изъ отношенія между цифрой ширины и длины головы, и съ другой стороны измѣненія въ этихъ величинахъ головы вліяютъ на ширину лица, то Боасъ въ рядѣ таблицъ (№ III) даетъ сравнительныя цифры измѣненій каждой изъ этихъ величинъ у родившихся въ Европѣ и въ Америкѣ и опять таки не въ огульномъ выводѣ, а въ 16 серіяхъ по возрастамъ, и въ каждой серіи (какъ у евреевъ, такъ у сицилийцевъ) выводъ оказывается соотвѣт-

ственно одинъ и тотъ же: у евреевъ длина головы увеличивается, ширина уменьшается, а у сицилійцевъ, наоборотъ, длина головы уменьшается, ширина увеличивается. Что касается измѣненій въ ширинѣ лица, то какъ у евреевъ, такъ и у сицилійцевъ, родившихся въ Америкѣ, она уменьшается. „Въ результатѣ этихъ измѣненій, говоритъ Боасъ, является развитіе сходства между потомками евреевъ и сицилійцевъ, родившихся въ Америкѣ“.

Но если фактъ рожденія въ Америкѣ имѣетъ такое вліяніе на форму головы (головной указатель), то это вліяніе должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше родители индивида прожили въ странѣ до его рожденія, такъ какъ очевидно, что измѣненія эти зависятъ отъ вліяній среды на родителей ребенка.

Чтобы убѣдиться въ правильности своего предположенія, Боасъ ввелъ новую классификацію въ каждую серію своихъ измѣреній (длины и ширины головы, головного указателя, ширины лица, роста и вѣса), а именно: лица каждой возрастной серіи разбиты на группы родившихся въ Европѣ, родившихся въ Америкѣ менѣе чѣмъ 10 лѣтъ спустя послѣ прибытія матери, и родившихся въ Америкѣ 10 и болѣе лѣтъ послѣ прибытія матери. При сравненіи этихъ трехъ группъ оказалось, что у евреевъ головной указатель правильно падаетъ, именно, съ 84,6 у родившихся въ Европѣ до 82,4 у родившихся въ Америкѣ ранѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери въ страну и до 82,3 у третьей группы. Наоборотъ, у сицилійцевъ въ томъ же порядкѣ показатель повышается, именно съ 79,5 въ первой группѣ до 80,9 и 81,8 во 2-ой и 3-ей группахъ. Эта разница въ физическихъ признакахъ типа въ зависимости отъ времени пребыванія матери въ Америкѣ до рожденія ребенка продолжаетъ расти по мѣрѣ роста ребенка, въ теченіе всей его жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, Боасъ вычисляетъ отдѣльно для каждой изъ своихъ 16-ти возрастныхъ серій разницу между средне-ариѳметической каждою измѣренія (длины головы, ширины, головного указателя, роста, вѣса и т. д.) во всѣхъ трехъ упомянутыхъ группахъ (родившихся внѣ страны, въ Америкѣ менѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери и болѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери) и средне-ариѳметическою каждой группы въ отдѣльности, и результаты получаютъ поразительные.

Въ группѣ лицъ, родившихся въ Европѣ, во всѣхъ 16-ти возрастныхъ серіяхъ разница головного указателя по сравненію съ общимъ указателемъ всѣхъ трехъ группъ получается положительная ($+1,5$; $+0,7$; $+1,0$ и т. д.), т. е. головной указатель группы родившихся въ Европѣ выше средняго указателя всѣхъ 3-хъ группъ; наоборотъ, у обѣихъ группъ родившихся въ Америкѣ разница исключительно отрицательная, причемъ эта разница замѣтна болѣе въ 3-ей группѣ, чѣмъ во 2-ой и въ каждой изъ этихъ группъ разница возрастаетъ съ возрастомъ. Зато въ таблицѣ роста европейскіе уроженцы даютъ отрицательный остатокъ, а американскіе, родившіеся спустя 10 и болѣе лѣтъ послѣ прибытія матери, даютъ исключительно положительный остатокъ, прогрессивно возрастающій отъ $+1,2$ (въ 5-лѣтнемъ возрастѣ) до $+4,7$ въ

17 лѣтъ, и то же явленіе въ таблицѣ въ с.а. Это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о благопріятномъ вліяніи американскихъ условій на общее физическое развитіе лицъ, родившихся въ Америкѣ.

Слѣдующая таблица даетъ наглядную картину указанныхъ явленій:

	Средняя разниця между общими цифрами всѣхъ 3-хъ группъ:		
	Родившихся въ Европѣ.	Родившихся въ Америкѣ. Менѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери.	Болѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери.
Длина головы въ мм. .	— 1.7	+ 0.2	+ 1.0
Ширина головы въ мм.	+ 1.3	— 0.1	— 0.9
Головной указатель .	+ 1.2	— 0.2	— 1.0
Ширина лица въ мм. .	+ 0.8	— 0.2	— 0.3
Ростъ въ мм.	— 1.1	— 0.1	+ 1.1
Вѣсъ въ кгр.	— 0.4	— 0.1	+ 0.6

Любопытно отмѣтить, что разницы между родившимися въ Европѣ и родившимися въ Америкѣ спустя 10 и болѣе лѣтъ послѣ прибытія матери значительно выше, чѣмъ между родившимися въ Европѣ и родившимися въ Америкѣ менѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери.

„Отсюда, замѣчаетъ Боасъ по поводу этой таблицы, можно было бы заключить, что вліяніе новой среды оказываетъ свое вліяніе почти непосредственно послѣ прибытія родителей“.

Возможно было одно возраженіе противъ выводовъ относительно разницы между тремя указанными группами. Именно, что разниця эта зависитъ отъ разницы въ группахъ родителей, такъ какъ замѣчена была значительная разниця въ физическихъ признакахъ иммигрантовъ разныхъ періодовъ. Замѣчено было, наприм., внезапное пониженіе всѣхъ абсолютныхъ цифръ измѣреній среди иммигрантовъ, прибывшихъ послѣ финансовой паники 1893 г., и такое же паденіе повторилось между годами 1907 и 1909.

Поэтому, чтобы провѣрить свои выводы, Боасъ предпринялъ рядъ измѣреній цѣлыхъ семей, чтобы сравнить типъ еврейскихъ дѣтей съ ихъ родителями всѣхъ трехъ категорій, т. е. родителей съ дѣтьми, родившимися въ Европѣ, родившимися въ Америкѣ спустя менѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери и родившимися спустя 10 лѣтъ и болѣе.

Результатъ получился тотъ же, т. е. что внутри каждой семьи измѣненіе типа дѣтей находится въ зависимости отъ мѣста рожде-

нія дѣтей и времени рожденія послѣ прибытія матери въ Америку. Сравнивая головные показатели отцовъ и сыновей разныхъ возрастовъ, матерей и ихъ дочерей, Боасъ получилъ, что въ семьяхъ, гдѣ дѣти родились въ Европѣ, разницы между показателями родителей и дѣтей отъ 5—18 лѣтъ всегда представляютъ положительныя величины, потому что въ обычныхъ условіяхъ въ раннемъ возрастѣ дѣти всегда болѣе короткоголовы, чѣмъ ихъ родители. Въ семьяхъ, гдѣ дѣти родились въ Америкѣ, разницы часто получаются въ видѣ отрицательныхъ величинъ. „Это означаетъ, говоритъ Боасъ, что въ общемъ форма головы у дѣтей, родившихся въ Америкѣ, несоразмѣрно удлинена въ сравненіи съ формами головы ихъ родителей“.

И, далѣе, цѣлымъ рядомъ вычисленій Боасъ установилъ, что „еврейскія дѣти, родившіяся ранѣе 10 лѣтъ по прибытіи матери въ Америку, теряютъ 0,9 единицъ своего указателя; родившіяся спустя 10 лѣтъ и болѣе по прибытіи матери въ Америку, теряютъ 1,9 въ сравненіи съ родившимися въ Европѣ“. У сицилійцевъ—обратное явленіе.

Но измѣненія происходятъ не только въ формѣ головы.

По той же системѣ Боасъ обследовалъ размѣры роста и вѣса, и результаты оказались тѣ же. Какъ ростъ, такъ и вѣсъ дѣтей, родившихся въ Америкѣ, выше, чѣмъ у родившихся въ Европѣ. Этотъ результатъ особенно поразителенъ по отношенію къ росту, ибо, какъ извѣстно, на размѣрѣ роста особенно сильно отражаются социальныя условія, такъ что, казалось бы, дѣти, хотя и родившіяся въ Европѣ, но прожившія въ Америкѣ столько же лѣтъ, сколько ихъ сверстники—уроженцы Америки, мало должны отличаться другъ отъ друга по росту, а между тѣмъ разница оказывается очень значительная. Но неодинаково, впрочемъ, вліяніе Нью-Йорка отражается на разныхъ національностяхъ въ отношеніи общаго физическаго развитія.

Среди восточно-европейскихъ евреевъ американская среда, даже въ густо-населенныхъ частяхъ Нью-Йорка, произвела общее болѣе благоприятное улучшеніе расы, которое выражается въ увеличеніи роста и вѣса дѣтей. Наоборотъ, итальянскія дѣти не обнаруживаютъ столь благоприятнаго вліянія среды, а скорѣе даже нѣкоторую потерю въ сравненіи со среднимъ уровнемъ иммигрантскихъ дѣтей. Такъ что выходитъ, что южно-итальянская раса страдаетъ отъ условій городской жизни, въ то время какъ восточно-европейскій еврей развивается при этихъ условіяхъ лучше, чѣмъ въ своей родной странѣ.

Боасъ не ограничился евреями и сицилійцами. Онъ подвергъ изслѣдованію чеховъ, словаковъ, венгровъ, поляковъ и шотландцевъ по отношенію къ росту, вѣсу, длинѣ и ширинѣ головы, ширинѣ лица и цвѣту волосъ. Изъ этихъ признаковъ только измѣненія въ пигментаціи кажутся сомнительными, но по всѣмъ остальнымъ признакамъ получались значительныя измѣненія, хотя не во всѣхъ случаяхъ въ одномъ и томъ же направленіи. Ростъ, вѣсъ, длина и ширина головы увеличиваются у однихъ,

уменьшаются у другихъ; ширина лица уменьшается у всѣхъ, исключая шотландцевъ. Характериѣ всего измѣненіе типа выражается у евреевъ и сицилійцевъ. У группы средневропейской (чеховъ, словаковъ, венгровъ и поляковъ) измѣненія не такъ рѣзки, но характеръ измѣненій однороденъ у всѣхъ этихъ народовъ, а именно: среди родившихся въ Америкѣ ростъ увеличивается; какъ ширина, такъ и длина головы уменьшается, первая нѣсколько болѣе замѣтно, чѣмъ вторая, такъ что въ результатѣ получается уменьшеніе головного указателя. Ширина лица уменьшается очень значительно.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ обследованныхъ народностей шотландцы не обнаружили никакихъ измѣненій въ типѣ. Впрочемъ, количество измѣреній среди этой народности было сравнительно незначительно. И, далѣе, большой интересъ представляетъ то, что чехи, имѣющіе такой же головной указатель, какъ у евреевъ, хотя и обнаружили измѣненія въ формѣ головы, но гораздо меньшія, чѣмъ первые. Чѣмъ это объясняется, трудно сказать, хотя Боасъ въ одномъ мѣстѣ пытается объяснить тѣмъ, что чехи дольше сохраняютъ старые способы пеленанія и ухода за ребенкомъ. Особого значенія, впрочемъ, этому объясненію и Боасъ не придаетъ.

V.

Таковы наиболѣе важные выводы анкеты, касающіеся измѣненія антропологическаго типа среди дѣтей иммигрантовъ, родившихся въ Соединенныхъ штатахъ.

Укажемъ теперь на другіе выводы, имѣющіе отношеніе къ антропологии евреевъ. Прежде всего представляетъ интересъ сводъ среднихъ по главнѣйшимъ антропологическимъ признакамъ у евреевъ разныхъ областей Восточной Европы.

	Польша.	Малороссія.	Румынія.	Галиція.	Бѣлороссія.	Литва.
головной указатель . .	83.3	83.5	83.4	84.3	82.1	81.1
Длина головы мм. . . .	188.2	187.6	185.3	185.3	188.1	190.5
Ширина головы мм. . . .	156.6	156.4	154.4	156.1	154.3	154.9
Ширина лица мм. . . .	140.0	140.0	139.4	140.3	139.3	139.5
Ростъ мм.	163.5	165.6	164.8	163.6	163.8	164.0

Изъ этой таблицы явствуетъ, что основной признакъ, цифра головного указателя, оказывается сходнымъ у евреевъ Польши, Малороссіи и Румыніи (83..), самый высокій указатель—у евреевъ Галиціи (84.3), а самый низкій—въ Бѣлороссіи и Литвѣ.

Ширина лица у евреевъ Польши, Малороссіи и Галиціи—тождественны. Ростъ самый большой у евреевъ Малороссіи (165.6).

Данныя этой таблицы совпадаютъ съ данными Фишберга, выведенными имъ тоже изъ измѣреній американскихъ евреевъ, но Фишбергъ изъ этихъ данныхъ въ свое время дѣлалъ тотъ выводъ, что различія въ измѣреніяхъ по отдѣльнымъ областямъ объясняются метисизаціей. Работа Боаса показываетъ, что эти различія вовсе не связаны обязательно съ процессомъ смѣшенія, а могутъ образоваться подъ вліяніемъ причинъ, ничего общаго съ метисизаціей не имѣющихихъ.

Изъ общихъ выводовъ для насъ интереснѣе всего заключеніе, котораго мы уже коснулись раньше, говоря о ростѣ и вѣсѣ, именно, что весь физическій *habitus* иммигрантовъ и ихъ потомства существенно улучшается.

Константировано, между прочимъ, уменьшеніе обычныхъ болѣзней старой родины. Такъ, напр., среди еврейскаго населенія Нью Йорка рахитизмъ гораздо меньше распространенъ, чѣмъ среди остального населенія, въ то время какъ въ городахъ черты константировано обратное явленіе. Жаль только, что указанная комиссія не раздобыла никакихъ данныхъ относительно вліянія американскихъ условій труда и городской жизни на первое поколѣніе иммигрантовъ. Таблица смертности въ этой средѣ дала бы очень интересные результаты.

По особому методу, впервые примѣненному во время этой анкеты, установлено, что дѣти, родившіяся въ Америкѣ, достигаютъ зрѣлости раньше, чѣмъ родившіяся въ Европѣ, хотя періодъ дѣтства одинаково продолжителенъ какъ въ той, такъ и въ другой группѣ.

Отмѣтимъ еще одно интересное заключеніе комиссіи. Въ первомъ поколѣніи составъ семьи иммигранта довольно многочислененъ. Уже во 2-мъ поколѣніи семьи становятся все малочисленнѣе. И вмѣстѣ съ уменьшеніемъ числа рожденій въ семьѣ физическій типъ дѣтей улучшается. Боасъ даетъ слѣдующую очень интересную таблицу роста (въ формѣ разницы противъ средней нормы роста) въ зависимости отъ числа дѣтей въ семьѣ.

	Число дѣтей въ семьѣ.											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Разница противъ нормы въ см.	+0.24	+0.12	+0.05	+0.05	+0.05	+0.01	-0.08	-0.14	-0.13	-0.12	-0.4	-0.16
Число случаевъ . . .	1057	2189	3006	3119	2626	2001	1253	865	475	307	136	34

Особенно важенъ выводъ относительно передачи наслѣдственныхъ чертъ родителей дѣтямъ. На этотъ счетъ существуетъ, какъ извѣстно, два воззрѣнія. Согласно одному, дѣти получаютъ типъ средній между типомъ отца и матери, по другому воззрѣнію — дѣти наслѣдуютъ тѣ или другія черты отъ одного изъ родителей или ихъ отдаленнаго предка; словомъ, получается чередованіе типовъ то по матери, то по отцу.

„Ислѣдованіе данныхъ головного указателя — говоритъ Боасъ — показало ясно, что типъ наслѣдственности внутри той же расы — типъ чередованія. Дѣти не образуютъ смѣси чертъ обоихъ родителей, а возвращаются то къ одному, то къ другому типу“.

Выводъ этотъ чрезвычайно важенъ въ методологическомъ отношеніи. Онъ побудитъ ислѣдователей какъ можно меньше довѣрять огульнымъ среднимъ числамъ, заставивъ ихъ тщательно анализировать свой матеріалъ и обрабатывать его по опредѣленнымъ группамъ, и дать возможность правильнѣе ориентироваться въ вопросахъ метисизаціи. Методъ этотъ, наконецъ, дастъ толчекъ массовому ислѣдованію цѣлыхъ семей, что до сихъ поръ практиковалось довольно рѣдко.

VI.

Если само по себѣ открытіе Боаса представляетъ огромный интересъ для антропологии — основной догматъ которой неизмѣняемость головного указателя поколебленъ столь рѣшительно этимъ открытіемъ, то еще интереснѣе вопросъ о причинахъ открытыхъ Боасомъ явленій. Какъ мы видѣли изъ изложенія работы Цольшана, существуетъ цѣлая школа, не раздѣляющая теоріи неизмѣнности головного указателя и допускающая возможность его измѣненія. Но и по ученію этой школы измѣненіе эго происходитъ подъ вліяніемъ причинъ длительныхъ — климатическихъ, топографическихъ, социальныхъ и т. д. Въ частности, у Цольшана, на примѣръ, такимъ факторомъ является интеллектуальная дѣятельность, дѣйствующая на форму головы медленными механическими измѣненіями на протяженіи столѣтій. Въ фактахъ, открытыхъ Боасомъ, мы видимъ, что измѣненія въ длинѣ и ширинѣ головы происходятъ сразу подъ вліяніемъ единственнаго момента, рожденія индивида въ Америкѣ. Поэтому, естественнѣе всего было искать причину этого феномена въ явленіяхъ, сопутствующихъ ребенку въ первое время послѣ появленія его на свѣтъ. Пытались искать объясненія внезапнаго измѣненія формы головы рожденныхъ въ Америкѣ иммигрантовъ механическими причинами, вызываемыми новыми способами ухода за ребенкомъ. Въ Европѣ, какъ извѣстно, иммигранты изъ низшихъ классовъ привыкли дѣтей пеленать, и дѣти обыкновенно первое время лежатъ на спинѣ, такъ что голова испытываетъ наибольшее давленіе со стороны затылка и потому она больше развивается въ ширину.

чѣмъ въ длину. Въ Америкѣ иммигранты скоро бросаютъ пеленаніе, и ребенокъ имѣетъ возможность лежать на боку, и такимъ образомъ голова развивается больше въ направленіи длиннголовости. Боасъ приводитъ очень вѣскіе доводы противъ этого предположенія, но самое наглядное доказательство несостоятельности этого объясненія заключается въ томъ, что одна и та же причина (болѣе свободное положеніе ребенка) вызываетъ совершенно противоположные результаты у дѣтей разныхъ національностей: у евреевъ оно вызываетъ удлинненіе головы, у чеховъ уменьшается какъ длина, такъ и ширина головы, а у сицилійцевъ уменьшается длина, а ширина увеличивается. Пытались объяснить это явленіе также рахитизмомъ, вызывающимъ большую пластичность черепныхъ костей, но, оказывается, среди чеховъ и евреевъ рахитизмъ менѣе распространенъ въ Нью-Йоркѣ, чѣмъ на ихъ старой родинѣ. Нельзя искать объясненія также въ внѣбрачныхъ связяхъ иммигрантовъ. Измѣренія цѣлыхъ семей показали такую правильную корреляцію между чертами родителей и дѣтей, что о внѣбрачныхъ вліяніяхъ не можетъ быть рѣчи. Не можетъ быть рѣчи и о вліяніи смѣшанныхъ браковъ, особенно у евреевъ, у которыхъ такіе браки являются рѣдкимъ исключеніемъ.

Разбираемое явленіе Боасъ считаетъ аналогичнымъ съ наблюденіями, произведенными Аммономъ въ Баденѣ и Ливи въ Италіи надъ измѣненіями, которымъ подвергаются сельскіе элементы съ переселеніемъ въ крупные города. Въ Баденѣ, напр., городское населеніе, значительно выросшее въ послѣднее время вслѣдствіе прилива сельскаго населенія, въ противоположность длиннголовости послѣдняго, — въ массѣ оказывается короткоголовымъ. Но Боасъ отвергаетъ объясненіе Аммона, будто бы въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ подборъ, по которому именно короткоголовые и уходятъ въ города. Измѣренія американскихъ иммигрантовъ показываютъ, что въ данномъ случаѣ никакого подбора нѣтъ, такъ какъ иммигранты, родившіеся въ Европѣ, обнаруживаютъ головной показатель совершенно тождественный съ обычными показателями на ихъ родинѣ.

Но и самъ Боасъ не рѣшается дать рѣшительнаго объясненія открытыхъ имъ явленій. Онъ, правда, говоритъ о вѣроятности вліянія новыхъ условій существованія и среды, но вѣдь эти вліянія одинаково должны дѣйствовать и на дѣтей, родившихся въ Европѣ, но выросшихъ въ Америкѣ; далѣе, онъ не рѣшается указать точнѣе, какія именно вліянія, физическія или психическія играютъ рѣшающую роль, хотя казалось бы самая внезапность измѣненій прежде всего должна была говорить за вѣроятность психическихъ вліяній, именно на родителей ребенка. За рѣшающее значеніе этихъ послѣднихъ говоритъ, мнѣ думается, и тотъ фактъ, что изъ всѣхъ обследованныхъ національностей одни шотландцы не обнаружили никакихъ антропологическихъ измѣненій, именно, быть можетъ,

потому, что условія городской жизни въ Шотландіи не столь рѣзко отличаются отъ таковыхъ въ Америкѣ. Большинство обследованныхъ шотландцевъ принадлежитъ къ торговому и ремесленному классу.

Научная осторожность ученаго антрополога, привыкшаго проводить себя на каждомъ шагу методами высшей математики, заставляетъ Боаса быть также крайне осторожнымъ въ вопросѣ о дальнѣйшемъ процессѣ открытыхъ имъ явленій. „Хотя, говоритъ онъ, длинноголовые сицилійцы становятся болѣе круглоголовыми, а круглоголовые чехи и евреи болѣе длинноголовыми, нельзя утверждать, что въ концѣ концовъ они сольются въ одинъ общій типъ, потому что мы не знаемъ, какъ долго эти измѣненія будутъ продолжаться и приведутъ ли они къ тому же самому результату... Пластичность тѣла не предполагаетъ обязательно, что эта пластичность безгранична“. Рѣшеніе этихъ вопросовъ—дѣло будущаго, дѣло тѣхъ, которые пожелаютъ продолжать работу Боаса.

Въ этомъ отношеніи еврейскимъ антропологамъ въ Россіи открывается богатая перспектива плодотворной дѣятельности. Нужно признаться, что еврейское населеніе Россіи вообще очень мало изучено въ антропологическомъ отношеніи. Антропологи оперировали до сихъ поръ сотнями случаевъ и при этомъ дѣйствовали шаблонными методами. Открытіе Боаса ставитъ передъ еврейскими антропологами совершенно новую задачу. Необходимо не только увеличить количество наблюденій, но производить эти наблюденія въ различныхъ классахъ населенія и въ различныхъ пунктахъ съ различными условіями климата, среды и социальныхъ условій. Необходимо изучить антропологию евреевъ внѣ черты, въ Сибири, въ крупныхъ интеллигентныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Харьковъ и т. д. Необходимо специальная анкета среди еврейской студенческой молодежи, а въ чертѣ необходимо обследовать еврейское населеніе по отдѣльнымъ территориямъ и профессиональнымъ особенностямъ. Огромный интересъ въ частности представило бы обследованіе евреевъ-земледѣльцевъ.

Необходимо, наконецъ, поставить на широкую ногу обследованіе аронитовъ, едва только начатое. Специальное вниманіе должно быть обращено при будущихъ изслѣдованіяхъ на изученіе цѣлыхъ семей, на генеалогію въ отношеніи профессіи, социального положенія и интеллигентности.

Работа эта, конечно, не подъ силу одному человѣку, но среди евреевъ достаточно научно-подготовленныхъ людей, особенно среди врачей, которые могли бы посвятить свои досуги этому крайне важному научному дѣлу. Эта коллективная работа еврейской интеллигенціи дала бы цѣннѣйшій матеріалъ для выясненія проблемы, такъ геніально выдвинутой евреемъ-антропологомъ, Боасомъ, и мы не сомнѣваемся, что среди всѣхъ круговъ еврейскаго общества такая работа вызоветъ широкое сочувствіе и содѣйствіе.

Въ частности, богатѣйшее поле для антропологическихъ изслѣдованій въ указанномъ выше направленіи представляютъ Петербургъ, Москва и др. крупные интеллигентные центры, гдѣ достаточно значителенъ старый классъ состоятельныхъ и интеллигентныхъ элементовъ, гдѣ еврейская молодежь сосредоточена массами и гдѣ измѣренія вдобавокъ не вызывали бы предразсудочнаго отношенія среди населенія. Въ этихъ пунктахъ, наконецъ, нашлось бы достаточно лицъ, подготовленныхъ или которыхъ легко было бы подготовить къ антропологическимъ работамъ.

Л. Штернбергъ.

Замѣтки и сообщенія.

Официальная переписка о прекращеніи колонизаціи евреевъ въ Новороссійскомъ краѣ (1862).

Указъ 30 мая 1866 года „объ отмѣнѣ особыхъ постановленій о переселеніи евреевъ въ земледѣльцы“ обозначилъ извѣстную грань въ политикѣ русскаго правительства по еврейскому вопросу. Правительство императора Александра II отказалось отъ той системы поощренія еврейскаго земледѣлія путемъ льготъ и денежныхъ пособій, которая практиковалась въ предшествовающія два царствованія. Было прекращено переселеніе различныхъ группъ евреевъ въ земледѣльческія колоніи Новороссійскаго Края на средства коробочнаго сбора, а уже отчисленные на переселеніе суммы приказано было обратить частію на устройство неводворенныхъ еще въ колоніяхъ прежнихъ переселенцевъ, частію на уплату недоимокъ по казеннымъ податямъ еврейскихъ обществъ (В. П. С. З., т. 41, № 43.354). Не сразу рѣшилось правительство на уничтоженіе системы экономической опеки надъ евреями. Указу 1866 года предшествовала предварительная официальная переписка по вопросу о цѣлесообразности дальнѣйшаго поощренія Новороссійской колонизаціи. Часть этой переписки удалось намъ извлечь изъ архива Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора. Она относится къ 1862 году и содержитъ: 1) запросъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, обращенный къ Кіевскому Генералъ-Губернатору по поводу отзыва Остзейскаго его коллеги о нецѣлесообразности расходованія суммъ коробочнаго сбора на переселеніе мѣстныхъ евреевъ въ Новороссійскія земледѣльческія колоніи, 2) отвѣтъ Кіевскаго Генералъ-Губернатора о полномъ его согласіи съ этимъ отзывомъ. Официальныя объясненія о причинахъ неудачи еврейской земледѣльческой колонизаціи, въ связи съ упомянутымъ результатомъ этой переписки, придають особый историческій интересъ нижеслѣдующимъ документамъ.

I.

Запросъ Министерства внутреннихъ дѣлъ (Хозяйственный департаментъ) Кіевскому Военному, Подольскому и Волинскому Генераль-Губернатору, отъ 28 января 1862 г., № 143.

Въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, въ которые мѣстное начальство Остзейскихъ губерній не переставало принимать постоянныя мѣры къ переселенію живущихъ тамъ бѣдныхъ еврейскихъ семействъ, особенно изъ Курляндской губерніи, въ Екатеринбургскую, — мѣры эти не привели къ желаемымъ результатамъ.

Препятствія, встрѣчаемыя къ осуществленію этихъ предположеній, заключаются главнѣйше въ слѣдующемъ:

Въ 1855 году, Попечительный Комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ въ южномъ краѣ Россіи признавалъ невозможнымъ принимать на себя расселеніе прибывшихъ туда евреевъ для занятій земледѣліемъ, по случаю бывшихъ тогда неурожаевъ и происходящихъ отъ этого затрудненій въ продовольствіи вообще лицъ, являющихся туда съ цѣлью колонизаціи.

Въ 1856 году, этотъ же Комитетъ отзывался, что, по причинѣ дороговизны на всѣ жизненные припасы, отъ бывшихъ тогда военныхъ обстоятельствъ, онъ рѣшительно не находитъ средствъ въ водвореніи на мѣста постояннаго жительства прибывающихъ въ его распоряженіе новыхъ пришельцевъ.

Въ 1858 году, по сообщеннымъ Комитетомъ свѣдѣніямъ, въ колоніальномъ вѣдомствѣ южнаго края было множество семействъ, не поселенныхъ на мѣста постоянныя, — что по необходимости должно было приостановить выпускъ туда изъ прочихъ мѣстъ Россіи новыхъ поселенцевъ.

Въ этомъ же году, Министерство Государственныхъ Имуществъ заявляло, что причины, побудившія предъ тѣмъ временемъ приостановиться выпускомъ евреевъ въ Новороссійскій край, не устранились и въ то время, именно: чрезвычайная дороговизна строительныхъ и прочихъ матеріаловъ, начавшая возрастать съ открытія тамъ военныхъ дѣйствій, недостатокъ въ рабочихъ и крайнее уменьшеніе камыша и соломы, — и что все это поставило мѣстное начальство въ положительную невозможность водворять тамъ евреевъ предоставленными ему денежными средствами.

Наконецъ въ 1860 году, Попечительный о поселенцахъ Комитетъ сообщилъ, что если съ 1861 года и можно будетъ приступить къ переселенію евреевъ въ южный край, то не иначе, какъ при увеличеніи отпускаемыхъ изъ суммъ коробочнаго сбора денегъ на постройку жилищъ и хозяйственное обзаведеніе пришельцевъ, съ 170 рублей до 383 рублей по меньшей мѣрѣ, и при томъ лишь только тогда приступить къ отправленію переселяющихся на мѣста ихъ новаго жительства, когда, согласно распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ, будутъ уже приготовлены для нихъ жилия постройки.

Независимо отъ сего, есть всѣ данныя разсчитывать, что евреи и сами нынѣ съ крайнею неохотою будутъ принимать предложенія о переселеніи ихъ въ южный и Новороссійскій край Россіи, такъ какъ дошедшіе до нихъ отъ единовѣрцевъ слухи о всѣхъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ водворенія переселенцевъ въ Новороссійскомъ краѣ не могли не вызвать въ нихъ сильнаго предубѣжденія противъ переселенія. Впрочемъ, если бы нѣкоторые изъ нихъ и согласились на эту мѣру, то при чрезвычайной дороговизнѣ на всѣ предметы первой необходимости издержки на переселеніе и окончательное водвореніе евреевъ на мѣстахъ новой осѣдности неизбежно увеличатся почти до 500 рублей на каждое семейство; съ чѣмъ вмѣстѣ мѣра эта не только не поведетъ къ цѣли, для которой она предпринята, т. е. къ улучшенію благостоянія тѣхъ евреевъ, которые останутся на мѣстахъ ихъ настоящаго жительства, а напротивъ повлечетъ за собою обѣднѣніе ихъ, такъ какъ общества, для освобожденія себя отъ незначительнаго числа недостаточныхъ своихъ членовъ, должны бы были употребить большія суммы.

Сообщая о вышеизложенномъ на усмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Г. Остзейскій Генералъ-Губернаторъ присовокупилъ, что, по приведеннымъ имъ свѣдѣніямъ и соображеніямъ, было бы нынѣ полезно въ отношеніи евреевъ Курляндской губерніи:

1. Прекратить отчисленіе изъ мѣстнаго коробочнаго сбора денегъ на переселеніе тамошнихъ евреевъ въ Новороссійскій край, тѣмъ болѣе что, при обременительности лежащихъ на нихъ податей и налоговъ и при крайней бѣдности еврейскихъ обществъ особенно небольшихъ городовъ, необходимо всячески заботиться объ устраненіи мѣръ, отяготительныхъ для нихъ и не достигающихъ цѣли, и что отчисленіе на изъясненный предметъ денегъ было до сихъ поръ одною изъ главныхъ причинъ накопленія на еврейскихъ обществахъ податныхъ недоимокъ, взысканіе которыхъ становится все болѣе затруднительнымъ.

и 2. Накопившіяся по настоящее время отъ сказаннаго отчисленія суммы обратить, по принадлежности, на пополненіе числящихся на еврейскихъ обществахъ податныхъ и другихъ казенныхъ недоимокъ, а могущіе затѣмъ образоваться остатки на устройство и содержаніе общественныхъ и благотворительныхъ еврейскихъ заведеній, или на уплату текущихъ податей, по желанію самихъ обществъ и съ утвержденія мѣстныхъ губернскихъ начальствъ.

Какъ всѣ изложенныя г. Генералъ-Адъютантомъ барономъ Ливеномъ данныя, послужившія основаніемъ къ настоящему его предположенію, могутъ имѣть одинаковое отношеніе и къ евреямъ, жительствовавшимъ во ввѣренныхъ Вашему Сіятельству губерніяхъ, и какъ опытъ показалъ, что вообще переселенія евреевъ для занятій земледѣліемъ не сопровождались благопріятными результатами; то Министерство, предварительно какого либо распоряженія, по изъясненному предположенію г. Остзейскаго Гене-

ралъ-Губернатора, признало нужнымъ имѣть въ виду по этому же предмету свѣдѣнія и заключенія мѣстныхъ губернскихъ начальствъ, равно какъ и отзывъ Вашего Сіятельства о томъ, не слѣдуетъ ли предлагаемая г. Генералъ-Адъютантомъ барономъ Ливеномъ мѣры распространить и на губерніи ввѣренныя Вамъ, Милостивый Государь.

Сообщая о семъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Сіятельство о послѣдующемъ почтить увѣдомленіемъ.

Подлинное за надлежащими подписями.

II.

Отвѣтъ Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора
отъ 25 октября 1862 г., № 9303.

По поводу сообщеннаго на усмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ предположенія Остзейскаго Генералъ-Губернатора о прекращеніи переселенія бѣдныхъ еврейскихъ семействъ изъ Остзейскихъ губерній въ Новороссійскій край, такъ какъ мѣра эта, при значительности издержекъ на водвореніе переселенцевъ въ мѣстахъ новаго ихъ поселенія, не ведетъ къ цѣли, для которой она принята, т. е. къ улучшенію благосостоянія евреевъ, остающихся на мѣстахъ настоящаго ихъ жительства,—Ваше Высочайшее Превосходительство, принявъ въ соображеніе, что данныя, послужившія основаніемъ означеннаго предположенія могутъ имѣть одинаковое отношеніе и къ евреямъ ввѣренныхъ управленію моему губерній и что вообще переселенія евреевъ для занятій земледѣліемъ не сопровождались благоприятными результатами, признали нужнымъ имѣть въ виду свѣдѣнія и заключенія по сему предмету губернскихъ начальствъ ввѣреннаго мнѣ края и отзывъ мой о томъ, не слѣдуетъ ли помянутыя предположенія Генералъ-Адъютанта Барона Ливена распространить и на послѣдній край, о чемъ изволили сообщить мнѣ въ отношеніи отъ 28 января сего года, за № 143, и требованія о послѣдующемъ увѣдомленія.

Кіевское, Подольское и Волынское Губернскія Управленія, отъ которыхъ въ свое время требуемы были мною надлежащія по сему предмету свѣдѣнія и соображенія, увѣдомили меня вслѣдствіе этого, что распространеніе предположенія Г. Остзейскаго Генералъ-Губернатора на подвѣдомственные имъ губерніи по мѣстнымъ обстоятельствамъ признается не только полезнымъ, но и совершенно необходимымъ. И какъ въ здѣшнемъ краѣ перечисленіе евреевъ въ земледѣльцы, не достигая равнымъ образомъ предположенной Правительствомъ цѣли, принималось евреями только какъ средство избѣжанія отъ исполненія Государственныхъ повинностей и не имѣло никакого вліянія на развитіе между ними влеченія къ земледѣльческому труду, а слѣдовательно и на улучшение самаго земледѣлія, то было бы даже весьма полезнымъ совершенно прекратить дальнѣйшее перечисленіе евреевъ въ земледѣльцы и отчисленіе на этотъ пред-

метъ процентовъ изъ коробочныхъ суммъ. Что же касается вопроса, куда слѣдуетъ обратить отчисленные уже изъ коробочныхъ сборовъ на перечисленіе евреевъ въ земледѣльцы суммы, то Волынское Губернское Управленіе, принявъ въ соображеніе, что содержаніе учрежденнаго въ г. Житомирѣ еврейскаго ремесленнаго училища отнесено уже на счетъ капитала, образовавшагося изъ суммъ, отдѣляемыхъ отъ коробочнаго сбора на перечисленіе евреевъ въ земледѣльцы, полагаетъ: половину этого капитала, въ суммѣ 28928 рублей 99¹/₄ коп., оставить для сей пѣли неприкосновеннымъ, чтобы процентами отъ него и отчисляемыми по предположенію на настоящее четырехлѣтіе на земледѣльческій капиталъ 3⁰/₁₀₀ отъ суммы общаго коробочнаго сбора—содержать въ г. Житомирѣ ремесленное еврейское училище; другую же половину сего капитала употребить въ пособіе еврейскимъ обществамъ на пополненіе ими недоимокъ податныхъ и свѣчнаго сбора.—Кіевское Губернское Управленіе полагаетъ часть капитала, отчисленнаго изъ коробочныхъ суммъ на водвореніе евреевъ на хлѣбопашествѣ, обратить въ единовременное пособіе для тѣхъ казенныхъ еврейскихъ колоній Кіевской губерніи, о которыхъ получено будетъ удостовѣреніе Палаты Государственныхъ Имуществъ, основанное на положительныхъ доказательствахъ, что упадокъ хозяйства этихъ колонистовъ послѣдовалъ не отъ собственнаго ихъ нерадѣнія, а отъ несчастныхъ случаевъ, отклонить которые не представлялось для колонистовъ никакой возможности. Остальныя же затѣмъ деньги изъ сего источника употребить на уплату недоимокъ свѣчнаго сбора, дошедшихъ до значительныхъ размѣровъ—Подольское же Губернское Управленіе находитъ необходимымъ весь капиталъ, образовавшійся на перечисленіе евреевъ въ хлѣбопашцы, обратить на уплату недоимокъ въ податяхъ и въ особенности по свѣчному сбору.

Сообщая о вышеизложенномъ на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства и препровождая при семъ подлинныя представленія по настоящему предмету Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго Губернскихъ Управленій за №№ 3186, 3114 и 5869, имѣю честь присовокупить, что по изложеннымъ въ этихъ представленіяхъ уваженіямъ, я вполнѣ раздѣляю какъ мнѣніе Генераль-Адъютанта Барона Ливена о безполезности дальнѣйшаго переселенія евреевъ въ Новороссійскій край для занятія ихъ хлѣбопашествомъ, такъ равно и предположенія подвѣдомственныхъ мнѣ Губернскихъ начальствъ о прекращеніи перечисленія евреевъ въ земледѣльцы вообще.

И. Галантъ.

Гоненія на еврейскую одежду (1871).

Принято думать, что воздвигнутое въ царствованіе Николая I гоненіе на „еврейскую одежду“ не пережило этого царствованія. Походъ администраціи на длинные кафтаны, пейсы и бороды

евреевъ и на головной уборъ евреекъ ассоціируется въ нашихъ представленіяхъ съ приемами дореформенной эпохи, когда надъ передѣлкой еврея трудилась государственная мудрость совершенно примитивнаго свойства. Но вотъ передъ нами документы свидѣтельствующіе о томъ, что этотъ походъ продолжался и въ царствованіе Александра II, хотя въ данномъ случаѣ — въ одномъ только Царствѣ Польскомъ. Изъ одного историческаго сообщенія ¹⁾ мы знаемъ, что въ концѣ 1870 г. въ Государственномъ Совѣтѣ вдругъ всплылъ вопросъ о примѣненіи архаическаго запрета еврейской одежды и рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ императоръ Александръ II почему-то придавалъ особенное значеніе этой „реформѣ“ и въ своей резолюціи требовалъ, чтобы правила объ одеждѣ „были впредь соблюдаемы (въ Царствѣ Польскомъ) во всей ихъ полнотѣ“. Хотя намѣстнику графу Бергу было при этомъ предоставлено право допускать при примѣненіи правилъ „измѣненія, которыя по особымъ обстоятельствамъ и духу времени будутъ признаны неотложными“, — однако администрація въ своемъ исполнительномъ усердіи дѣйствовала совершенно въ духъ стараго Николаевского времени. Нижеслѣдующіе документы присланы намъ въ подлинникахъ сыномъ Кѣлецкаго раввина, С. М. Іерусалимскимъ) рисуютъ трагикомическую картину этого похода администраціи въ одной губерніи — Кѣлецкой. Эти четыре „декрета“ запаснаго офицера земской стражи Михельсона на имя Кѣлецкаго Божничнаго дозора заслуживаютъ быть увѣковѣченными въ лѣтописи минувшаго даже съ своей самобытной орѳографіей (каждый изъ нихъ носитъ заглавную помѣтку „о Еврейской одѣждѣ“).

Ред.

№ 1.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Запасный офицеръ земской стражи Кѣлецкой губерніи. № 355. 2-го Апрѣля мѣсяца 1871 года, г. Кѣльцы.

Весьма нужно! Старшинамъ Еврейскаго Общества Кѣлецкаго Божницкаго Округа.

Вслѣдствіе личнаго приказанія и. д. Кѣлецкаго Губернатора, въ дополненіе отношеній моихъ отъ 8 и 15 Марта сего года за №№ 125 и 150, довожу до свѣдѣнія и немедленнаго исполненія:

1-е, Что если мною будетъ замѣчено, что проживающіе въ го-

¹⁾ „Борьба правительства съ еврейскою одеждою“ (Сборникъ „Пережитое“, томъ I, стр. 16—18 второго отдѣла). Неуказаніе источника въ этой статьѣ обезцѣниваетъ ея весьма интересныя официальные данныя, заимствованныя частію (относительно Царства Польскаго) изъ рѣдкихъ „Матеріаловъ Комиссіи по устройству быта евреевъ“. Спб. 1874.

родѣ Кѣльцахъ Евреи и Еврейки невыполнили добровольно въ назначенный имъ льготный срокъ, т. е. къ 1 числу сего мѣсяца, обязательства въ отношеніи правилъ о еврейской одеждѣ, то за упущеніе хотя бы одного пункта этихъ правилъ они подвергнутся, безъ всякихъ оправданій, аресту, лишенія(ю) права торговать и выѣзда (у) изъ города Кѣльцы.

2-е, Отличіе между русскимъ сюртукомъ и нѣмецкимъ слѣдующее: длина перваго 8 вершковъ отъ земли, а второй до колѣнъ. Русский сюртукъ имѣетъ сшитый станъ съ полами, двубортный, передъ безъ кармановъ, сзади отъ стана разрѣзъ и прямыя карманы во шву безъ клапановъ.

3-е, Верхняя одежда какъ то: шинели съ длинными воротниками или безъ оныхъ, чекмень (algierki), шубы, тулупы и т. п. могутъ быть длиною по щеколадку.

4-е, Еврейкамъ строжайше подтверждается небрить головы (за исключеніемъ больныхъ, которые обязаны взять свидѣтельство городского врача Анджеіовскаго), и если немного подросли ихъ волосы, то временно дозволяется носить парики изъ волосъ подъ низко на лобъ опущеннымъ чепцомъ, или женскую шляпу съ лентами подъ подбородкомъ (вмѣсто пружинъ), или головные платки повязанные по русски.

5-е, Увѣдомить меня, кто именно брѣетъ евреекъ? для отобранія отъ нихъ подписокъ, чтобы они подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности не смѣли брить здоровыхъ евреекъ.

6-е, Еврейскія (е) мальчики подлежатъ тѣмъ же правиламъ, а за ослушаніе ихъ будутъ подвержены отвѣтственности ихъ родители или опекуны.

7-е, Иностранные евреи и еврейки, проживающіе въ городѣ Кѣльцы кратковременно по заграничнымъ паспортамъ и неимѣющіе никакой осѣдлости, освобождены на время отъ этихъ обязательствъ; всѣ же остальные подчиняются этимъ правиламъ на равнѣ съ постоянными жителями Кѣлецкаго Еврейскаго Общества русскими подданными.

8-е, Изъ представленныхъ при рапортѣ сего числа за № 55 образчиковъ шерстяныхъ, полушерстяныхъ, бумажныхъ матерій сюртуковъ шить разрѣшается.

О чемъ немедленно объявить Обществу въ божницѣ.

Капитанъ *Михельсонъ*.

№ 2.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Заласный офицеръ земской стражи Кѣлецкой губерніи. № 360. 6 Апрѣля мѣсяца 1871 года. г. Кѣльцы.

Кѣлецкому Еврейскому Божничному Надзору.

Упомянутые въ рапортѣ отъ 29 Марта с. г. за № 54 Евреи Гутманъ Рапопортъ и Мордка Гольрадъ, исполняющіе духовныя должности, во первыхъ неутверждены Начальствомъ въ этихъ должностяхъ, во-вторыхъ по распоряженію Правительственной

Коммисіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ отъ 7/19 Февраля 1851 года за № 6.240/2.769, подлежатъ безусловно общимъ правиламъ, относительно перемѣны еврейской одежды, а потому немедленно объявить Гутману Рапопорту и Мордку Гольдраду, чтобы они измѣнили одежду свою на русскую, или на нѣмецкую по собственному ихъ выбору, и чтобы обрѣзали пейсы по верхней части уха, во избѣжаніи, въ противномъ случаѣ, за ослушаніе протоколярнаго взысканія*).

Капитанъ *Михельсонъ*.

№ 3.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Запасный офицеръ земской стражи Кѣлецкой губерніи. № 400. 22 Апрѣля мѣсяца 1871 года. г. Кѣльцы.

Кѣлецкому Еврейскому Божничному Надзору.

И. д. Кѣлецкаго Губернатора циркулярными предписаніями отъ 13 и 17 текущаго Апрѣля, за №№ 969 и 999, пояснилъ.

1-ое, Что такъ какъ въ Высочайшемъ повѣленіи объ уничтоженіи въ еврейской одеждѣ допускавшихся доселѣ особыхъ исключеній для иностранцевъ (?) и какъ всѣ проживающіе въ Государствѣ должны безусловно подчиняться существующимъ въ немъ узаконеніямъ, то безъ сомнѣнія евреи, проживающіе въ г. Кѣльцы, хотя бы иностранные подданные, должны подчиняться въ точности тѣмъ правиламъ о ношеніи одежды, которыя изложены въ циркулярныхъ предписаніяхъ отъ 1 и 12 минувшаго Марта мѣсяца за №№ 626 и 714.

2-ое, Объявилъ: что Его Сіятельство, предлагая наблюдать за непремѣннымъ исполненіемъ существующихъ правилъ объ еврейской одеждѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшилъ, чтобы евреямъ не было воспрещено носить бороды, такія же какія носятъ лица другихъ исповѣданій, то есть: обыкновенной круглой формы, но не остроконечныя, иногда какъ бы завитыя или къ низу раздвоенныя, **) и

3-е, Еврейкамъ вышедшимъ замужъ до 15 февраля сего года дозволить носить парики изъ волосъ; тѣмъ же, которыя вышли и выйдутъ замужъ послѣ этаго срока, недозволять брить головы, подъ опасеніемъ подверженія установленному взысканію, какъ не исполняющихъ сіе, такъ равно мужей ихъ и раввиновъ.

Прошу немѣдленно извѣстить о томъ всѣхъ евреевъ русскихъ и иностранныхъ подданныхъ, проживающихъ въ городѣ Кѣльцы.

Капитанъ *Михельсонъ*.

*) По сообщенію г. Іерусалимскаго, оба эти лица были уважаемыми въ городѣ духовными пастырями. Рабби Товія-Гутманъ Рапопортъ занималъ въ Кѣльцахъ постъ раввина около сорока лѣтъ.

**) Курсивъ подлинника.

№ 4.

С. Е. О. К. Б. О. Апрѣля 26. № 59. г. Кѣльцы.
Его Высокоблагородію Г. З. О. З. С. Кѣлец. Губер.

Рапортъ.

Вслѣдствіе отзыва вашего отъ 22 Апрѣля с. г. за № 400,—имѣю честь донести, что въ 24 сего м-ца объявлено было всемъ Евреямъ жителямъ города Кѣльцы, въ всехъ Молитвенныхъ домахъ въ здѣшнымъ городѣ.

Старшина . . .

№ 5.

Министерство внутреннихъ дѣлъ. Запасный офицеръ земской стражи Кѣлецкой губерніи. № 560. 28 Мая мѣсяца 1871 года. г. Кѣльцы.

Кѣлецкому Еврейскому Божничному Надзору.

И. д. Кѣлецкаго Губернатора предписаніемъ отъ 19 сего Мая, за № 1.292, увѣдомилъ меня циркулярно, что Господинъ Намѣстникъ изволилъ разрѣшить евреямъ, имѣющимъ одежду *русскаго* покроя, носить бороды въ *натуральномъ ихъ* видѣ, то есть *неподстриженныя*. О каковомъ распоряженіи Господина Намѣстника въ *дополненіе прежнихъ предписаній о ношеніи еврейской одежды и другихъ отличительныхъ знакахъ* сообщаю для надлежащаго свѣдѣнія и руководства.

Капитанъ *Михельсонъ*.

Сообщ. С. Іерусалимскій.

Еврейскій «отдѣлъ» въ Екатеринославскомъ областномъ музеѣ имени А. Н. Поля.

Въ Екатеринославѣ имѣется музей имени А. Н. Поля, въ которомъ находятся предметы, касающіеся археологіи и этнографіи Приднѣпровья и Запорожья. Покойный Поля энергично дѣлалъ раскопки въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ, и ему первому принадлежитъ открытіе громадныхъ минеральныхъ и рудныхъ богатствъ края. Для увѣковѣченія его памяти, городъ и земство учредили музей его имени, помѣщающійся въ роскошномъ, прекрасно отдѣланномъ, собственномъ зданіи. Каталогъ предметовъ, находящихся въ музеѣ, составляетъ объемистую книгу in quarto, въ 426 страницъ. Между тѣмъ еврейскій отдѣлъ представленъ здѣсь крайне скудно и частью весьма своеобразно.

Имѣются четыре серебряныя монеты; на одной изъ нихъ значится еврейская надпись „Іерушалаимъ гакойша“ (Святой Іерусалимъ). Монеты эти считались нѣкоторое время новодѣльными.

Но директоръ музея, профессоръ археологіи Д. И. Эварницкій говорилъ мнѣ, что монеты — настоящія и относятся ко времени Христа ¹⁾).

Затѣмъ имѣются въ музеѣ три картины на еврейскіе сюжеты:

1) Картина на картонѣ, писанная масляными красками, начала XVIII вѣка. Озаглавлена она: „Свинья проглотила жида“. Изъ рта свиньи торчатъ пятки ногъ въ туфляхъ и чулкахъ, а изъ подъ хвоста—голова еврея, ко рту котораго другой еврей подноситъ рюмку какого-то напитка. На фонѣ картины—парубки, дивчины и прочія принадлежности малороссійскаго пейзажа.

2) Картина, писанная масляными красками на полотнѣ, озаглавлена „Свинья проглотила раввина“. Картина, какъ объяснилъ мнѣ проф. Эварницкій, относится къ началу XIX-го вѣка. Сюжетъ ея тотъ-же: изъ соотвѣтствующихъ мѣстъ торчатъ пятки и голова еврея. Спереди и сзади стоятъ два еврея. Ихъ фигуры выражаютъ не то удивленіе, не то отчаяніе.

Итакъ, мы видимъ, что на протяженіи ста лѣтъ одинъ и тотъ же „остроумный сюжетъ“, продуктъ малороссійскаго юмора, вдохновлялъ художниковъ. Этими картинами, висѣвшими на стѣнахъ, любовалось не одно поколѣніе малороссовъ. Не приходится много говорить о томъ, какія чувства картины эти внушали малороссамъ къ ихъ историческимъ сосѣдямъ—евреямъ.

Тотъ же сюжетъ фигурируетъ на старинной цинковой пепельницѣ, имѣющей $15 \times 8\frac{1}{2}$ сант., находящейся въ музеѣ и относящейся къ семидесятымъ годамъ XVII-го столѣтія.

3) Картина довольно большихъ размѣровъ; въ центрѣ ея—запорожскій вождь, по прозвищу „Мамай“, играющій на бандурѣ. Пейзажъ довольно мирный: пасется лошадь на зеленомъ лугу; въ сторонѣ — тѣнистое дерево; на одномъ изъ вѣтвей дерева... двое повѣшенныхъ—ляхъ и іудей.—„Такъ всегда забавлялся Мамай“—объяснилъ мнѣ проф. Эварницкій.

Среди многочисленнаго, найденнаго въ различныхъ раскопкахъ, оружія запорожцевъ находятся два клинка—коротенькіе мечи съ деревянными рукоятками. Клинки эти называются „священные“. Святилъ ихъ въ Мотренинскомъ монастырѣ игумень Мельхиседекъ, и во время Уманской рѣзни гайдамаки рѣзали ими евреевъ.

Вотъ и весь еврейскій „отдѣлъ“ въ музеѣ, находящемся въ городѣ съ 50 тысячнымъ еврейскимъ населеніемъ и въ центрѣ края, густо населеннаго евреями.

Б. Топоровскій.

¹⁾ Древніе серебряные шекели временъ Хасмонеевъ имѣли на одной сторонѣ надпись ל'ישראל , а на другой— $\text{יְהוֹשֻׁעַ בֶּן־נֵחֶמְיָא}$. Тожественны ли съ ними монеты екатеринославскаго музея и подлинны ли послѣднія—вопросъ, достойный вниманія археологовъ. Р е д.

Изъ историческихъ журналовъ.

1. Въ чаяніи монаршихъ милостей (1816—1818 г.)

Подъ этимъ заголовкомъ помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1910 г. (кн. III, ст. И. Г. Попруженко) заимствованныя изъ архива Н. Н. Новосильцева краткія записи о ходатайствахъ разныхъ лицъ на высочайшее имя, проходившихъ черезъ руки Новосильцева, какъ имперскаго комиссара при намѣстникѣ Царства Польскаго. Нижеприводимыя записи имѣютъ отношенія къ евреямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ связаны съ событіями войны 1812 года.

1. Еврей Лейзоръ Банашъ проситъ возвращеніи 5010 червонцевъ, слѣдуемыхъ ему по роспискѣ бригадира Баура за разныя работы для конноегерскаго полка, стоявшаго въ 1794 г. въ Варшавѣ.—Резолюція: Отказать за давностью времени (1816 г.)

2. Хаимъ Рейсхвельдъ (изъ Бѣлой Церкви) жалуется на неудовлетвореніе Австрійскимъ правительствомъ претензіи его, простирающейся до 800.000 р. сер. за поставку въ 1804 году быковъ, и проситъ, дабы повелѣно было дѣла его въ Австріи относительно сей претензіи препоручить покровительству и попеченію тамошняго Россійскаго посланника, и чтобы до окончанія тѣхъ дѣлъ охранить его отъ кредиторовъ.—Резолюція: препроводить графу Нессельроде на разсмотрѣніе (1816 г.).

3. Дочери Бродскаго купца Израиля Ашкинази, Елена Самсонъ и Марія Ашкинази, просятъ объ удовлетвореніи отца ихъ за забранную у него въ 1812 г. правительствомъ бывшаго Герцогства Варшавскаго пшеницу—15,514 корцовъ ¹⁾. При этомъ объявили, что изъ этого количества 4.644 корцовъ пошло для Французскихъ войскъ, а остальное для польскихъ.—Резолюція: препроводить въ Совѣтъ на разсмотрѣніе и представленіе Его Императорскому Величеству мнѣнія своего (1816 г.).

4. Еврей Гиршъ Мозесъ проситъ о пожалованіи ему пенсіона въ вознагражденіе усердія его, коимъ вспомоствовалъ онъ въ 1813 г. ко взятію близъ Калиша 800 человекъ непріятеля въ плѣнъ съ нѣсколькими пушками.—Резолюція: Отказать. (1816 г.).

5. Изобрѣтатель ариѳметической машины Еврей Авраамъ Штернъ ²⁾, удостоившійся вторично представить оную Вашему Императорскому Величеству въ усовершенствованномъ ея видѣ, всеподданнѣйше проситъ для обезпеченія своего пропитанія и дабы исключительно посвятить себя наукамъ, чтобы пожалованный ему въ годъ пенсіонъ, изъ 1200 польскихъ злотыхъ состоящій, былъ увеличенъ до 1200 талеровъ ежегодно.—Резолюція: „Переговорить съ намѣстникомъ и представить въ Администраціонный Совѣтъ средства къ удовлетворенію отчасти просьбы его и къ обращенію дарованій его съ пользою для земли“. Слѣдуетъ замѣтить, что прошеніе Штерна по-

¹⁾ Корецъ—четыре четверика.

²⁾ Извѣстный математикъ, преподаватель Варшавскаго раввинскаго училища.

ступило раньше другихъ и было первымъ доложено Государю 28 Сентября (1816 г.).

6. Кіевскій раввинъ Давидъ Слуцкій жалуется на похищеніе у него дочери Хаи и на претерпѣваемыя имъ по сему дѣлу въ Кіевѣ притѣсненія (1816 г.).

7. Еврей Якобъ Эбштейнъ ходатайствуетъ о позволеніи ему приобрести покупкою помѣстье и владѣть онымъ.

8. Евреи, „въ Царствѣ Польскомъ обитающіе“, всеподданнѣйше заявляютъ, что „ежели вдругъ отыметъ отъ Евреевъ позволеніе заниматься продажей напитковъ, то 200.000 семействъ лишатся пропитанія“ (1816).

9. Московскій купецъ Мокій Лаврентьевъ проситъ о назначеніи коммисіи для новаго разсмотрѣнія уже рѣшеннаго въ кассационномъ судѣ бывшаго Герцогства Варшавскаго дѣла его съ Варшавскимъ Евреемъ Розеномъ о векселѣ, данномъ имъ отъ его, Лаврентьева, имени Брацлавскому купцу Отенсосу (1816).

10. Варшавскій банкиръ Френкель проситъ о вознагражденіи за убытки, понесенные имъ при поставкѣ сукна для обмундированія Россійскихъ Войскъ (1816 г.).

11. Гершъ Мошковичъ Ерлихъ проситъ объ уплатѣ ему 13.666 злотыхъ съ грошами за поставку въ 1814 году продуктовъ для Россійскихъ войскъ (1818 г.).

12. Механикъ Штернъ ¹⁾ напоминаетъ „о высочайше обѣщанномъ ему въ 1816 году вспоможеніи для дальнѣйшихъ производствъ имъ машинъ“.

II. Къ исторіи введенія рекрутской повинности.

Въ „Еврейской Старинѣ“ (1909 г. т. II, стр. 256 сл.) былъ уже приведенъ разказъ Ципринуса о введеніи личной рекрутской повинности для евреевъ въ 1827 г. Тамъ, между прочимъ, рассказывалось о подкупѣ еврейскими дѣателями Н. Н. Новосильцева съ цѣлью предотвратить роковой указъ. Коррективъ къ этому разказу находимъ въ статьѣ Н. В. Кукольника „Анти-Ципринусъ: воспоминанія о Н. Н. Новосильцевѣ“ (Рус. Арх. 1873 г., кн. II, стр. 145):

....„Относительно Еврейской рекрутчины и взятыхъ якобы Н. Н-чемъ 20000 червонцевъ я не могу сказать ничего опредѣлительнаго, потому что я никогда не былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ Жидами; но я жилъ все это время, когда составлялся проектъ и послѣдовалъ указъ, въ Вильнѣ, въ самомъ средоточіи жидовства, и еслибъ существовало что нибудь подобное, то невозможно, чтобы кто нибудъ изъ нихъ о томъ не проговорился. Но ни я, ни кто либо изъ жителей здѣшняго края и намека на это обстоятельство не слышалъ. Недоброжелателей у Н. Н-ча въ здѣшнемъ краѣ было довольно, и извѣстно по какой причинѣ, и еслибъ передъ ними хотъ одинъ Жидъ проговорился, то поспѣшили бы тотчасъ передать эту вѣсть всему краю. А этого не было. А потому, какъ г. Ципринусъ представляетъ въ этомъ случаѣ въ доказательство себя, приводя разговоръ свой съ Мордухомъ, то я представляю въ такое же доказательство себя, утверждая по совѣсти, что объ этомъ происшествіи до появленія статьи г. Ципринуса я ничего не слышалъ“.

Сообщ. С. Бейлинъ.

²⁾ См. выше, № 5.

Книжная лѣтопись.

Kwartalnik poświęcony badaniu przeszłości Żydów w Polsce. Rocznik I. Zeszyt I. Warszawa, 1912. Pp. 160+23.

Появленіе польско-еврейскаго историческаго журнала въ Варшавѣ слѣдуетъ привѣтствовать, прежде всего, какъ новый шагъ въ дѣлѣ разработки одной изъ важнѣйшихъ частей общеврейской исторіи. Редакція новаго трехмѣсячника (Р. Кемпнеръ и др.), дѣлая удареніе на первой половинѣ эпитета (польско-еврейскій), особенно подчеркиваетъ во „вступительномъ словѣ“ значеніе своего предпріятія для польско-еврейской исторіографіи. Хотѣлось бы видѣть въ этомъ подчеркиваніи только мѣстный *façon de parler*, а не опредѣленную тенденцію, неумѣстную въ научномъ изданіи.

Лежащій передъ нами первый—и пока единственный—выпускъ варшавскаго трехмѣсячника открывается короткой статьей извѣстнаго польскаго историка Шимона Аскенази: „Въ эпоху Герцогства Варшавскаго“. Въ этомъ легкомъ эскизѣ, гдѣ едва намѣчены общіе контуры промежуточной эпохи, историческую цѣнность имѣютъ лишь два эпизода, почерпнутые авторомъ изъ неизданныхъ источниковъ. Мы узнаемъ изъ нихъ о настрoenіи польскаго правительства наканунѣ изданія суспенсивнаго декрета 17 октября 1808 г. объ отсрочкѣ на десять лѣтъ равноправія евреевъ въ Герцогствѣ¹⁾. Оказывается, что главный двигатель юдофобской политики, министръ юстиціи Лубенскій, былъ въ первые дни Герцогства сторонникомъ равноправія. По поводу петиціи варшавскихъ евреевъ объ отмѣнѣ стѣснительныхъ законовъ (3 декаб. 1807), Лубенскій въ отзывѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ Лучевскаго рѣшительно осуждаетъ предшествующій прусскій режимъ, обременявшій евреевъ Варшавы разными поборами, причемъ высказывается за примѣненіе къ евреямъ основной статьи конституціи Герцогства о равенствѣ гражданъ: „Правительство должно заняться этимъ важнымъ вопросомъ, имѣя предъ глазами примѣръ того народа и того великаго мужа, отъ котораго мы получили свое право“. Подражать Франціи и примѣру Наполеона признавалось нужнымъ въ февралѣ 1808 года (когда писался этотъ отзывъ) въ смыслѣ защиты равноправія, а въ мартѣ того же года, когда „великій мужъ“ издалъ „позорный декретъ“ о десятилѣтней пріостановкѣ равноправія для большинства евреевъ французской имперіи, его польскіе поклонники уже перемѣнили фронтъ и стали подражать его репрессивной политикѣ, результатомъ которой явился вышеуказанный суспенсивный декретъ въ Герцогствѣ. Такимъ образомъ, отношеніе Лубенскаго и вообще польскаго правительства къ евреямъ регулировалось вѣяніями изъ

¹⁾ См. Евр. Старину 1910 г., стр. 10 сл.; 1911 г., 458 сл.

Франції. Предчувствовали эти вѣянія, замѣтныя еще въ годы парижскаго Синедріона, министръ финнасовъ Герцогства — Дембовскій. Еще 4 марта 1808 г. онъ въ письмѣ къ Лучевскому оспариваетъ примѣненіе общей конституціи къ евреямъ, ибо этому „должно предшествовать измѣненіе всего того, что отличаетъ евреевъ отъ другихъ гражданъ“, а именно: „согласно конституціи, евреи не могутъ составлять государства въ государствахъ“ — не могутъ имѣть отдѣльныхъ кагаловъ, судовъ, судей, присягъ и даже особыхъ „обычаевъ и предразсудковъ“; они не вправѣ носить особую одежду, имѣть свою отдѣльную школу (хедець, іешива) и свой порядокъ воспитанія дѣтей, вообще они не должны „составлять отдѣльный родъ съ отдѣльными браками“. Когда евреи перестанутъ быть евреями и сдѣлаются только безплотными послѣдователями іудейскаго исповѣданія, конституція — по мнѣнію Дембовскаго — можетъ ихъ принять подъ свою защиту. Г. Аскенази, цитируя отзывъ Дембовскаго, не отмѣчаетъ всей дикости этого пониманія конституціоннаго равенства гражданъ, въ смыслѣ полного обезличенія національностей, и даже косвенно какъ бы оправдываетъ такую систему, указывая на тотъ „прискорбный“ фактъ, что въ Польшѣ тогда было очень мало „просвѣщенныхъ евреевъ, чувствующихъ и дѣйствующихъ по польски“ (стр. 9).

Минуя специальную историко-географическую статью Т. Модельскаго „Горы Юбъ и Септимо у Іосифа бенъ-Горіона и Эдриси“, имѣющую сходство съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ того же автора о „царѣ Гебалимъ“ (Евр. Стар. 1912, вып. I), — мы встрѣчаемъ уже чрезчуръ популярную и элементарную статью д-ра М. Вейсберга „Новоеврейская литература въ Галиціи“. Въ этой характеристикѣ галиційской „гаскалы“ первой половины XIX вѣка слишкомъ много *causerie*, даже для „вступительной главы“. Авторъ, конечно, начинается съ Адама: Мендельсона и Вессели, и даже дѣлаетъ экскурсію въ область старопольской исторіи. Здѣсь мы узнаемъ нѣчто новое: „Польское законодательство (до раздѣловъ Польши) о евреяхъ было образцомъ терпимости и здраваго политическаго смысла. Была тутъ нѣкоторая внутренняя тенденція къ сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ; какъ никакъ ихъ признавали узаконенною интегральною частью (польскаго) народа“ (стр. 42). Приписывать „тенденцію сліянія“ режиму, который былъ основанъ исключительно на сословныхъ перегородкахъ и приводилъ къ абсолютному выдѣленію еврейства въ особую автономную организацію (въ послѣднемъ была единственная заслуга стараго порядка) — тезисъ слишкомъ смѣлый для историка и историческаго журнала. Рядъ фактическихъ ошибокъ („сатира Лернера“ вмѣсто „сатира Эртера“ — стр. 39; „саббатіанизмъ — отецъ польскаго хасидизма“ и смѣшеніе аскетическаго „хебрать р. Іуда-Хасидъ“ съ позднѣйшими бештовскими хасидами — стр. 49; „въ началѣ XIX в. число хасидовъ въ Галиціи не было очень велико и цадики галиційскіе не пользовались большимъ значеніемъ“ — стр. 50, и др.) — свидѣтельствуетъ о недостаточномъ знакомствѣ автора съ историческимъ матеріаломъ и... объ излишней снисходительности редакціи „Квартальника“.

Кое-что новое находимъ въ статьяхъ Г. Мосъцицкаго „Евреи подъ управленіемъ Екатерины II“ и Р. Кемпнера „Агонія кагала“. Въ первой, наряду съ общеизвѣстными данными, приведены архивныя свѣдѣнія (изъ рукописей бібліотеки Замоискихъ) о привлеченіи виленскихъ и

гродненскихъ еврейскихъ обществъ къ участию въ польскомъ возстаніи 1794 года. Г. Кемпнеръ, на основаніи бумагъ изъ архива варшавской „гмины старозаконныхъ“, прибавляетъ нѣсколько черточекъ къ исторіи агитации просвѣщенныхъ варшавскихъ евреевъ противъ стараго кагальнаго управленія въ 1817—18 г., агитации, приведшей спустя нѣсколько лѣтъ къ установленію „божничныхъ дозоровъ“.—Въ статьѣ „Монтефіоре въ Варшавѣ“ помѣщена петиція Моисея Монтефіоре на имя намѣстника Царства Польскаго Паскевича, присланная изъ Лондона въ ноябрѣ 1846 г., вскорѣ по возвращеніи туда Монтефіоре изъ своей знаменитой поѣздки по Россіи. Эта петиція—о ней было извѣстно изъ описаній путешествія Монтефіоре—дошла до царя Николая I, но осталась безъ послѣдствій, какъ и его ходатайство за евреевъ въ самой Россіи. Въ упомянутой статьѣ приведена также предшествующая пріѣзду Монтефіоре переписка его съ дѣятелями варшавскаго еврейскаго общества (Розенъ, Берсонъ, Винаверъ, Тугейдгольдъ), отъ 1843—44 гг., и воспроизведены факсимиле подлинниковъ писемъ на древнееврейскомъ языкѣ.—Довольно обстоятельная статья Д. К а н д е л я: „Евреи въ моментъ возникновенія Конгресснаго королевства“ трактуетъ о внутреннемъ состояніи еврейскаго общества около 1815 года. Наибольшее вниманіе удѣлено хасидизму и роли двухъ главныхъ цадиковъ—Ицика Люблинскаго и Израиля Козеницкаго (къ статьѣ приложенъ даже апокрифическій портретъ „Козеницкаго магида“), которые въ 1815 г. уже сошли со сцены; затѣмъ изображается борьба передовыхъ элементовъ съ отсталыми въ варшавскомъ еврейскомъ обществѣ того времени, и этой стороною статья примыкаетъ къ вышеупомянутой „Агоніи Кагала“ г. Кемпнера.

Отдѣлъ „Смѣси“ содержитъ не лишніе интереса документы: „Изъ переписки раввина Мейзельса“; „Виленскій военный заемъ 1812 года“; „Авраамъ Штернъ и Раввинская Школа въ Варшавѣ“; „Іосифъ Берковичъ среди эмигрантовъ“; „Карьера цадика Ице-Майера (изъ Гера—Гуры-Кальваріи)“; „Эпизодъ изъ исторіи возникновенія еврейскаго театра въ Варшавѣ“ (въ 1837 г. полиція, по настоянію еврейскаго божничнаго дозора, запретила представленія на „нечистомъ“ языкѣ—жаргонѣ); „Изъ Пинкоса Погребальнаго Братства въ Прагѣ“ (Варшавской)—уставъ Братства отъ 1785 г. и списокъ убитыхъ въ Прагѣ—очевидно, во время осады ея Суворовымъ въ 1794 г.; Ода по случаю прибытія саксонскаго короля Фридриха-Августа, правителя Герцогства Варшавскаго, поднесенная ему варшавскими евреями 24 ноября 1807 г. (на еврейскомъ и польскомъ языкахъ).—Въ приложеніи къ I-му выпуску „Квартальника“ помѣщено начало труда Д. К а н д е л я „Старинныя синагоги въ Польшѣ“, съ многочисленными рисунками; пока описана синагога Сандомирская.

Первый выпускъ варшавскаго трехмѣсячника появился въ мартѣ 1912 г., а нынѣ (октябрь) еще не вышелъ второй его выпускъ. Хотѣлось бы вѣрить, что замедленіе это случайное, что новое, безусловно полезное историческое изданіе будетъ упрочено и что въ дальнѣйшемъ будутъ устранены тѣ редакціонныя недочеты, на которые указываетъ благожелательная критика.—С. Д.

Извѣстія Общества распространенія правильныхъ свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ. Сборникъ статей. Выпускъ I. Москва, 1912. VIII+231 стр.

Этотъ сборникъ, преслѣдующій цѣли публицистическія, имѣетъ и свой историческій отдѣлъ, представленный главнымъ образомъ въ обширной статьѣ С. А. Ан—скаго „Отечественная война и евреи“ (стр. 53—84). Существенная часть статьи исчерпывается извѣстною перепискою цадика р. Зальмана Лядыйскаго и его сына р. Бера по поводу нашествія Наполеона и нѣкоторыми эпизодами о судьбѣ евреевъ во время войны, въ которой они оказывали услуги русской арміи и терпѣли отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Недостаточность историческихъ данныхъ по существу сюжета возмѣщается пространною характеристикою эпохи (положеніе евреевъ въ Россіи при Екатеринѣ II и Александрѣ I и на западѣ при Наполеонѣ I, парижскій синодріонъ и т. п.). Какъ очеркъ болѣе бытовой, чѣмъ историко-критическій, статья читается съ живымъ интересомъ. (Слѣдуетъ только исправить нѣкоторыя неточности, какъ напр.: „Эфроимъ Рупшицкій, извѣстный подъ названіемъ Козеницкаго проповѣдника“ (стр. 64): знаменитый Козеницкій магидъ р. Исроиль не имѣлъ ничего общаго съ младшимъ своимъ современникомъ—ропшицкимъ цадикомъ, который назывался не Эфроимъ, а Нафтали). По полнотѣ историческаго матеріала этотъ очеркъ уже превзойденъ только что появившейся книгою С. М. Гинзбурга „Отечественная война и евреи“ (Спб., 1912), о которой еще будетъ рѣчь въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Еврейской Старины“.

Элементъ исторіи имѣется и въ статьѣ Мар—бада: „Воинская повинность и евреи“, гдѣ изображены старая рекрутчина и переходъ къ воинскому уставу 1874 года. Къ научной области относится и критическая статья И. Левина на извѣстную книгу Зомбарта „Евреи и хозяйственная жизнь“ (въ рус. изд. „Разума“); рецензентъ приводитъ обширныя извлеченія изъ критической статьи Фейхтвангера (въ Шмоллеровскомъ *Jahrbuch*) о трудѣ Зомбарта. Больше одной трети сборника занята переводомъ „Слова о Талмудѣ“ Карла Фишера—устарѣлой книжки австрійскаго цензора, написанной въ 1802 г. и имѣющей исключительно апологическое значеніе. Едва ли эта вещь, годная развѣ только для отдѣльнаго изданія *ad usum delphini*, умѣстна въ сборникъ современныхъ статей, хотя бы издаваемого обществомъ, преслѣдующимъ цѣли апологіи.

1) Ф. Франкъ, Ритуальные убійства предъ судомъ истины и справедливости. Переводъ съ нѣмецкаго (352 стр.). Кіевъ 1912.

2) Папскія буллы о кровавомъ навѣтѣ. Перев. съ нѣм. (105 стран.). К., 1912.

3) Е. Вакандаръ (аббатъ): Вопросъ о ритуальномъ убійствѣ у евреевъ. Пер. съ франц. (61 стр.), К., 1912.

4) Ф. Борисовъ. Ипполитъ Лютостанскій, его жизнь и дѣятельность (48 стр.). К., 1912.

5) Д. Хвольсонъ. Употребляютъ-ли евреи христіанскую кровь? Изд. 3-е. К., 1912 (77 стр.).

Вся эта „киевская“ литература, очевидно вызванная дѣломъ Юшинскаго-Бейлиса, не можетъ претендовать на строго научное значеніе уже потому, что она имѣетъ полемико-апологическую цѣль. Однако въ ней, какъ и въ однородной книгѣ Штрака, разбросаны историческіе матеріалы. Въ этомъ отношеніи наиболѣе важна вторая изъ названныхъ выше книгъ: „Панскія буллы“, изданная въ нѣмецкомъ оригиналѣ д-ромъ М. Штерномъ (Берлинъ. 1893; 2 изд. Мюнхенъ, 1900) съ солиднымъ аппаратомъ бібліографіи и примѣчаній. Для исторіи ритуальныхъ процессовъ въ Польшѣ имѣетъ особенное значеніе помѣщенная здѣсь докладная записка кардинала Ганганелли (впослѣдствіи папы Климента XIV), представленная Ватикану въ 1759 г. Записка Ганганелли, какъ извѣстно, была вызвана ходатайствомъ еврейскаго депутата Якова Селека, посланнаго въ Римъ польскими евреями, чтобы просить у папы защиты противъ участвовавшихъ ритуальныхъ процессовъ. Матеріаломъ для нея послужили свѣдѣнія, доставленные папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, а именно доклады Луцкаго и Киевскаго епископовъ и самого нунція; въ примѣчаніяхъ указаны подробности „Ямпольскаго дѣла“ 1756 г. по докладу Селека, копія съ котораго хранится въ архивѣ еврейской общины въ Веронѣ.

Книга д-ра Франка, баварскаго католическаго священника и бывшаго депутата рейхстага, есть произведеніе полемическое (издана въ 1901 г., въ связи съ Коницкимъ процессомъ въ Германіи); но нѣкоторымъ историческимъ пособіемъ можетъ служить помѣщенный въ ней перечень 172 ритуальныхъ дѣлъ (отъ 1235 до 1900 г.). Первымъ ритуальнымъ процессомъ авторъ считаетъ Фульдскій, 1235 г.; но фактически эру этихъ процессовъ можно отнести къ болѣе раннему времени — къ мученичеству евреевъ въ Блуа, въ 1171 г. Вообще въ перечнѣ указаны лишь немногіе изъ старыхъ процессовъ; польскіе и русскіе процессы, кромѣ Ямпольскаго, въ немъ даже не упомянуты. Только новѣйшіе процессы (1882 — 1900) въ немъ представлены полнѣе.

Брошюра французскаго аббата Вакандра, помѣщенная въ видѣ статьи въ „Revue du Clergé français (1911 г.), можетъ служить частичнымъ дополненіемъ къ книгѣ Франка, ибо освѣщаетъ по первоисточникамъ нѣкоторые процессы среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Біографія темнаго авантюриста Лютостанскаго, очищенная отъ ея полемическаго элемента, представляетъ собою „человѣческій документъ“, напоминающій о нѣкоторыхъ забытыхъ эпизодахъ изъ исторіи юдофобіи 1870-хъ и 80-хъ годовъ.

Брошюра Хвольсона, дополняющая его большой трудъ „О средневѣковыхъ обвиненіяхъ“, впервые была напечатана въ 1879 г., по поводу Кутаисскаго дѣла, и извѣстна читающей публикѣ.

Dr. J. Joffe: Regesten und Urkunden zur Geschichte der Juden in Riga und Kurland. Lieferung 3 (SS. 185—246). Riga, 1912.

Д-ръ Іоффе продолжаетъ публиковать акты и регесты по исторіи евреевъ въ Ригѣ и Курляндіи, первый выпускъ которыхъ былъ своевре-

менно рецензированъ въ „Еврейской Старинѣ“ (1910 г., стр. 293 сл.). Настоящій (3-й) выпускъ доведенъ до 1740 года и содержитъ не мало интереснѣйшихъ документовъ, ждущихъ исторической обработки.

Поступили въ редакцію:

W. Sombart. Die Zukunft der Juden. Leipzig, 1912. 91 SS.

Protokoll des X Zionisten-Kongresses in Basel vom 9 bis 15 August 1911, herausgegeben vom zionistischen Aktions-Komité. Berlin-Leipzig, 1911 (364 SS.).

Dr. E. Auerbach. Palästina als Judenland. Berlin-Leipzig 1912 (51 SS.) (изданіе того-же сionист. комитета).

S. A. Horodezky. Zwei Richtungen im Judentum. Sonderabdruck aus Archiv für Religionswissenschaft, Band XV. Leipz.-Berl. 1912 (SS. 99—136).

העתיד, מאמץ ספרותי-מדעי לברור עניני היהדות והיהודים. הוצאת „סיני“. ספר רביעי. ברלין תרע"ב (240 стр.).
כתבי חיים משרנובוץ (רב צעיר). התלמוד. סקירה כללית על מהות התושבע"פ יסוד ההלכה והשתלשלות יצירתה עד חתימת המשנה. הוצאת „הספר“. ורשה תרע"ב. (114 стр.).
לינדער-זאמעלבויך פאר דער אידישער שול און פאמיליע. פון ז. קי-סעלגאף, זיטאמירסקי און לוואוו. פעטערבורג-בערלין. 1912 (46 און 131 יטען).

З. Н. Крупницкій. Хасидизмъ, его происхождение, философская сущность и культурно-историческое значеніе. Кіевъ, 1912 (59 стр.).

С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 года и рускіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб., Кн-во „Разумъ“, 191 (XII+144 стр.).

С. Х. Бейлинь. Пословицы и поговорки Сибирскихъ евреевъ. Матеріалы по еврейскому народному творчеству (Фолклоръ). Иркутскъ, 1912. (24 стр.).

Извѣщенія Комитета Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

О собираніи матеріаловъ.

Комитетъ обращается ко всѣмъ лицамъ, интересующимся еврейской исторіей и этнографіей, съ просьбою: **собирать повсемѣстно соотвѣтствующіе матеріалы и присылать ихъ Комитету** для постояннаго или временнаго пользованія. Въ различныхъ общинныхъ и семейныхъ архивахъ, въ библіотекахъ частныхъ лицъ, а нерѣдко въ забытыхъ углахъ и на чердакахъ домовъ разбросаны рукописныя книги и отдѣльные документы, уцѣлѣвшіе остатки былой культуры, съ каждымъ годомъ исчезающіе отъ небрежнаго обращенія, пожаровъ и всякихъ случайностей. Надо немедленно принять мѣры къ спасенію этихъ остатковъ историческаго матеріала отъ полнаго исчезновенія. Комитетъ предлагаетъ:

1. Собираютъ *пинкосы*, т. е. рукописныя протокольныя книги еврейскихъ общинъ, союзовъ и братствъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Польши и Россіи (пинкосы кагаловъ, погребальныхъ братствъ, разныхъ „хебротъ“ или союзовъ—религіозныхъ, благотворительныхъ, взаимопомощи и т. п.). Присылать подлинныя пинкосы въ Комитетъ съ указаніемъ: уступаются ли они Комитету для помѣщенія въ организуемомъ Центральномъ Архивѣ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества, или же даются ему для пользованія на время. Въ послѣднемъ случаѣ пинкосъ, послѣ снятіи копии, будетъ возвращенъ владѣльцу. Если же пинкосъ вовсе не можетъ быть присланъ, то желательно имѣть подробную опись его содержанія и въ особенности хронологическихъ датъ, которыми помѣчены древнѣйшія его записи.

2. Собираютъ *отдѣльныя рукописи и письма* историческаго содержанія, хранящіяся у частныхъ лицъ, и присылать ихъ въ подлинникахъ или копіяхъ.

3. Сообщать свѣдѣнія относительно еврейскаго историческаго матеріала, хранящагося въ мѣстныхъ правительственныхъ, церковныхъ, городскихъ и частныхъ *архивахъ*, съ указаніемъ лицъ, могущихъ оказать содѣйствіе въ добываніи этого матеріала.

4. Собираютъ: а) *мѣстныя преданія*, имѣющія историческій или этнографическій характеръ, *народныя пѣсни, анекдоты, пословицы, поговорки* и пр.; б) свѣдѣнія о *мѣстныхъ обычаяхъ*,

постахъ или торжествахъ по случаю какихъ-либо достопамятныхъ событій; с) *разсказы старожиловъ* о тѣхъ или другихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ, лицахъ и происшествіяхъ; d) старѣйшія *надгробныя надписи* еврейскихъ кладбищъ съ возможно точнымъ указаніемъ датъ.

5. Сбирать и присылать для Музея Общества *вещественные памятники прошлаго*: рѣдкіе предметы домашняго обихода, одежды, синагогальныя принадлежности, старинныя монеты, печати, портреты, гравюры и т. п.

Всѣ расходы, связанные съ добываніемъ и пересылкою означенныхъ матеріаловъ, будутъ, по желанію, возвращены лицамъ, доставившимъ ихъ Комитету. О полученномъ будетъ публиковаться въ отчетахъ и изданіяхъ Общества.

Переписку (ее можно вести на еврейскомъ, русскомъ, польскомъ и другихъ языкахъ) и матеріалы просимъ адресовать:

Въ Комитетъ Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества. С.-Петербургъ, 7-я Рождественская, д. 6, кв. 24.

Извлеченіе изъ Устава Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества.

§ 1. Еврейское Историко-Этнографическое Общество имѣетъ цѣлью: а) изученіе и изслѣдованіе всѣхъ областей еврейской исторіи и этнографіи и б) разработку теоретическихъ вопросовъ исторической и этнографической наукъ.

§ 2. Для достиженія своей цѣли, Общество: а) устраиваетъ собранія своихъ членовъ для научныхъ сообщеній; б) устраиваетъ, съ надлежащаго разрѣшенія, публичныя чтенія по вопросамъ еврейской исторіи и этнографіи; в) печатаетъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ для сего законовъ, свои труды въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, сборниковъ и періодическихъ изданій; г) предлагаетъ задачи и за разрѣшеніе ихъ выдаетъ денежныя преміи и награды.

§ 3. Райономъ дѣйствія Общества является вся территорія Россійской Имперіи.

§ 4. Членами Общества могутъ быть лица обоего пола, достигшія совершеннолѣтія, сочувствующія и выражающія готовность содѣйствовать цѣлямъ Общества.

§ 5. Члены Общества раздѣляются на: а) почетныхъ, б) дѣйствительныхъ, в) соребнователей, г) жертвователей.

§ 10. Дѣйствительные члены вносятъ ежегодно въ кассу Общества десять рублей или сто рублей единовременно. Члены-соребнователи вносятъ ежегодно въ кассу Общества пять рублей или пятьдесятъ рублей единовременно.—Члены-жертвователи—ежегодно три рубля.

§ 11. Всѣ члены получаютъ бесплатно по одному экземпляру всѣхъ печатаемыхъ Обществомъ трудовъ, за исключеніемъ періодическихъ изданій Общества. Всѣ члены имѣютъ право пользоваться библіотекой и архивомъ Общества.

§ 12. Въ составѣ Общества, по мѣрѣ надобности, могутъ открываться особыя отдѣленія по спеціальностямъ.

§ 13. Дѣлами Общества управляетъ Комитетъ въ составѣ 12 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ. Комитетъ избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя, секретаря и казначея.

§ 17. Члены Комитета избираются на три года. Каждый годъ изъ 6 членовъ выбываютъ по очереди 2 лица и на ихъ мѣста избираются новые.

§ 26. Комитетъ имѣетъ свое пребываніе въ С.-Петербургѣ.

§ 27. Общія собранія бываютъ очередныя и чрезвычайныя.

§ 28. Очередныя общія собранія состояются изъ членовъ Общества всѣхъ категорій и происходятъ періодически, согласно росписанію, составляемому Комитетомъ въ началѣ года и утверждаемому общимъ собраніемъ.

§ 29. Собранія Общества посвящаются: а) чтенію научныхъ докладовъ и изустныхъ сообщеній по предметамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества; б) выборамъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, членовъ-соревнователей, членовъ-жертвователей, членовъ Комитета и ревизіонной комиссій; в) слушанію и утвержденію смѣты и отчетовъ Комитета и ревизіонной комиссій; г) окончательному разрѣшенію всѣхъ внесенныхъ Комитетомъ вопросовъ.

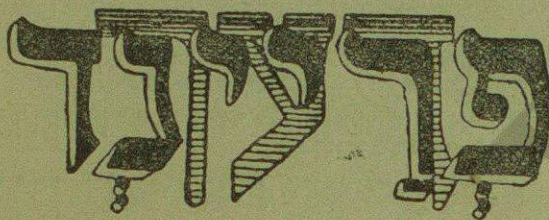
Примѣчаніе. О предметѣ научныхъ докладовъ, приготовленныхъ къ чтенію, сообщается членамъ въ пригласительныхъ повѣсткахъ.

§ 35. Средства Общества состояются: а) изъ членскихъ взносовъ, б) изъ доходовъ свободныхъ капиталовъ, в) изъ суммъ, поступающихъ отъ продажи изданій, г) изъ входной платы за публичныя чтенія и д) изъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1912 г.

на первую ежедневную политическую и литературную газету на еврейскомъ языкѣ

**X-й годъ
изданія**

**X-й годъ
изданія**

„ДЕРЬ ФРАЙНДЪ“ вступаетъ въ десятый годъ существованія и издается при участіи лучшихъ силъ еврейской литературы. За протекшія девять лѣтъ газета успѣла завоевать себѣ обширный кругъ читателей среди широкихъ массъ еврейства и въ особенности среди еврейской интеллигенціи.

Редакція газеты приняла мѣры, чтобы въ теченіе 1912 года, по случаю десяти-лѣтняго юбилея къ участію въ ней привлечены были всѣ выдающіяся литературныя силы, которыя сотрудничали въ газетѣ за все время существованія ея. Статьи этихъ авторовъ вмѣстѣ съ ихъ портретами будутъ печататься въ особомъ еженедѣльномъ приложеніи, посвященномъ десятилѣтнему юбилею газеты.

„Деръ Фрайндъ“—единственная еврейская газета, имѣющая спеціальнаго корреспондента въ Государственной Думѣ.

Прихимається подписка

съ 1-го октября на три мѣсяца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
съ пересылкой и доставкой:

на годъ	7 р.
„ 6 мѣс.	3 р. 50 к.
„ 3 „	1 р. 75 к.

Адр. конт. и ред.: Варшава, Электоральная, „ДЕРЬ ФРАЙНДЪ“.

Редакторъ **Ш. Розенфельдъ.**
Издатель **С. Рапопортъ.**

„הצפירה“ לשנת 1912.

מתקבלת החתימה על „הצפירה“ לשנת 1912.

שנת השלשים ושמונה. בעריכת נחום סקולוב.

בתור עתוי יומי כללי ימצא הקורא ב„הצפירה“ יום את חמציתן של כל החדשות שקרו בעולם הגדול. את החליפות והתמורות במדינות ובממלכות; הארות והערות לשאלת היום בפוליטיקה הכללית.

בתור עתון עברי לאומי נותנת „הצפירה“ לקוראיה בהקדם ובזריזות את כל החדשות אשר קרו בעולם היהודים ברוסיה, בארץ ישראל ובכל ארצות הגולה; מאמרים על כל מקצועות החיים. ועל כל מאורעות היום בחיי ישראל בכל המדינות. בפיליטונים ובהוספות ספרותיות של „הצפירה“ נדפסים מאמרי ספרות ובקורת ספרים. עיונים שיחות פובליציסטיות ועוד שבהם משתתפים כמעט כל הסופרים העבריים הגדולים.

הפרסים של הצפירה:

(1) דור דור ודורשיו מאת הרה"ח ר' אייזיק הירש ווייס. חמשה כרכים בעשרים חלקים במקום 9 רק 3 רובל.

(2) תולדות השלמת האדם מאת יוליוס ריפערט, תרגום דוד פרישמן.

כארבעה כרכים ושמונה חלקים. במקום 7.91 ר' רק 3 רובל. בעד המשפוח של כל פרס 45 ק.

אוצר לשון המקרא והמשנה.

מאת הרב החכם ר' שמואל יוסף פין ז"ל.

(3) האוצר

פתרון כל המדות שנמצאו במקרא ובמשנה. באור הנחותיהן הראשונות. ההוראות הנגזרות מהן והכרזי השמות והפעלים הנדרשים ועם זה זכרון המלים הנגזרות מלשון המקרא והמשנה. שבאו בתלמוד בבלי וירושלמי. במדרשים ובאגדות. בפיוטים ובספרי גדולי חכמי ישראל. ראשונים, בהעתקה ללשון רוסית ואשכנזית, וכן כל השמות העצמיים הפרטיים שזכרו במקרא. וכל הספר הזה. החשוב באיכותו והרב בכמותו.

יחזיק לערך 4320 עמודים גדולים פורמט לקסיקוני

וינתן רחמי „הצפירה“ במחיר זול שלא נשמע כמוהו בשום ספרות רמלון לקסיקוני כזה.

מתקבלת החתימה של „הצפירה“ מן 1 אוקטובר

לזכר חג היובל של „הצפירה“ נשלחה להחותמים:

חוברת היובל בהשתתפותם של הרבה מגדולי הסופרים העברים. בה יבואו: מאמרים, רשימות, זכרונות ותמונות של סופרים מימי התקופה היא. להחברת יצורף גם הגליון הראשון של „הצפירה“ משנת תרכ"ב בצביונו ותכנון כפי שיעא אז. החוברת הזאת תופיע ליום היובל הנ"ל.

המחיר: לשנה 8 רובל. לחצי שנה 4 רובל. לרבע שנה 2.

הארריסה:

Редакция „Гадцефюра“, Варшава, Панская 40.

Въ канцеляріи Комитета Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества (С.-Петербургъ, 7-я Рождественская, д. 6. кв. 24), ПРОДАЮТСЯ слѣдующія книги:

1-й томъ

Областного Пинкоса Ваада Литвы,

содержащій акты 1623—1662 г.

Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ д-ра **І. И. Тувима**,
подъ редакціей и съ предисловіемъ **С. М. Дубнова**.

Цѣна 1-го тома 2 руб. 50 коп.

2-й томъ „Регестъ и Надписей“.

Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (1671—1731 г.)

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Покупателямъ 2-го тома, а равно членамъ Историко-Этнограф. Общества, 1-й томъ «Регестъ и Надписей» (80—1670 г.) продается по льготной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. съ пересылкой (вмѣсто 3-хъ руб.).

Печатается 3-й томъ „Регестъ“.

РЕГЕСТЫ И НАДПИСИ: Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи: т. I. (80—1670 г.). Ц. 3 р.; томъ II (1671—1739 г.). Ц. 2 р.

С. А. Бершадскій. Русско-Еврейскій Архивъ: документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ. Томъ 1 (1388—1550 г.), ц. 2 руб.; т. 2 (1550—1569 г.) ц. 2 руб.

НВ. Третій томъ: Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569)—распроданъ.

Членамъ Еврейск. Историко-Этнограф. Общества и подписчикамъ „Еврейской Старины“ дается скидка въ 25 проц.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

С. М. ДУБНОВА.

ТОМЪ I, въ переработанномъ изданіи (древнѣйшій и древній періодъ, 656 страницъ. Спб. 1910). Цѣна—3 руб. 25 коп.; вмѣстѣ съ II и III томами (средніе вѣка и новое время)—7 руб.; въ двухъ изящныхъ переплетахъ—8 руб.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

ПИСЬМА О СТАРОМЪ И НОВОМЪ ЕВРЕЙСТВѢ, систематически обработанное изданіе. Спб. 1907. Цѣна 1 руб. 20 коп.

УЧЕБНИКЪ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ для школъ и самообразованія
Три части. Цѣна каждой 50 коп.

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ: 1) Книжный магазинъ **А. Г. Сыркина**, въ **Вильнѣ**. 2) Книжный складъ „Общественная Польза“, **С.-Петербургъ**, **В. Подъячская**, 39. 3) Книжный магазинъ „Эзро“, **Спб.**, **Садовая**, 52.

Продолжается подписка на 1912 годъ на трехмѣсячникъ

„ЕВРЕЙСКАЯ СТАРИНА“

(4-й годъ изданія),

издаваемый Еврейскимъ Историко-Этнографическимъ Обществомъ, подъ редакціей С. М. ДУБНОВА.

Цѣль изданія: научная разработка исторіи и этнографіи евреевъ въ Польшѣ и Россіи. Въ трехмѣсячникѣ помѣщаются изслѣдованія по первоисточникамъ или неизданнымъ матеріаламъ, документальный матеріалъ въ подлинникахъ и переводахъ, мемуары, переписка, рецензіи о новыхъ книгахъ, отчеты о публичныхъ засѣданіяхъ Евр. Истор.-Этн. О-ва, прочитанныхъ рефератахъ и пр.

СОТРУДНИКИ: С. А. Ан-скій, М. Балабанъ (Львовъ), Г. М. Барацъ, С. Х. Бейлинъ, Бенъ-Ами, И. З. Берлинъ, А. И. Браудо, д-ръ С. А. Вайсенбергъ, С. С. Вермель, М. М. Винаверъ, М. Л. Вишницеръ, И. В. Галантъ, д-ръ А. Я. Гаркави, Ю. И. Гессенъ, С. М. Гольдштейнъ, С. А. Городецкий, Б. Донхинъ (Донъ-Яхія), Я. И. Израильсонъ, д-ръ І. Іоффе, М. Г. Каганъ, Л. О. Канторъ, А. С. Кацнельсонъ, Давидъ Коганъ, Х. Г. Коробковъ, М. И. Кулишеръ, І. М. Кулишеръ, Д. Г. Маггидъ, С. О. Марголинъ, П. С. Марекъ, И. Ю. Марконъ, С. Мисти-славская, Д. С. Пасманикъ, С. В. Познеръ, Л. А. Севъ, Г. Б. Слюзбергъ, С. М. Станиславскій, Г. Я. Сыркинъ, М. Г. Сыркинъ, Б. И. Топоровскій, М. Л. Тривусъ, д-ръ И. І. Тувимъ, С. Л. Цинбергъ, Х. З. Черновицъ, И. Шипперъ (Львовъ), д-ръ М. Шорръ (Львовъ), Л. Я. Штернбергъ, д-ръ П. А. Ямпольскій, и др.

Подписная цѣна: за годъ 4 руб., за полгода 2 руб., за четверть года (отдѣльная книжка)—1 руб. 25 к.

НВ. Члены „Еврейск. Историко-Этнограф. Общества“, годовой взносъ которыхъ не менѣе 5 руб., получаютъ журналъ „Евр. Старину“ бесплатно, уплачивая только 1 руб. за пересылку книгъ. Для членовъ-жертвователей (платящихъ 3 руб.) цѣна журнала 3 рубля. Отдѣльные комплекты журнала за 1909, 1910 и 1911 г.г. продаются по 4 руб. за годъ; для новыхъ членовъ О-ва и подписчиковъ по 3 руб. за годъ (вмѣстѣ съ приложеніемъ „Литовскаго Пинкоса“).

Выписывающіе комплекты за три года (1909, 1910 и 1911 г.г.) платятъ 10 руб.; для новыхъ членовъ О-ва и подписчиковъ—8 руб.

Подписка на „Евр. Стар.“ принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи. За границей подписка на „Евр. Старину“ принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы (для присылки денегъ, заказовъ и запросовъ о подпискѣ): Комитету „Еврейскаго Историко-Этнографическаго Общества“, С.-Петербургъ, 7-я Рождественская, д. № 6, кв. 24.

Рукописи, литературную переписку, книги для рецензіи и періодическія изданія адресовать: С. М. Дубнову, С.-Петербургъ, Б. Монетная, д. 21.

Обо всѣхъ книгахъ, поступающихъ въ редакцію отъ авторовъ или издателей, даются рецензіи или извѣщенія.

Издатель: Еврейское Историко-Этнограф. О-во (уполномоч.—С. М. Гольдштейнъ).
Редакторъ С. М. Дубновъ.